

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Б. Д. ГРЕКОВ

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КИЕВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Декабрь 1936 г.
Непременный секретарь академик *Н. Горбунов*

Технический редактор М. И. Стеблин-Каменский

Ученый корректор А. М. Налетов

11-я — 40-я тысячи

Подписано к печати с матриц 4 декабря 1936 г.

192 стр.
Формат бум. 62 × 94 см.—12 печ. л. — 41 833 тип. зн. в п. л. — 12.5 уч.-авт. л.
Тираж 30 000. — Ленгорлит № 26979. — АНИ № 1480. — Заказ № 1537

Типография Академии Наук СССР. Ленинград. В. О., 9 линия, 12

«Не давайте гордыне овладеть вами. Из-за нее вы будете упорствовать там, где нужно соглашаться. Из-за нее вы откажетесь от полезного совета и дружеской помощи. Из-за нее вы утратите меру объективности.

И. П. Павлов

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГЕНЕЗИСЕ ФЕОДАЛИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛХОВСКО-ДНЕПРОВСКОГО БАССЕЙНА [1]

Если вопрос о генезисе феодализма в древней Руси не раз был предметом специальных исследований и дискуссий, если он всегда представлял большой научный интерес, то сейчас он поставлен перед нами еще с большей остротой. Актуальность проблемы не требует доказательств: без решения этой задачи нельзя построить правильного представления о русском историческом процессе в целом. Факт серьезных разногласий, разделяющих исследователей этого вопроса, объясняется, с одной стороны, тем, что для столь отдаленной от нашего времени поры в нашем распоряжении имеются либо скудные, либо неясные и неточные сведения, а, с другой стороны, тем, что в нашей науке до сих пор еще не строго определены признаки периодизации всего исторического процесса в целом, и особенно древнейшего его периода, в частности.

Вполне понятную для древнейшей поры нашей истории скудость письменных источников наша наука пытается преодолеть путем привлечения к решению стоящих перед нею задач новых и самых разнообразных источников, каковы: памятники материальной культуры, язык, пережитки, наблюдаемые у народов, стоящих на низших ступенях общественного развития и др. Но

[1] В основу этой работу положен мой доклад «Рабство и феодализм в древней Руси», Изв. ГАИМК, вып. 86.

и несомненные выгоды от расширения круга источников все же еще не дают нам возможности решить ряд сложных и трудных проблем, без чего мы не можем проникнуть в покрытое мраком далекое прошлое.

Археология при всех своих больших успехах, особенно за последнее время, все же часто бессильна ответить нам на ряд стоящих перед нами задач в силу специфичности своего материала и методов его изучения; лингвистика не только ограничена в своих возможностях, но далеко не всегда дает нам даже то, что может дать. Сочетание данных археологии и лингвистики с привлечением фольклора, конечно, очень расширяет границы исторического знания, но тем не менее и этого в конечном счете недостаточно, чтобы спорные суждения превратить в бесспорную очевидность.

Нельзя себя утешать и тем, что с момента появления письменных памятников положение историка делается совершенно иным, что письменные факты способны окончательно вывести нас из состояния более или менее обоснованных предположений. Письменный источник имеет свои особенности, требует специального подхода и далеко не всегда гарантирует возможность решения спорных вопросов, исключающую вполне законные сомнения.

И тем не менее, несмотря на все эти трудности, делающие наши исторические выводы в значительной мере условными, ни одно поколение историков не отказывалось погружаться в дебри сложных туманностей в поисках истоков тех общественных явлений, которые никогда не переставали и едва ли когда-либо перестанут волновать человеческую мысль. Это не любопытство, а потребность.

Предлагаемая работа представляет собой попытку пересмотреть заново наш материал с тем, чтобы посильно ответить на вопросы, поставленные современностью.

В настоящих очерках рассматриваются общественные отношения древней Руси лишь в тех рамках, в каких это позволяют, прежде всего, наши письменные источники. Другие виды источников привлекаются лишь отчасти и попутно.

Письменность появляется в истории отдельных обществ довольно поздно, во всяком случае уже в классовом обществе, и предназначается раньше всего для обслуживания интересов господствующих классов. Письменность у восточных славян

появилась в период разложения родовых отношений и успешного развития классового общества. Первые известные нам письменные памятники — «Правды», договоры с греками, летописи — связаны с интересами верхних слоев общества, уже порвавшего связи с родовым строем.

Господствующие классы общества на всем значительном пространстве, занятом восточным славянством, во время составления указанных письменных памятников, т. е. в IX—XI вв., говорили одним языком, тем самым, который мы можем видеть в этих памятниках, где он лишь несколько искажен последующими переписчиками, имели общее представление о своих интересах и способах их защиты и с середины X в. успели связать себя общностью религиозных верований с феодалами соседней Византии.

Само собой разумеется, что те крупные факты, с которыми нас знакомят письменные памятники в определенное время, имеют свою собственную и часто очень длинную историю, о которой молчат эти источники. Самый характер некоторых памятников, конечно, исключает возможность требовать от них историчности, поскольку они часто имели целью лишь зафиксировать определенный, иногда очень ограниченный комплекс явлений данного момента, как всякий подобный комплекс, имеющий следы отмирающих и вновь возникающих элементов, не всегда однако легко распознаваемые.

Только автор «Повести временных лет» ставил перед собой подлинную широкую историческую задачу, которая, нужно сознаться, остается неразрешенной и в настоящее время. Он хотел написать ни больше ни меньше, как историю Киевского государства с древнейших времен: «Откуда пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Русская земля стала есть». Летописец писал свой труд с определенной целью и в определенной политической обстановке. Ему нужно было показать в истории Киевской Руси роль княжеского рода Рюриковичей. [1]

Заранее можно сказать, что с летописной концепцией образования Русского государства нам придется очень значительно разойтись не только потому, что у нас разные с автором летописи теоретические представления об обществе, государстве и историческом процесе в целом, а и потому, что, имея перед собой определен-

---

[1] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, стр. XV, XXI и др.

ную задачу, летописец сделал **соответственный** подбор фактов, для него полных смысла, для нас часто имеющих второстепенное значение, и совсем пропустил мимо своего внимания то, что для нас сейчас имело бы первостепенную ценность. Кроме того, все наши летописцы были связаны волей заказчиков, каковыми обычно являлись князья. Заказчиком той летописи, которая имеется в нашем распоряжении, был Владимир Мономах. Летописец поместил в конце своего труда заметку о самом себе.

«Игумен Силивестр святого Михаила написах книгы си «летописець», надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила в 6624, индикта 9 лета. А иже чтеть книгы сия, то буди ми в молитвах». [1]

Какой заказ мог сделать Владимир Мономах своему историографу, догадаться нетрудно, если только мы сумеем правильно понять политическую ситуацию момента.

Для этого нам совершенно необходимо сделать небольшой экскурс в область политических отношений второй половины XI и начала XII в.

Нам необходимо познакомиться с людьми, делавшими тогда историю, с людьми которые писали и для которых писалась тогдашняя история.

С середины XI в. достаточно ясно определились черты надвигающегося нового этапа в истории Киевского государства.

Киевские феодалы настолько созрели и окрепли в своих позициях, что киевский центр с киевским князем во главе не только перестал быть для них условием роста их богатства и силы, но в некоторых отношениях стал помехой дальнейшему их развитию и выполнению их собственных политических целей. Призрак распада Киевского государства стал совершенно очевидным. Отдельные князья начинают чаще и чаще проявлять свои центробежные тенденции и в своих, противоречивых по отношению друг к другу, интересах сталкиваются между собой, делая таким образом неизбежными усобицы. Но княжеские «усобицы» — это не единственная опасность, грозившая феодалам. Это время насыщено восстаниями масс в разных местах Киевского государства.

Летописец, не склонный уделять много внимания этим движениям, все же отмечает движения 1068, 1071, 1091 и 1113 гг.

---

[1] Лаврентьевская летопись, под 1110 г.

Последнее, повидимому, было особенно сильным, и растерявшиеся господствующие классы киевского общества настойчиво зовут на Киевский стол самого энергичного и властного из князей, Владимира Мономаха. Мы отчасти знаем, что киевская делегация говорила Владимиру Мономаху. Она запугивала Владимира дальнейшим разрастанием народного движения.

Итак, две основные задачи поставлены были перед господствующими классами Киевского общества в тот момент, когда они в крайней растерянности обращались к Владимиру Мономаху, ища в нем спасения: 1) борьба с движением масс и 2) с княжескими усобицами.

Владимир прибыл в Киев и в этом направлении стал действовать разнообразными средствами: репрессии, компромиссы, обращение к общественному мнению. 12 лет его сидения на Киевском столе воскресили времена, когда Киев стоял во главе государства и держал в своих руках власть.

Несколько слов о Киеве, Владимире Мономахе, его деде и отце. Эти несколько слов рассчитаны исключительно на создание правильной перспективы, необходимой для оценки событий и участвовавших в них людей.

О Киеве конца X начала XI в. говорит Дитмар, как о большом городе, в котором 400 церквей и 8 рынков и несметное множество народа. Адам Бременский во второй половине XI в. называет Киев соперником Константинополя. Лаврентьевская летопись под 1124 г. говорит, что в Киеве был грандиозный пожар, причем, «церквий единых изгоре близ 600». Весьма вероятно, здесь койчто и преувеличено, но несомненно во всяком случае, что Киев в XI в. — один из больших городов европейского масштаба. Неслучайно ему так много внимания уделяют западноевропейские хронисты. Двор киевского князя хорошо известен во всем тогдашнем мире, так как киевский князь в международном отношении к этому времени успел занять весьма определенное положение.

Ярослав Мудрый находился в родственных связях с царствующими домами Англии, Франции, Германии, Польши, Скандинавии, Венгрии и Византии. Его дочь Анна была замужем за французским королем Генрихом I и активно участвовала в политической жизни Франции (была регентшей после смерти своего мужа), внучка Ярослава была замужем за императором священной Римской империи Генрихом IV. При дворе Ярослава

жил изгнанник из своего королевства Олаф Норвежский, сын которого с русской помощью возвратил себе норвежский престол. При том же дворе жил и другой знаменитый викинг Гаральд, после громких военных походов в Сицилию и Италию ставший королем Норвегии и сложивший свою голову в Англии. Он был женат на дочери Ярослава — Елизавете. Как видно из английских «Законов Эдуарда Исповедника», в Киеве у Ярослава нашли себе приют сыновья английского короля Эдмунда Железный Бок — Эдвин и Эдуард, изгнанные из Англии датским конунгом Канутом.

Неудивительно, что в этой интернациональной обстановке дети Ярослава научились говорить на многих европейских языках. Нам хорошо известно, что Всеволод Ярославич, отец Владимира Мономаха, говорил на 5 языках. Всеволод был женат на греческой принцессе из дома Мономахов, его сын Владимир женился на дочери последнего англо-саксонского короля Гите Гаральдовне, вынужденной бежать из Англии, вследствие норманского вторжения.

Я не могу сейчас приводить многочисленные факты участия Киева в европейской жизни государств и народов. Думаю, что и приведенные мною сведения, хотя и подобранные весьма однобоко, служат ярким показателем положения Киева в международном отношении.

Таким образом Владимир Мономах, к которому нам надлежит сейчас снова вернуться, жил в очень сложной, насыщенной европейской политикой атмосфере.

Он понимал толк в литературе, о чем свидетельствует его поучение, едва ли не навеянное на него соответствующими английскими образцами.[1] Он очень хорошо знал и политическое значение летописи.

По прибытии в Киев он уже застал здесь летопись, составленную монахом Киево-Печерского монастыря, но эта летопись Мономаха не удовлетворила.

Мы не знаем, что собственно не понравилось Владимиру Мономаху в этой летописи, почему он счел необходимым переделать ее и передать дело в другие руки и даже в другое учреждение (из Печерского монастыря в Выдубицкий Михайловский

[1] М. П. Алексеев. Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха. Труды отдела древне-русской литературы, т. II, Лгр. 1935, изд. Акад. Наук.

монастырь), потому что эта старая летопись до нас не дошла, но зато мы можем догадаться, чего хотел Владимир Мономах от игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра.

Кажется, Сильвестр справился со своей задачей, т. е. правильно понял требования момента. Через его труд красной нитью проходит борьба с сепаратистическими тенденциями феодальной знати, стремление укрепить идею единства Русской земли, внедрить в сознание феодалов необходимость подчинения киевскому князю, власть которого является в то же время и серьезной гарантией от народных восстаний.

Сильвестр пользовался трудами своих предшественников, где уже были даны некоторые схемы, полезные и для данного момента, лишь нуждающиеся в некоторой переделке. Сильвестр мог прочитать в Новгородской летописи рассказ о том, как в Новгороде когда-то властвовали варяги и «насилье деяху словеном, кривичем и мерям и чюди»,[1] как эти угнетенные прогнали своих насильников и «начаша владети сами собе и городы ставити», как печально оказалось для них отсутствие сильной власти, когда после изгнания насильников они «всташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица и всташа град на град, и не беше в них правды».[2]

Мы, к сожалению, не знаем, что было написано по этому предмету в еще более старой киевской начальной летописи, тоже до нас не дошедшей. Во всяком случае Сильвестр в своем труде вычеркнул фразу новгородской летописи о насилиях варягов, не поместил он также и рассказа о восстании новгородцев против Рюрика, но использовал из трудов своих предшественников только то, что казалось ему полезным. Отсутствие твердой власти приводит к усобицам и восстаниям. Восстановление этой власти (добровольное призвание) спасает общество от всяких бед. Спасителями общества в IX в. явились варяжские князья, в частности Рюрик. Рюриковичи несли эту миссию долго и успешно, и лишь в конце XI в. снова повторились старые времена «всташа сами на ся, бысть межи ими рать велика и усобица». Призвание Мономаха в Киев таким образом оправдано, и долг киевлян подчиняться призванной власти, а не восставать против нее. Усобица слишком

---

[1] Новгородская I летопись, изд. 1888, стр. 4.

[2] Там же, стр. 5.

хорошо была известна киевскому обществу второй половины XI в.

Понятно, почему мы должны относиться к сообщениям и рассуждениям Сильвестра весьма и весьма осторожно. Если даже он и передал нам факты, насколько умел, добросовестно, то использовал их в своих целях, соответственно осветив их.

Увлеченный своей идеей и устремив все свое внимание на север, южный летописец поскупился на факты этого периода своей южной полянской истории, издавна связанной с хозарами и Византией гораздо больше, чем с варягами.

Вполне понятно, что летописец, исполняя свою задачу, старался представить роль династии Рюриковичей не только в лице современных ему представителей, но и далеких их предков, несомненно стараясь изобразить их в привлекательных чертах, иногда полемизируя с более правдивыми и реальными ходячими представлениями о еще сравнительно не столь давнем прошлом, часто невыгодном для господствующего класса в целом и их верховного представителя в частности. Положение писателя довольно понятное. Не один русский Нестор, или Сильвестр, находился в подобном состоянии. Английский летописец, тоже повидимому, имел задачу облагородить происхождение власти своих королей и пользовался теми же приемами. Бритты обращаются к своим легендарным князьям с совершенно аналогичной речью: «Terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant ditioni parere».[1]

Имея перед собой центральную политическую задачу, летописец разрешил ее при помощи доступных ему средств. И нужно прямо сказать, что средствами этими он пользовался по-своему далеко не плохо: он знает цену источнику, он умеет, хотя и своеобразно, но критически к нему относиться, умеет отделять то, что ему представляется главным, от второстепенного. Но он, конечно, человек своего класса и хорошо знает политическое значение своего труда. Он понимает политическую — в смысле международных отношений — ситуацию момента и совершенно ясно проявляет тенденцию, которую можно характеризовать, как поворот лицом к Византии, с вытекающим отсюда следствием — затушевыванием старых связей со ставшим сейчас (после разделения церквей) еретическим и проклятым Западом.[2]

[1] Бестужев-Рюмин. Русская история, I, стр. 98, прим. 3.

[2] Н. К. Никольский. Повесть временных лет.

В распоряжении летописца находились письменные источники — греческие, западноевропейские, русские, а также предания, личные наблюдения как над окружающей его средой, так и над славянскими и неславянскими племенами, в своем развитии стоящими ниже того общества, к которому принадлежал он сам. Он настолько недурно справился со своей темой, что его схемы в основном господствовали в нашей науке до недавнего времени.

Было бы, конечно, странно требовать от летописца ответа на стоящие перед нами научные проблемы, но для решения их мы не можем обойтись без его труда, этого единственного в своем роде произведения. Перед нами стоит труднейшая задача — разложить весь этот труд летописца на составные элементы и использовать их для собственных надобностей. Работа необычайной сложности. А. А. Шахматов, его ученики и оппоненты пытались это сделать, и нужно отдать им справедливость, результатов достигли значительных, хотя далеко еще недостаточных. Можно надеяться, что их продолжатели через привлечение материалов археологических и языковых продвинут работу еще дальше.

Несмотря на то, что работа в этом направлении только начата, мы все же попробуем использовать ее для того, чтобы представить себе, насколько возможно, главнейшие этапы в развитии общества, населявшего Восточную Европу в IX—XII вв. на различных участках этой огромной территории.

Необходимо заранее оговориться, что почти все наши письменные памятники касаются прежде всего территории по Волхову — Днепру, т. е. территории, на которой протекали главнейшие события этого периода, и почти не затрагивают более отдаленных от этой главной магистрали пунктов. Из этого, конечно, отнюдь не следует, что эти другие места, иногда более захолустные, не имели в это же время своей истории: и здесь несомненно была своя жизнь, не попавшая только в своих отдельных ярких проявлениях на страницы летописи, но тем не менее вскрываемая систематической работой археологии. После работ А. А. Спицына,[1] А. В. Арциховского,[2] А. Н. Лявданского,[3]

---

[1] А. А. Спицин. Владимирские курганы. Зап. Археол. общ., т. XV.

[2] А. В. Арциховский. Курганы вятичей.

[3] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смол. гос. унив., т. III, в. 3.

Б. А. Рыбакова,[1] В. И. Равдоникаса,[2] П. Н. Третьякова,[3] и др. мы смело можем говорить о состоянии и характере хозяйства, о зарождении классов, некоторых чертах классовых отношений, религиозных представлениях населения как центрального междуречья, так и областей, лежащих к западу, северу и юго-востоку от главной водной дороги, так хорошо нам известной через русского летописца, через Константина Багрянородного, через византийские и западноевропейские хроники.

Но тем не менее, в виду неполноты и несистематизированности археологических данных, наше внимание все же будет больше всего привлекаться не «захолустьями», а именно теми местами на территории Восточной Европы, которые лучше других и полнее освещены прежде всего письменными источниками, говорящими нам более доступным языком, чем вещественные.

Это совершенно неизбежно еще и потому, что именно в этих пунктах общественная жизнь обнаруживает перед нами наиболее яркие показатели основных контуров интересующего нас процесса, именно здесь мы прежде всего можем подметить те наиболее прогрессивные явления в истории народов, населявших тогда Восточную Европу, которые мы с полным основанием можем считать ведущими.

За последнее время в нашей печати по этим вопросам высказывался ряд соображений, с которыми необходимо считаться.

Основными вопросами, поставленными, так сказать, на очередь, являются следующие: 1. С какого времени можно говорить о феодализме в древней Руси? В связи с этим вопросом стоит вопрос о роли варяжского завоевания в процессе феодализации племен восточно-славянской и финской группы языков. 2. Какой общественной строй предшествовал феодальному у восточных славян и финнов?

---

[1] Б. А. Рыбаков. Радзимичы. Працы секцьи археолёгіі, т. III. Белорусская Академия наук, Инст. истории, Минск, 1932.

[2] В. И. Равдоникас. Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологич. данных. Основн. проблемы генезиса и развития феодального общества, ГАИМК, 1934 г., стр. 102—130.

[3] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Вост. Европе, изд. ГАИМК.

Эти оба вопроса рассматриваются в предлагаемой работе на основе изучения материалов, оставленных нам нашей древностью и успевших попасть в научный оборот.

II. ВАРЯГИ И ВОПРОС О ГЕНЕЗИСЕ ФЕОДАЛИЗМА

О времени возникновения феодальных отношений на Руси за последние годы высказано было два до сих пор непримиренных мнения.

Одна группа ученых считает, что феодальные отношения в древней Руси возникают тогда, когда прекращается торговля по великому водному «пути из варяг в греки», вследствие чего княжеская варяжская дружина оседает на землю. До этого момента, т. е. до XII в., дружина занималась главным образом грабежом и торговлей. На вопрос, что же делало в это время местное славянское общество, подвергавшееся систематическому ограблению норманнов, чем оно жило, сторонники этого мнения ответа не дают и мало об этом думают.[1]

Высказано и другое мнение, несколько расходящееся с только что изложенным. Сторонники второго направления, нисколько не отрицая того, что феодальные отношения к XIII в. созрели в полной мере, не отказываются весьма внимательно следить за историей их созревания и не склонны придавать в этом процессе решающего значения ни норманнам, ни грабежам, ни даже торговле, а главное внимание обращают на объект норманнских набегов, на местное общество и стараются по возможности следить за каждым поступательным шагом в его развитии. Корни феодальных отношений они ищут не в варяжской авантюре, а в условиях развития местного общества, разыскивая именно здесь следы родового строя, сельской соседской общины, зарождения частной собственности на землю, форм эксплоатации человека человеком. Они, конечно, не закрывают глаза на факт старых отношений Руси с варягами, но считают, что результат всякого завоевания обусловлен тем уровнем развития производительных сил завоеванного общества, который предшествует

---

[1] С. В. Вознесенский. К вопросу о феодализме в России (по поводу книги Б. Д. Грекова. Очерки по истории феодализма в России). Проблема истории докапиталистических обществ, 1934 г., № 7—8, там же и мой ответ. С. В. Юшков в своих старых работах стоял приблизительно на такой же точке зрения.

завоеванию. Наконец, они и к факту «завоевания» относятся гораздо осторожнее, имея в виду, что «завоевания» бывают разного характера, разной степени и силы, в зависимости от целого ряда конкретных условий.

Те, кто склонны связывать появление феодальных отношений с варягами и начинать историю феодальных отношений в нашей стране с момента, когда варяги осели на землю, обычно в подкрепление своих взглядов ссылаются на ставшее сейчас достаточно популярным место из «Секретной дипломатии XVIII в.» Маркса, где он говорит о «норманском» или «готическом периоде» русской истории. Вот это место: «Как империя Карла Великого предшествует образованию современной Франции, Германии и Италии, так империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, Балтийских поселений, Турции и самого Московского государства». «Ускоренный темп расширения норманской державы делается следствием не какого-нибудь заранее выдуманного хитроумного плана, а естественным результатом примитивной организации норманнских завоеваний — вассалитет без ленных отношений или лены, составлявшиеся из даней (of tributes) причем необходимость в новых завоеваниях диктовалась непрекращающимся притоком новых авантюристов, жаждавших славы и добычи». Имея якобы за собой столь авторитетную поддержку (в правильности понимания Маркса у них нет сомнений), эти авторы обращаются к собственной аргументации и прежде всего подчеркивают отсутствие до этого времени достаточных сведений о сколько-нибудь крупном частном землевладении; с особым удовлетворением они стараются указать на то, что богатство верхушечных слоев общества IX—XI вв. состояло не в земле, а либо в деньгах, либо в награбленных товарах и конских табунах. Этот период они и склонны считать периодом господства «вассалитета без ленов, или ленов, состоящих только из даней». Но что собственно сказал здесь о древней Руси Маркс? Он указал: 1) что Киевское государство по своей роли в дальнейших исторических судьбах Восточной Европы соответствует империи Карла Великого в образовании и развитии западноевропейских государств; 2) что варяги, в это время игравшие в восточной Европе известную роль, владели примитивными организационными средствами и тем самым были неспособны навязать славянам и финнам свой способ производства. Вассалитет без ленов относится только к варяжским дружинам

и не имеет отношения к местному обществу, среди которого приходилось действовать варягам.

Необходимо также подчеркнуть, что Маркс много раз высказывался о роли завоевания в истории различных обществ и не имел никаких оснований отказываться от этих своих мыслей применительно к древней Руси. Он совершенно определенно говорил о том, что захват в подобных случаях обусловлен объектом захвата и что при этом возможны три варианта: либо народ-победитель навязывает побежденным собственный способ производства, либо оставляет существовать старый и довольствуется данью или, наконец, может иметь место взаимодействие, некоторый синтез, как это было во время вторжения в Римскую империю германцев. При втором варианте естественно принимаемая оседающими завоевателями форма общественности должна соответствовать ступени развития производительных сил, которую они застают в наличии, а если этого соответствия первоначально нет, то их форма общественности должна измениться сообразно производительным силам.[1]

Значение норманского завоевания несомненно сильно преувеличивалось как в старой нашей историографии, так и в последующее время, иногда вплоть до наших дней. Ясно, что в объяснении классообразования у восточных славян мы не можем отрицать естественный и неизбежный процесс разложения сельской общины и образования частной собственности на землю со всеми вытекающими отсюда следствиями в самом славянском обществе. Не завоеватели, а завоеванные должны быть первым и самым необходимым объектом нашего изучения, если мы хотим научно изучить интересующий нас вопрос. Хочется здесь еще раз подчеркнуть, что норманнскому завоеванию решающего значения придавать нет никаких оснований. Примитивно организованные и поэтому вынужденные действовать «ускоренным темпом», варяги не могли проникнуть в толщу завоевываемого общества, не могли перестроить его, а наскоро пользовались лишь тем, что легче всего было взять без особых усилий и сложных организационных средств. Ряд столкновений между авантюристами-варягами привел к тому, что власть перешла в руки киевского, хотя по своему происхождению и варяжского, князя, но очень скоро потеряв-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV. Немецкая идеология, стр. 63, 64, М. 1934. Маркс. К критике политической экономии, изд. 1932 г., стр. 29.

шего свой норманнский облик и ославянившегося. Эти соображения решительно подтверждаются как всеми известными нам старыми фактами, так и вновь пущенными в научный оборот (имею в виду топонимику).[1]

Наконец, в нашем современном споре не все ново: в 50-х годах XIX в. шла по этому вопросу полемика между М. П. Погодиным,[2] стоявшим на точке зрения преувеличенной роли варягов в истории Киевского государства («Варяги имеют свою особую историю, или лучше сказать *одни* составляют ее») и Соловьевым»,[3] высказывавшим отношение к варягам, очень близкое нашему.

Второй чрезвычайно важный и интересный тезис, вытекающий из высказанных мыслей Маркса о древней Руси, — это аналогия Киевской Руси с империей Карла Великого. Империя Рюриковичей (т. е. Киевская Русь, или иначе Русь, объединенная гегемонией Киева) это и есть почва и материал, на которой и из которого впоследствии образовалось несколько самостоятельных политических единиц в Восточной Европе. И этот тезис необходимо принять, потому что он подтверждается фактами и помогает решить один из самых острых исторических вопросов, поставленных давно, но с особенной остротой в послереволюционное время — это проблема Киевской Руси.

Что такое Киевская Русь? Империя ли это Рюриковичей, обнимающая все земли, находящиеся под властью Киева, включая сюда, хотя бы и с некоторыми оговорками, и Новгород и Центральное Междуречье, как неизбежно вытекает из понимания этой империи Марксом, или же только Украина? Мне кажется, что для защиты последнего положения нет достаточно веских аргументов. В 1904 г. М. С. Грушевский высказал упрек тем историкам, которые историю Киевской Руси склонны были рассматривать как начало общерусского исторического процесса. Упрек справедлив лишь отчасти. Конечно, Новгород имеет свою историю

---

[1] Е. А. Рыдзевская. К варяжскому вопросу (местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси). Изв. ООН Академии Наук, 1934, № 7—8. Считаю выводы Е. А. Рыдзевской о весьма незначительном количестве следов варягов на Руси вполне согласуемыми с данными наших письменных памятников.

[2] М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции, Москва, 1846 г., т. III, стр. 545 и др.

[3] С. М. Соловьев. История России с древн. времен, изд. Обществ. Польза, т. I, стр. 273 и дальше.

но так же, как и Ростово-Суздальская земля. Но отсюда не вытекает отрицание целого периода в истории восточноевропейского общества, когда Киев объединял огромную территорию, в состав которой входили и Новгород, и Суздаль и Ростов. Отрицать этот факт — это равносильно отрицанию аналогичного факта в истории Западной Европы, где Франции, Германии и Италии предшествовала огромная империя Карла Великого, таившая в своих недрах зародыши этих будущих политических образований. Если мы примем эту аналогию Маркса, тогда перед нами падают и неопредолимые трудности в приурочении «Русской Правды» к какой-либо определенной территории или этнической среде. Как в самом деле иначе понимать «Русскую Правду», источник, без которого не может обойтись ни историк Украины, ни историк Новгорода, Ростовско-Суздальской или Смоленской земли? Можно считать, что древняя редакция «Правды», дошедшая до нас в I Новгородской летописи, писана по распоряжению киевского, но только что переставшего быть новгородским, князя для Новгорода с характерными, специально для Новгорода сделанными приписками, вызванными политическими соображениями в связи с новгородскими событиями 1015 г., и в то же время у нас есть основание допускать, что прототип «Правды» под именем «Закона Русского» был известен в Киеве уже в самом начале X в., так как под этим наименованием цитирует ее договор с греками 912 г.

Ярослав стремился здесь по сути дела к тому, чтобы путем обещания некоторого равноправия перед судом, с одной стороны, варяго-руссов, представленных в иерархии их общественных отношений (русин, гридин, ябедник, мечник), с другой — славян и изгоев, ликвидировать национально-классовую рознь, успевшую образоваться в новгородском обществе и, в частности, в самом городе. В оформлении «Правды Ярославичей» несомненно участвуют киевские князья и киевские мужи, которые однако очень хорошо знакомы с новгородскими общественными отношениями (Ярослав, отец этих князей, вырос в Новгороде, здесь же родились и его дети; став киевским князем, Ярослав не перестает находиться в постоянной связи с Новгородом) и в «Правде» пользуются чисто новгородской и в других землях неупотребительной терминологией для обозначения, например, верхушечного слоя дружины («огнищанин»). Обе эти «Правды» легли в основу так называемой «Пространной Правды», дошедшей до нас в сотне

экземпляров, переписанных в разное время писцами, и се... ными и южными. Мы хорошо, наконец, знаем, что киевский м... рополит, бросивший Киев для Владимира в 1299 г., взял с с... бой и «Русскую Правду», приспособив ее для своих надобностей. Это так называемое «Правосудие митрополичье».[1] Можно видеть попытку приспособления «Русской Правды» к общественным отношениям и терминологии северо-восточной Руси например, в следующей статье: «А кто конь купит княж боярин или купец или сирота. . .»[2] («Сирота» — термин преимущественно Центрального Междуречья).

Едва ли Юрий Долгорукий, покидая Киев для Владимира расставался с «Русской Правдой»: Москва даже в XIV в. не только знает «Правду», но и очень недвусмысленно пользуется ею, кладя ее, например, в основу уставной грамоты на Двину. Эти факты говорят о том, что едва ли было бы правильно привязывать ценнейший памятник по истории древней Руси к какому-либо одному пункту на карте Восточной Европы. Едва ли не будет вернее допущение, что в «Пространной Правде» мы имеем отражение общественного развития Киева и Новгорода, а затем и Суздальской земли, т. е. империи Рюриковичей или Киевского государства в самом широком понимании термина, но, конечно, не всей этой огромной территории в целом, а лишь наиболее культурных центров, связанных торговыми путями и объединяемых господствующим классом, успевшим к этому времени выработать ряд общих хозяйственно-правовых норм и пользовавшимся общим языком, в который несомненно проникали и элементы местных народных говоров, характерных для каждой из этих больших ветвей восточного славянства.

Итак: 1. Варяги в истории Киевского государства играли далеко не главную роль. Они безусловно подчинились производственным отношениям местного общества, растворились в нем. Варяги — лишь эпизод в истории общества, создавшего Киевское государство. Судить по истории варягов об истории Киевского общества — большая ошибка. 2. Кивское государство заключало в себе зародыши многих будущих государств Восточной Европы.

Но получив эти выводы, мы все еще не разрешили вопрос о генезисе феодализма в обществе, создавшем Киевское государство.

---

[1] Летопись занятий Арх. ком., вып. 35, стр. 115—120.

[2] Н. Калачев. Предварительные юридические сведения для полного объяснения «Русской Правды», СПб. 1880 г., стр. 136,

Если нам в этом процессе варягам удалось отвести соответствующее место, если мы подчеркнули, что в основе этого процесса лежит появление частной собственности на землю и разложение общины, то этим мы лишь указали на необходимые предпосылки феодализма, но не коснулись еще вопроса о настоящем подлинном феодализме как определенном периоде в истории древней России. Если понимать феодальный период в истории России именно так, то придется учесть еще ряд новых моментов, некоторую совокупность явлений хозяйственного, социального и политического характера, которая может нам дать основание для выделения определенного отрезка времени в особый подлинно феодальный период.

Рассматривая историю «готической» России, Маркс не называл ее феодальной. «Готический» — это термин, известный энциклопедистам и употреблялся в XVIII и XIX вв. в смысле «варварский».[1] Эту варварскую империю Маркс называет «несообразной, нескладной и скороспелой», «составленной Рюриковичами из лоскутьев, подобно другим империям аналогичного происхождения». Вторую половину X и начало XI в., т. е. время Владимира, он считает вершиной в развитии этой империи; время Ярослава, т. е. середину XI в., «началом заката готической России», после чего она «распалась на уделы, делилась и подразделялась между потомками завоевателей, была раздираема *феодальными* (курсив здесь и на стр. 20 мой. *Б. Г.*) войнами и теряла целые области вследствие интервенции соседних народов». Здесь Маркс в первый раз в приложении к России говорит о феодализме.

Феодальные войны появились вместе с феодализмом. Феодализм естественно ассоциируется здесь с наличием уделов. Это уже второй период в истории России. Что же представляет собою первый, подлинно готический? Не случайно, конечно, Маркс отделил ранний период в истории России от последующего феодального. Очевидно, он не находил возможным этот ранний период счесть феодальным. Иначе бы он прямо сказал это, а не вводил особый период, предшествовавший феодализму.

Вот в каком виде представляется Марксу история России этого периода:

---

[1] Монтескье называл монархию, начало которой положено было германским нашествием, готической и ее правительство — le gouvernement gothique. Montesquieu. Deux opuscules, стр. 28.

«Ancient maps of Russia are unfolded before us, displaying even larger European dimensions than she can boast of now: her perpetual movement of aggrandizement from the ninth to the eleventh century is anxiously pointed out; we are shown Oleg launching 88,000 men against Byzantium, fixing his shield as a trophy on the gate of that capital, and dictating an ignominious treaty to the Lower Empire; Igor making it tributary; Sviatoslaff glorying, «the Greeks supply me with gold, costly stuffs, rice, fruits and wine: Hungary furnishes cattle and horses; from Russia draw honey, wax, furs and men»; Vladimir conquering the Crimea and Livonia, extorting a daughter from the Greek Emperor, as Napoleon did from the German Emperor, blending the military sway of a northern conqueror with the theocratic despotism of the Porfiro-geniti, and becoming at once the master of his subjects on earth and their protector in heaven». [1]

Стало быть, по Марксу, это период завоеваний. Что мы в данном случае не ошибаемся, видно из того, что сам Маркс говорит о времени Ярослава, когда по его мнению уже «исчезают *завоевательные* тенденции первого периода и начинается закат готической России. История этого заката еще больше, чем история *завоевания* и *образования* государства, по словам Маркса, доказывает исключительно готический характер империи Рюриковичей».

Действительно, стоит хотя бы бегло перелистать страницы летописи, чтобы убедиться в том, что главная задача князей и их

---

[1] «Старинные карты России, будучи раскрыты перед нами, обнаруживают, что эта страна некогда обладала в Европе даже бо́льшими размерами, нежели те, которыми она может похвалиться ныне. Ее непрерывное возрастание с IX по XI столетие отмечают с тревогой. Мы уже указывали на Олега, бросившего против Византии 88 000 человек и продиктовавшего, укрепив свой щит в качестве трофея на воротах этой столицы, позорные для достоинства Восточной Римской империи условия мира. Мы указывали также на Игоря, сделавшего Византию своей данницей, и на Святослава, похвалявшегося, «греки доставляют мне золото, драгоценные ткани, (rice?), фрукты и вина, Венгрия снабжает скотом и конями, из России я получаю мед, воск, меха и людей и, наконец, на Владимира, завоевавшего Крым и Ливонию и принудившего греческого императора отдать ему дочь, подобно тому как это сделал Наполеон с германским императором. Последним актом он сочетал теократический деспотизм порфиродных с военным счастьем северного завоевателя и стал одновременно государем своих подданных на земле и их покровителем и заступником на небе».

K. Marx. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century, London 1899, стр. 75.

дружин этого периода есть завоевания. Нет князя, который бы кого-нибудь не покорил, не нашел бы новых даней, не расширил бы и без того широких границ своих. Нет ни одного князя, который бы не побывал под стенами Царьграда. Второй Рим защищается как может, откупается, стравливает друг с другом своих врагов, но не перестает бояться северного народа, которого он знает то под именем Русь, то под именем скифов. Это еще не специфически феодальные войны. Но за шумом беспрестанных битв нельзя не подметить, что в этой аляповатой империи под властью Киева слагаются новые отношения, готовящие гибель империи. Растет мощный слой крупных землевладельцев, ставящих в зависимость от себя крестьянскую массу, до сих пор жившую под защитой своих общин, сейчас вынужденных признать себя побежденными. Богатеющие и разбогатевшие властные землевладельцы не желают делиться с Киевом ни властью ни доходами.

Отрываясь все больше и больше от центра, они становятся к нему во враждебные отношения, и империя Рюриковичей прекращает свое существование, распавшись на ряд феодальных владений.

Это уже новый подлинно феодальный строй, новый этап в истории России.

Этот новый этап в истории Киевского государства отразился и на взглядах новгородского летописца. Он совершенно определенно различает оба периода. [1]

Старое время, время завоеваний чужих народов, в «начальном своде» противополагается новому, когда князья и дружинники стали собирать «многа имения» и обкладывать население своей собственной земли непосильными вирами и продажами. Летописец не сочувствует этим новым явлениям жизни. Он склонен идеализировать прошлое, время больших военных походов для завоевания чужих народов в противовес различным видам повседневной, уже по сути феодальной, эксплоатации. [2]

Так исчезли завоевательные традиции первого периода и начался упадок «готической» России.

С этого времени, т. е. со времени заметных успехов в освоении феодалами общинных земель и превращения общинников в зависимую от феодалов массу, с момента усиления феодалов, закон-

[1] Новгородская I летопись, изд. 1888 г., стр. 2.

[2] И. М. Троцкий. Элементы друж. идеологии. Проблемы источниковедения, № 2.

чившегося распадом империи Рюриковичей, т. е. с момента образования уделов, уже смело можно говорить о феодализме как общественно-политическом явлении.

Во второй половине XI в. мы видим уже созревшими те силы, которые выступили против власти Киевского князя.

После смерти Ярослава ни один из сыновей его не стал для своих братьев в отца место. Три наиболее могущественные князя — Изяслав, Святослав и Всеволод — не хотели рисковать во взаимной борьбе и заключили между собой «триумвират», который, правда, скоро распался. Восстание 1068 г. заставило Изяслава бежать из Киева в Польшу к своему племяннику польскому королю. Вернувшись с помощью польских войск, Изяслав, однако, не долго делил власть с братьями: два остававшиеся члена этого «триумвирата» вновь его изгоняют. Изяслав со своим сыном Ярополком в течение 4 лет обивает пороги европейских дворов и ищет себе опоры. Ценою обещания передать Киевское государство в лен святого Петра Изяслав находит поддержку у римского папы. Польский король опять помогает Изяславу вернуться в Киев. Но здесь Изяслав застает уже совсем не ту обстановку, какую покинул. Один из братьев, Святослав, умер, другой, Всеволод, только что испытал поражение, нанесенное ему коалицией выступивших против него князей в союзе с половцами. Так что оба брата — один странник по чужим землям, другой — разбитый своими домашними врагами — при встрече помирились, поцеловались и Изяслав даже стал утешать Всеводола: «Брате, не тужи, видиши ли колико ся мне сключи: первое — не выгнаша ли мене и именье мое разграбиша? и паки кую вину вторую створил бех, не изгнан ли бех от ваю, брату своего? не блудил ли бех по чюжим землям, именья лишен, не створих зла ничтоже? И ныне, брате, не туживе; аще будеть нама причастье в Русской земли, то обема; аще лишена будеве, то оба; аз сложю главу свою за тя».[1]

Интересно отметить эту неуверенность братьев. Изяслав говорит Всеволоду условно: «если придется нам участвовать во власти над Русской землей. . .» Дальнейшие события показали, что и эта весьма скромно выраженная надежда не осуществилась. Оба брата выступили в поход против коалиции князей, только что нанесших поражение Всеволоду, и Изяслав, как и обещал,

---

[1] Лаврентьевская летопись, под 1078 г.

сложил здесь свою голову. Но победа осталась на этот раз на стороне Всеволода. Он умер киевским князем, спустя 15 лет после этих событий, но его княжение, по выражение летописца, было печально, так как подручные ему князья «начаша ему стужати, хотя власти». Еще сложнее было положение его сына Святополка.

В виду непрекращающихся «усобиц» и бессилия киевского князя справиться с хронической войной внутри страны, в княжение Святополка как средство против «усобиц» была выдвинута мысль о необходимости княжеских съездов. Запутавшиеся в своих противоречивых интересах феодальные владетели хотели этим путем, путем создания далекого прообраза лиги наций, спасти страну от бедствий феодальных междукняжеских войн. На первом съезде князья формулировали мотивы собрания весьма ясно «почто губим Русскую землю, сами на ся котору деюще». Постановление съезда тоже весьма вразумительно: 1. «Отселе имемся по едино сердце и блюдем Русскые земли, *кождо да держит отчину свою*». 2. «Аще кто отселе на кого будеть, то на того будем вси».[1]

Но не успели князья разъехаться по своим вотчинам, как «влезе сатана в сердце некоторым мужем», и они стали подозревать двух наиболее видных членов съезда — Владимира Мономаха и Василька Ростиславича в честолюбивых замыслах. Боялись, что эти два видные князя, объединившись, смогут крепко зажать в своих сильных руках всех других князей. Результаты известны: ослепление Василька, неудачная попытка применения санкций и в конечном счете развал Киевского государства.

Вот когда можно говорить с достаточными фактами в руках о наличии уделов и, стало быть, о феодальной раздробленности. Это конец XI в.

Время княжения Владимира Мономаха — это лишь рецидив старых политических отношений, обусловленный в значительной мере также и страхом господствующих классов перед народным грозным движением.

В дальнейшем мы можем наблюдать развитие отдельных феодальных политических единиц, ко времени роковой встречи с татарами окончательно потерявших даже признаки недавнего, хотя бы грубо сколоченного, политического единства.

---

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 247.

К этому времени от периода завоеваний осталась только воинственность князей и их дружин, способных наносить в беспрерывных, уже по сути феодальных, войнах ущерб друг другу, но слабых для того, чтобы справиться с врагом, сильным прежде всего своей сплоченностью и численностью: монголы в это время переживали «готический» период своей истории.

Итак, в истории Киевского государства мы имеем два периода: 1) период вызревания феодальных отношений, подготовки сил, способных разложить «империю» на уделы, и 2) период феодальной раздробленности, т. е. период наибольшего для данного момента могущества отдельных феодалов, освоивших общинную землю и таким путем успевших поставить в зависимость от себя огромное число подданных.

СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙШЕГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Второй вопрос, поставленный перед нашей наукой в последнее время, о характере общественных отношений, предшествовавших феодальным, тоже уже имеет свою литературу, хотя и весьма скромную. И здесь можно отметить тоже два основных течения: одно, признающее рабовладельческую формацию неизбежной стадией в развитии каждого общества и усматривающее все признаки этой формации и в древнейшей Руси до появления в ней феодальных отношений, и второе — отрицающее обязательность рабовладельческой формации (отнюдь не определенную роль рабства) и не находящее признаков этой формации в русском обществе в дофеодальную пору.

Строго говоря, спор идет об определении роли рабства в дофеодальной Руси, и вопрос ставится так: можно ли рабство, которое мы наблюдаем на известной стадии развития в России, рассматривать как признак рабовладельческой (античной) формации? Мы хорошо знаем, что смена одной общественно-экономической формации другой высшей происходит лишь тогда, когда в недрах старой формации созреют все необходимые для этого предпосылки, т. е. когда в достаточной степени разовьются все необходимые для этого производительные силы. Поэтому и в данном случае наша задача состоит в том, чтобы определить ту структуру общества, которая в своих недрах вырастила феодальные общественные отношения. Недавно было высказано соображение о том, что этот вопрос может быть решен на основе только одних методологических соображений,

Нисколько не умаляя значения теории в нашей науке и решительно подчеркивая, что без теории не только нет науки, но не может быть и простого предварительного собирания фактов, все же нахожу, что вопрос о роли рабства в том или ином обществе должен решаться на основании конкретного материала, а не одних методологических соображений.

Вопрос этот специально рассматривается ниже.

Сейчас же мне хотелось бы собрать сведения, рассыпанные в наших источниках об общественном строе, предшествовавшем тому, в котором жил и который непосредственно воспринимался летописцем. Заранее должен оговориться, что сведения эти скудны по вполне естественным, неизбежным причинам.

Когда в обществе появилась потребность оглянуться на свое прошлое, это прошлое уже успело уйти так далеко, что представить себе его в XI в. было достаточно трудно. Я имею в виду родовой строй, предшественник феодальных отношений. Если мы зададим себе вопрос, когда и какими средствами мы научно впервые ознакомились с сущностью этого периода в развитии человеческих обществ, то неизбежно вернемся к книге Моргана «Древнее общество» и книге Энгельса «О происхождении семьи, частной собственности и государства», написанной, как известно, в 1884 г. на основании наблюдений над подлинным родовым строем, изученным Морганом среди американских туземных племен. Конечно, здесь суть дела не в Америке. Можно было бы такой же строй наблюдать у гиляков, чукчей, ненцев и других народов нашего крайнего севера или еще где-нибудь, где жили племена на этой стадии своего развития. Дело все в том, что без непосредственных наблюдений над этим строем не могли быть поняты его основные черты по тем пережиточным остаткам, которыми располагали исследователи различных европейских обществ. Когда появились письменные памятники, запечатлевшие в себе эти пережитки далекого прошлого, оно было уже основательно забыто. Неудивительно, что наш летописец, всегда вообще конкретный, умеющий передавать подробности изображаемых им событий, решительно теряет эти свои свойства, переходя к характеристике родового строя. Здесь, конечно, можно задать вопрос: неужели летописец не мог непосредственно наблюдать родового строя у более отсталых славянских и неславянских племен, ему современных? Мне кажется, что правильнее всего будет ответить на этот вопрос так: «едва ли мог, а если бы и мог, то не всегда умел».

Не мог, потому что едва ли в XI в. этот родовой строй где-либо в Восточной Европе был в неприкосновенности, исключая севера, куда летописец едва ли имел возможность проникнуть с научной целью; не умел, потому что наблюдать родовой строй совсем не так легко, как это кажется; нам стоит только заглянуть в наблюдения наших энтографов, изучавших, к примеру, Сибирь, чтобы убедиться в этом.

Древнейшее упоминание о восточнославянском роде мы имеем в «Повести временных лет» в недатированной ее части, т. е. части, для самого автора представлявшей наиболее неопреодолимые трудности, так как он не имел об этом периоде никаких точных данных. О полянах, наиболее ему известных, он может сказать, только очень глухо: «Полем же жившем о собе и владеющем роды своими. . . и живяху каждо с своим родом и на своих местех, владеюще каждо родом своим». Шахматов не без основания видит здесь наслоение двух редакций и первоначальный текст «Повести» представляет так: «Поляне живяху каждо своим родом на своих местах, владеюще каждо родом своим».

Тут мы имеем указание на то, что летописец все-таки знает кое-что о прошлом славян и говорит нам о форме их древнейших общественных отношений, называя ее родом. Дальше он еще раз ссылается на это же место: «поляном же живущим о собе, якоже рекохом»[1].

Здесь «род» есть несомненно форма общественных отношений, хотя и не раскрытая в летописи перед нами в своем содержании.

Но мы все же можем догадаться, о каком роде здесь идет речь. Материнский род тут несомненно исключается. О матриархате применительно к славянам и финнам летописец не говорит ни звука, несмотря на то, что ему известны вообще различные формы семьи и брака, лежащие в основании той или иной стадии в развитии родовых отношений. Летописец говорит о групповом браке у халдеев, «гилиомь», во «Вретании» («мнози мужи с единою женою спять и мнози жены с единым муже похотьствуют»). Летописец, весьма вероятно, ошибается, приписывая эти формы брака определенным народам, но он с полной очевидностью обнаруживает перед нами знакомство с этими формами, и ясно, что если бы летописцу хотя бы намек был известен на групповый брак или на семью пуналуальную у славян или финнов, он бы

[1] Лаврентьевская летопись, изд. 1910 г., стр. 8, 11.

не преминул сказать об этом. Между тем, в его изображении наиболее отсталые славянские племена — древляне, радимичи, вятичи и северяне, которых летописец нисколько не склонен щадить в своей характеристике и которых он готов упрекать в чем угодно, знают во всяком случае парный брак, а весьма возможно и моногамную семью. «Браци не бываху в них, — пишет он, — но игрища межью селы; схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская игрища и ту умыкаху жены себе, с нею же кто свещашеся; имаху же по 2 и по 3 жены».[1] Идеал летописца моногамная семья. Он стоит за нее не только потому, что она освящена христианским законом, но и потому, что моногамная семья благодаря «победе частной собственности над первоначальной, первобытной общинной собственностью», сделала уже большие успехи, во всяком случае у полян.

Здесь эта победа обнаружилась несколько раньше, чем у других славянских племен, и летопись этот факт отмечает с полной отчетливостью. Это произошло несомненно очень задолго до времени, когда жил и писал автор «Повести». Понятно, почему он не видел рода и столь туманно о нем говорит в своем произведении.

В дальнейшем своем повествовании не только с моментов более достоверно известных летописцу, но и для более темного периода истории восточнославянского общества летописец пользуется термином «род» в самых разнообразных смыслах. Кий, Щек и Хорив становятся родоначальниками правящей у полян династии, точно так же, как у древлян, дреговичей, новгородских славян и полочан появились князья, а может быть и династии свои. Перед нами наследственность высшего представителя власти, по крайней мере в изображении летописца, и понимание термина «род» в смысле династии. Отсюда понятие княжеского рода: «вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа», говорит Олег обращаясь к Аскольду и Диру. И совершенно прав был Соловьев, когда указывал на разнообразие в понимании этого термина летописцем.[2] Род означал и совокупность родственников и каждого из них («избрашася три братья с роды своими», т. е. с родственниками своими), этот же термин употреблялся и в смысле соотечественника (Олег

---

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 13.

[2] С. М. Соловьев. История России, изд. Общ. Польза, т. I, стр. 49.

хитростью вызывая на берег Днепра Аскольда и Дира, притворился гостем, плывущим в Византию, и обращался к Аскольду и Диру с приглашением в следующих словах: «да придета к нам, к родам своим»), и в смысле целого народа («от рода русского, от рода варяжска»). Эта расплывчатость в содержании термина говорит о том, что термин успел уже потерять свое основное содержание, что ему уже перестали придавать тот смысл, который когда-то принадлежал ему исключительно и полностью. Что касается термина «семья», то в наших источниках мы найдем буквальное подтверждение того, что это не что иное, как известная нам familia. «Семья прежде всего означает — челядь, домочадцы, рабы». В Златоструе XII в. «семия множество или имения множество, злато и серебро». Семья здесь тождественна с греческим ἀνδραπόδοι. Там же «другыи на ближьнааго помысли, другый другаaго семью исхыти». Тут термину семья соответствует греческое οἰκέται. В житии Нифонта XIII в.: «да был аз был и чада моя и семия моя живи были». В прологе XV в.: «Ни аз, ни семьянин мой, ни детищ мои, ни куря мое» и т. д. В этих терминах живут уже успевшие отмереть когда-то существовавшие подлинные отношения.

Эта семья — familia — понимается совершенно естественно как патриархальная семья, т. е. организация некоторого числа свободных и несвободных лиц, подчиненных отцовской власти главы семьи. Противополагать эту семью роду, как делали это сторонники «родовой теории» и их противники, решительно не приходится. Но нужно сказать больше. Наши источники убеждают нас в том, что и эта патриархальная семья к IX в. во всяком случае далеко пошла по пути разложения.

Стоит хотя бы обратить внимание на то, что в свое время отмечал уже Ключевский: областное деление русской земли при первых русских князьях далеко не совпадало с племенным как его описывает «Повесть». «Не было ни одной области, которая бы состояла из одного и притом цельного племени: большинство областей составилось из разных племен или их частей; в иных областях к одному цельному племени примкнули разорванные части других племен».[1] Стало быть, перед нами чисто территориальное деление, пришедшее на смену племенному, т. е. это уже признак разрушения рода. Ряд признаков того же порядка мы

[1] Ключевский. Курс рус. ист., ч. I, изд. 1918 г., стр. 161.

можем отметить еще как в летописи, так и в «Русской Правде». Первая статья древнейшей «Правды», обычно относимой к VIII—IX вв., говорит о необязательности мести, о возможности заменить ее выкупом; определяемый какой-то иной, чем родовая власть, властью круг мстителей одновременно по женской и мужской линии говорит нам о том, что над родом существует высшая власть, что родовая месть есть осколок уже изжитых старых отношений. Эта же древнейшая «Правда» очень хорошо знает и «челядь» и рабов и вся насквозь проникнута собственническими элементами. Пашенная земля, бортные угодья уже стали частной собственностью; за нарушение межи, отделяющей эти участки, взыскивается высокий штраф; луга, повидимому, находятся еще в общем пользовании: кони землевладельца и зависимых от него крестьян пасутся на одном лугу. Появилось значительное имущественное неравенство.

Нельзя забывать, что и другие признаки не родовой, а какой-то иной организации у нас имеются налицо: перемена форм поселения, появление на место ушедших в прошлое городищ неукрепленных деревень с одиночными укрепленными дворами — замками, наследственность княжеской власти, налоговая и пенитарная система. Ольга в X в. в завоеванной земле уже устанавливает уставы и уроки, т. е. упорядочивает взимание даней, а может быть и ренты, а установившиеся единицы обложения (дым, рало, плуг), говорящие о регулярности различных взиманий с массы народной, известны славянам и финнам задолго до Ольги, по крайней мере в самом начале IX в., если не раньше.

Это тоже не совсем похоже на родовой строй. Стало быть, патриархальная семья уступила место иным формам общественных отношений. Патриархальная домашняя община, бывшая сама переходной ступенью от возникшей из группового брака и основанной на материнском праве семьи к индивидуальной семье современного мира, явилась в свою очередь переходной ступенью, из которой развилась сельская община или марка, для которой характерной чертой уже стало индивидуальное хозяйство ее членов.

«Русская Правда» дает нам материал для того, чтобы убедиться в том, что вервь есть не что иное, как община-марка, выросшая из патриархальной общины. В «Русских Правдах» мы имеем термины, говорящие об этой общине, — мир и вервь. Древнейшая новгородская, стало быть, северная «Правда» не знает

верви и называет только «мир»: «А где поиметь кто чужь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть в своем миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду» (Акад. сп., ст. 12). «Пространная Правда», и по времени отстоящая от древнейшей не меньше, чем на 3 столетия, и относящаяся к южной территории, не знает мира, а вместо того называет в аналогичной статье (ст. 29) «град»: «Аще кто конь погубит или оружие или портно, а заповедает на торгу, а последи познает в своем граде, свое ему лицем взяти, а за обиду ему платити 3 гривны» (Карамз. сп., ст. 29). Грады, хорошо известные в Польше, имеют то же значение и в наших источниках. Это не просто города, а скорее своеобразные городские округа. Когда Ольга говорит древлянам «вси грады ваши предашася мне и ялися по дань и делають нивы своя и земле своя; а вы хочете измрети гладом, не имучеся по дань»,[1] она под градами разумеет не только «города», а и земли, так или иначе связанные с этими городами. Эта же «Правда» знает прекрасно и вервь, известную и «Правде» Ярославичей, составленной в Киеве в первой половине XI в. Мы можем на основании данных наших «Правд» до некоторой степени разгадать сущность этой верви.

Прежде всего совершенно ясно, что вервь — это определенная территория: «А иже убьють огнищанина в разбои или убийца не ищуть, то вирное платити в ней же (верви) голова начнет лежати». Мертвое тело обнаружено на определенной территории. Отвечают люди, живущие здесь, связанные общностью интересов; иначе они не могли бы и отвечать совместно. Стало быть, вервь — общественно-территориальная единица. Что это за общество, в чем заключается их связь, мы отчасти можем узнать из той же «Правды» Ярославичей. В верви живут «люди», которые очень хорошо знают свои права и обязанности. До недавнего времени они коллективно отвечали за совершенное на их территории преступление. Сейчас закон разъясняет, что ответственность эта падает не всегда на коллектив, что есть случаи, когда преступник должен отвечать сам за себя. Если убьют управляющего княжеским имением умышленно («аще убьють огнищанина в обиду»), «то платити за нь 80 грив. убийци, а людем не надобе» (Акад. сп., 18). Люди платят только в том случае, если того же огнищанина убили в разбое, и убийца неизвестен; тогда платят те люди — члены верви, в пределах чьей верви обнаружен труп.

[1] Лаврентьевская летопись, под 946 г.

«Правда» Ярославичей — специальный закон. Она по духу близка к Capitulare de villis Карла Великого. Ее назначение оберегать интересы княжеского имения, окруженного крестьянскими мирами-вервями, достаточно враждебно настроенными против своего далеко не мирного соседа-феодала. Недаром феодал укреплял свое жилище и защищал себя суровыми законами. Крестьянские миры призваны нести ответственность за своих членов, и вполне понятно, почему в княжой «Правде», подчеркивается главным образом только эта сторона верви.

«Правда Пространная» начала XII в. знакомит нас с общественными отношениями еще глубже и дает нам возможность еще лучше всмотреться в организацию и функции верви.

Вервь не должна ничего платить, если труп, обнаруженный в ее пределах, не опознан. «А по костех и по мертвеци не платить верви, аже имени не ведают, ни знают его».[1] Разбойника вервь должна выдать вместе с женою и детьми на поток и разграбление. Этого раньше в «Правде» Ярославичей мы не видели. Стало быть, на наших глазах усиливается ответственность отдельных семейств, идет отмежевание их от верви. Закон точно говорит в этой же статье: «за разбойника *люди* не платят» (Карамз. сп., 5). Члены верви должны отвечать не только за убийство: «Оже будет рассечена земля или на земли знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати к себе татя, а любо продажа платити» (там же, 80). И здесь вервь обязана либо найти преступника, либо возместить убытки собственника земли, или испорченной вещи.

Наконец, в «Правде Пространной» мы имеем очень интересный институт дикой виры, который говорит нам о том, что вервь в XII в. уже перестает помогать всем своим членам в платеже штрафов, а помогает лишь тем, кто заранее о себе в этом смысле позаботился, т. е. тем, кто вложился предварительно в «дикую виру»: «Аже кто не вложится в дикую виру, тому люди не помогают, но сами платят». Это говорит нам о том, что в XII в. члены верви перестали быть равными в своих правах, что среди них выделилась группа, надо думать, людей более зажиточных, которые могли платить все взносы, связанные с участием в «дикой вире». Перед нами итог разложения старой верви.

Совершенно с теми же функциями мы встречаемся и в польской общине («Gegenote»). Она тоже отвечает за убийство, со-

[1] Троицк. сп., стр. 74—76. «Русская Правда», изд. Соцэкгиза, 1934, стр. 30.

вершенное на ее территории. «Если убитый останется лежать в поле или на дороге, и не будет известно, кто его убил, тогда господин[1] зовет к себе «Gegenote» — членов общины — и налагает на общину штраф за убитого («Schuld»)... Если же «Gegenote» (члены общины) укажут на какую-либо деревню, а деревня скажет, что она неповинна в убийстве, то она должна очистить себя поединком (ордалией), или же заплатить за убитого. Если же деревня укажет на определенную семью («Geschlecht» в данном случае — не род, а семья), и семья станет отрицать вину, то эта последняя должна или очистить себя поединком (ордалией), или уплатить «Schuld».[2]

Это — польская древнейшая «Правда», записанная немцами для подвластного им польского населения в XIII в.

Здесь мы видим в сущности то же, что и в «Русской Правде», только тут с большей ясностью указывается на то обстоятельство, что община находится во власти феодала. Господин зовет к себе «Gegenote», он взыскивает «Schuld» и пр. В «Русской Правде» нет этой отчетливости, но тем не менее и здесь присутствует феодал со своими притязаниями. Рядом с разлагающейся общиной существует среда богатых собственников землевладельцев, собственно говоря, уже феодалов, где с полной очевидностью господствует индивидуальное право собственности на пахотную землю, борти, места охоты (луга, повидимому, находятся в общем с крестьянами пользовании), орудия производства. Все эти вещи покупаются, продаются, передаются по наследству. Наступление на общину и победа над ней видны также и в том, что из недр общины уже выделились отдельные неимущие элементы, вынужденные искать работы и защиты у феодала. Это — рядовичи, закупы, вдачи, изгои, о которых специально речь будет впереди. Сейчас нам важно отметить эти наиболее существенные стороны мира - верви для того, чтобы показать эволюцию домашней патриархальной общины, развитие которой протекает, так сказать, на наших глазах; совершенно определенно она перерождается в сельскую общину или марку «с индивидуальной обработкой и с первоначально периодическим, а затем окончательным переделом пахотной земли и лугов». Процесс этот начался раньше на юге, чем на севере. Север сохранил нам следы старых

---

[1] В данном случае разумеется феодал.

[2] A. Helcel. Starodawne Prawa Polskiego pomniki, 1870, стр. 18, ст. VII.

отношений значительно дольше. На юге община исчезла раньше и в «Русской Правде» нашла себе лишь слабое отображение.

Мне кажется, мы достаточно определенно можем ответить на поставленный выше вопрос о том, какой общественный строй предшествовал феодальному у восточных славян и финнов. Несомненно это был разложившийся патриархальный род, на наших глазах проделывающий свою дальнейшую эволюцию. Это был далеко не мирный процесс, и летопись сохранила некоторые намеки на борьбу между уходящим старым строем и наступающим новым.

Этого однако мало. Мы должны использовать имеющиеся в нашем распоряжении данные, чтобы осветить этот грандиозный процесс по возможности с разных сторон и прежде всего вопрос наиболее спорный — о роли рабства в обществе этой поры восточных славян.

Современная литература вопроса невелика, потому что самый вопрос в своей современной постановке выдвинут недавно. Имеется лишь несколько замечаний в отдельных работах [1] отдельных авторов и одна специальная статья И. И. Смирнова «О генезисе феодализма».[2] Эта статья имеет в виду не феодализм в какой-либо стране, а трактует его вообще как общественную категорию и приводит к следующим выводам: «1. Классы возникли до феодализма. 2. Господствующий класс дофеодального общества создал уже аппарат для угнетения эксплоатируемого класса и использовал государство как свое орудие в процессе генезиса феодализма. . . Моментом, определяющим структуру этого общества, является наличие в нем рабства. . . Поскольку эксплоатация рабов является основным источником могущества господствующего класса, постольку мы имеем полное право сказать, что перед нами общество рабовладельческое».

Если автор имеет в виду здесь патриархальное рабство, что как будто и вытекает из его дальнейших рассуждений, то возражать ему по существу не приходится, но признавать здесь рабовладельческую формацию в смысле «античного рабовладель-

---

[1] См., напр., Равдоникас. Проблемы истории докапит. обществ, 1934, № 1; В. Рейхардт. Очерки по экономике докапиталистических формаций, 1934 г.; прения по моему докладу «Рабство и феодализм» в Изв. ГАИМК, вып. 86; Б. Н. Тихомирова. Проблема «вторичного закрепощения». Историк-марксист, 1932, № 3.

[2] Проблемы ист. матер. культ., 1933, № 3—4.

ческого общества» нет никаких оснований. Едва ли я ошибусь, если скажу, что именно так смотрит на вопрос большинство современных представителей исторического знания.

Не отрицая того, что рабовладельцы и рабы есть первое деление общества на классы, они решительно отрицают рабовладельческую формацию в качестве необходимого этапа в развитии каждого общества и склонны видеть в германском обществе пример, где рабство не развилось до такого состояния, когда оно могло бы образовать рабовладельческую формацию, подобную греческому или римскому обществу известного периода, для чего необходимы были, как нам известно, особые условия, далеко не всегда повторяющиеся. Сторонники этого взгляда находят возможным трактовать в таких же тонах и историческое развитие восточного славянства. Рабство, конечно, прекрасно известно и восточнославянскому обществу, но это рабство здесь не выросло до целой системы рабовладельческого хозяйства. К сожалению, историк, ставящий себе задачу изучить период разложения родовых отношений и генезиса феодализма у восточных славян, находится в более трудных условиях, чем исследователь тех же процессов у германцев: столкновение этих последних с Римом и отражение этого факта в римских источниках дают достаточный материал для суждения по этому вопросу. Исследователь восточного славянства подобным материалом, к сожалению, не располагает.

Полагая, что вопрос этот в окончательном виде может быть разрешен не путем чисто теоретическим, а путем самого тщательного изучения «бесконечно различных эмпирических обстоятельств», и откладывая рассмотрение материала, относящегося к восточнославянскому обществу до следующей главы, хочу лишь указать, что и И. И. Смирнов находит необходимым подчеркнуть в этот первый период в истории классового общества наличие двух укладов — рабовладельческого и общинного. Дальнейшая эволюция этого неустойчивого равновесия заключалась в некотором разрушении этой общины и образовании зависимого населения, с одной стороны, и более или менее «крупных» землевладельцев, с другой. Стало быть, рабский строй, не успев вырасти до размеров особой общественно-экономической формации, сыграл лишь служебную роль, роль средства превращения общинной собственности в феодальную и свободного общинника в феодально-зависимого (hörige или leibeigene). Энгельс так же

представлял себе и роль рабства в германском обществе, когда говорил, что германское рабство не доразвилось до античного рабства. Ленин в лекции о государстве тоже говорил о переходе общества от первобытных форм рабства к крепостничеству,[1] а первобытные формы рабства — это не рабовладельческая формация.

Я думаю, что этот вопрос в конечном счете может быть разрешен только тщательным изучением остатков подлинной жизни восточного славянства, в очень небольшой дозе дошедших до нас в памятниках нашей письменности.

Даже при самом поверхностном соприкосновении с этими памятниками наличие и известная роль рабства бросаются в глаза совершенно отчетливо и в Киеве и в Новгороде: тринадцатилетний Феодосий, сын небогатого землевладельца, будущий столп Печерской обители, «исходит с рабами своими на село делати со всяким прилежанием».[2] Сыну богатого боярина Варлааму, насильно возвращенному в родной дом из Печерского монастыря, по распоряжению отца «служат раб множество». Те же рабы и рабыни плачут, когда Варлаам, несмотря на все меры, принятые отцом, чтобы оставить его дома, настоял на своем и решил вернуться в монастырь.[3] Приблизительно тогда же (в 1068 г.) новгородского епископа Стефана в Киеве удавили собственные холопы.[4]

В самом Печерском монастыре работали рабы, и когда преподобный Василий в течение нескольких лет днем и ночью вместо них молол на братию жито, «легота бываше рабом».[5]

Под разными наименованиями (холопы, челядь, одерень, обель, раб или просто «люди», обыкновенно с указанием на принадлежность их кому-нибудь) мы можем встретить их едва ли не во всех дошедших до нас письменных источниках X—XII вв. и позднее. Их покупают, продают, в различных формах эксплоатируют, их воруют, иногда они убегают от своих господ сами, их разыскивают и наказывают. Сведений о них достаточно, и тем не менее вопрос об общественной роли рабства в древней Руси этой справкой отнюдь не решается. Не может быть решен

---

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 367.

[2] Патерик Киевского Печерского монастыря, изд. 1911 г., стр. 117.

[3] Там же, стр. 25.

[4] Новгородская II и III летописи, изд. 1879 г., стр. 185.

[5] Патерик Киевского Печерского монастыря, изд. 1911 г., стр. 116.

он и тогда, когда мы ознакомимся с экономической природой раба в статическом его положении, потому что условие познания всех процессов мира достигается через изучение их в самодвижении, в жизни, в раскрытии противоречивых, взаимоисключающих противоположных тенденций этих процессов. Место раба в производстве данного общества на данной ступени его развития мы сможем определить лишь тогда, когда изучим экономическую структуру этого общества, определим основные его противоречия и точно обнаружим, что является в данный момент ведущей стороной этих противоречий. Лишь тогда наши факты найдут свое место, и мы сможем научно оперировать с ними. Как возникало классовое общество, подробно говорить сейчас не приходится. Но все же необходимо подчеркнуть, что именно рабство было простейшей естественно выросшей формой разделения труда. Не следует забывать, однако, что в это же время живет и соседская община, более или менее устойчивая в зависимости от особых конкретных условий ее существования.

Нет, например, никаких сомнений в том, что так называемая «Киевская Русь» в IX—XI вв. есть общество классовое, что рабы в нем играют определенную весьма заметную роль, но для того, чтобы учесть их подлинный общественный удельный вес, нам необходимо сначала определить данный стадиальный этап в развитии этого общества.

Считаю необходимым еще раз указать, что в своем исследовании я имею дело с Киевской Русью не в узко-территориальном смысле этого термина (Украина), а именно в том широком смысле, «империи Рюриковичей», соответствующей западноевропейской «империи Карла Великого», включающей в себя огромную территорию, на которой впоследствии образовалось несколько самостоятельных государственных единиц. Нельзя сказать, что процесс феодализации в изучаемый отрезок времени на всем огромном пространстве территории Киевского государства протекал совершенно параллельно: по великому водному пути «из варяг в греки» он несомненно развивался интенсивнее и опережал центральное междуречье. Только в главнейших центрах этой части Европы, занятой восточным славянством, общее изучение этого процесса мне кажется в некоторых отношениях допустимым, но и то с постоянным учетом различий природных, этнических и исторических условий каждой из больших частей этого объединения.

Считаю необходимым предупредить еще раз о том, что по условиям наличия письменных источников я не мог обследовать в сколько-нибудь полном виде более ранние периоды в истории этого общества, и что мои наблюдения поэтому касаются лишь X—XII вв. по преимуществу и, главным образом, именно тех центров, которые располагались по великому водному пути «из варяг в греки». В основу исследования положен почти исключительно материал русских источников, дополняемый источниками не русскими лишь в отдельных случаях.

Наконец, кажется мне целесообразным условиться и относительно точного содержания тех основных понятий, с которыми в дальнейшем придется нам иметь дело: рабовладельческое общество и феодализм.

Если рабовладельцы и рабы есть первое крупное деление общества на классы, то необходимо помнить, что не всякое рабство есть античное рабство. Рабство в античных обществах становится господствующим способом производства. Но и в классических странах античного способа производства — в Риме и Греции — рабский способ производства в качестве господствующего появился в итоге сравнительно длительного периода развития этого общества. Для того же, чтобы рабский труд сделался господствующим способом производства в целом обществе, общество должно достигнуть значительно высокой ступени своего развития. Энгельс весьма определенно говорит о странах классического античного способа производства — Греции и Риме. Он совершенно ясно указывает на то, что античный способ производства появился в этих странах отнюдь не в начальный период истории классового общества, прекрасно знакомого с рабством, а значительно позднее, когда эти общества достигли сравнительно высокой степени своего развития, и появились особые причины, заставившие крупных землевладельцев заменить крестьянский труд трудом рабов.

Из самого характера эксплоатации рабов и их роли в производстве ставилась и разрешалась для античного общества проблема воспроизводства рабочей силы. Возможность нормального внутреннего воспроизводства рабочей силы при обычной для рабского способа производства системе эксплоатации раба исключалась. Одними внутренними ресурсами рабство как система хозяйства не могло питаться. Отсюда необходимость для античных обществ широкой завоевательной политики: рынок

рабов получает пополнение своего товара посредством войны, морского разбоя и т. д. Превращение побежденных в рабов — нормальная цель этих военных предприятий. Рабство заводит общество в тупик, из которого нет иного выхода, кроме разрушения самого общества. Основные предпосылки крушения античного общества могут быть сведены к следующим: 1. Чрезвычайно низкий технический уровень античного хозяйства и невозможность сколько-нибудь широкого технического прогресса в условиях рабства приводили к хозяйственному застою. 2. Рабство разоряло мелких свободных производителей, превращая их в деклассированную массу люмпенпролетариев, и в то же время создавало паразитарную психологию свободного населения, делало невозможным применение свободного труда в сколько-нибудь широких размерах.

Стало быть, для того, чтобы античный способ производства мог восторжествовать, требовались особые «исторические условия», которые не обязательно должны быть в известный момент истории общества налицо везде и всюду.

Если античное общество покоится на рабском способе производства как господствующем, то отсюда неизбежны и другие следствия. Античное государство есть государство рабовладельцев для подчинения рабов. Классовый рабовладельческий характер античного государства решает вопрос и об основном антагонизме античного общества.

Наконец, особым положением и значением рабов в античном рабовладельческом обществе характеристика этого общества не исчерпывается. Мы здесь имеем особую «античную общинную и государственную собственность», которая противополагается и вступает в конфликт с частной индивидуальной парцеллярной собственностью. Можно отметить и многие другие специфические особенности этого общества. Оно живет и умирает на особых основаниях, в своем развитии имеет особую закономерность, совсем не обязательную для каждого общества.

Феодализм, как общественно-экономическая формация, строится на ином способе производства и характеризуется иными отношениями людей в процессе производства. Одним из специфических признаков феодальных отношений являются индивидуальная собственность и ее иерархическое расчленение.

Сущность феодальных отношений заключается в том, что основой феодального способа производства является

сельскохозяйственное производство, не исключающее, однако, ремесленного и мануфактурного труда; общественные отношения выражаются в форме господства и подчинения, вырастающих на почве присвоения крупными земельными собственниками, монополизирующими право на землю, труда непосредственных производителей, владеющих всеми условиями производства и воспроизводства, кроме земли. В силу этого последнего обстоятельства, затрудняющего присвоение труда непосредственных производителей, класс феодалов — земельных монополистов прибегает не только к экономическому, но главным образом к внеэкономическому принуждению, т. е. к открытому насилию. Внеэкономическое принуждение и личная зависимость непосредственного производителя от владельца земли являются господствующей формой общественных отношений настолько, что и экономическое принуждение здесь облекается в эти специфически феодальные формы. Выражением феодальной формы производственных отношений является докапиталистическая земельная рента, отработочная, натуральная и, наконец, денежная.

Феодальное общество — общество антагонистическое, но этот антагонизм не тот, что мы видели в рабовладельческом обществе: на одном полюсе феодального общества мы имеем землевладельцев («господ», «сюзеренов»), они же часто и рабовладельцы, на другом — ленно-зависимых крестьян.

Это два основных класса феодального общества. Двухклассовое феодальное общество не исключает, однако, наличия внутри класса феодалов целой лестницы феодальной зависимости, основанной на величине земельного владения и количестве вассалов. Феодальное государство есть власть землевладельцев ради господства над крепостными крестьянами. Вопрос о воспроизводстве рабочей силы в феодальном обществе разрешается тем, что непосредственный производитель является собственником условий производства. Острота этой проблемы для феодального общества таким образом, естественно, снимается. Феодальное общество прогрессивнее античного по возможностям, в нем заложенным.

После этих необходимых оговорок и теоретических предпосылок мы можем перейти к исследованию конкретного материала, оставленного нам древней Русью.

Считаю необходимым подчеркнуть свои исходные положения, часть которых была рассмотрена выше:

1. Славянство, основная этническая среда, в которой придется нам производить свои наблюдения, заняло определенную территорию в Европе не вдруг. Оно само явилось в итоге длительного этногонического процесса, в результате скрещивания различных племен и культур.

2. В тот момент, когда мы получаем возможность его изучать по нашим письменным памятникам, родовые патриархальные отношения на территории Днепра—Волхова уцелели лишь в виде отдельных пережитков; в момент сложения норм древнейшей «Русской Правды» на указанной территории родовой строй в основном был изжит.

3. Это замечание относится, однако, ко всему огромному пространству Восточной Европы, занятому славянами, не в одинаковой мере. Отдельные славянские и неславянские племена, жившие вдали от главных культурных центров восточного славянства, изживали родовой строй гораздо медленнее.

4. «Киевское государство» по Волхову — Днепру — один из сравнительно поздних эпизодов в истории народов, населявших Восточную Европу.

Каждое из этих положений, конечно, требует большой и углубленной разработки, но в данный момент, не останавливаясь на этих предметах столько, сколько бы они этого заслуживали, я беру эти тезисы в качестве базы дальнейшего построения.

Вопрос о системе и способах хозяйства, о преобладании тех или иных отраслей его в этот далеко уже не начальный, но все же древнейший, освещаемый письменными источниками период, как видно из сказанного выше, для нас не может быть второстепенным. А так как по этому предмету в нашей литературе имеются серьезные разногласия, то я считаю необходимым в первую очередь разобраться в этих противоречивых мнениях. Еще писатели XVIII в. никак не могли помириться на том, с чего начала древняя Русь. В то время как кн. Щербатов или Шлецер готовы были рисовать наших предков X столетия «дикарями», чуть что не бегавшими на четвереньках, находились исследователи, которым те же самые предки казались просвещенными европейцами в стиле того же XVIII в. Щербатов объявил древних жителей России прямо «кочевым народом». «Хотя в России прежде ее крещения, — говорит он, — и были грады, но оные были яко пристанища, а в протчем народ, а особливо знатнейшие люди упражнялись в войне и набегах,

по большей части в полях, переходя с места на место, жил».[1] Конечно, люди тут были, рассуждал Шлецер, «бог знает, с которых пор и откуда, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли леса...» Неправда, возражал Щербатову и Шлецеру Болтин: «руссы жили в обществе, имели города, правление, промыслы, торговлю, сообщение с соседними народами, письмо и законы».[2] Этот спор в несколько иной форме перешел и в XIX в. и дожил до XX в. В. О. Ключевский, М. В. Довнар-Запольский и Н. А. Рожков, с одной стороны, с другой — М. С. Грушевский, М. К. Любавский, Ю. В. Готье и М. Н. Покровский в XX в. еще продолжали спор о том, чем и как занимались славяне в древнейшую известную нам пору их существования, что было основной экономической базой их существования. М. С. Грушевский, Ю. В. Готье, в значительной степени М. К. Любавский, и, наконец, весьма решительно М. Н. Покровский настаивали на том, что основой древнеславянского хозяйства было земледелие, между тем как В. О. Ключевский, М. В. Довнар-Запольский и Н. А. Рожков считали земледелие совсем второстепенным занятием и на первое место выдвигали охоту за пушным зверем.

Совершенно очевидно, что эта проблема величайшей важности, от правильного разрешения которой зависит в значительной мере и ответ на основной вопрос, стоящий в данный момент перед нами.

С этого предмета, естественно, нам следует и начинать исследование.

V. МЕСТО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

«История нашего общества изменилась бы существенно, если бы в продолжение восьми-девяти столетий наше народное хозяйство не было историческим противоречием природе страны. В XI в. масса русского населения сосредоточивалась в черноземном среднем Поднепровье, а к половине XV в. передвинулась в область верхнего Поволжья. Казалось бы, в первом крае основанием народного хозяйства должно было стать земледелие, а во втором должны были получить преобладание внешняя тор-

---

[1] М. Щербатов. История Российская, изд. 1794, т. I, стр. 11, прим.
[2] М. Н. Покровский. Русская история с древн. времен, т. I, стр. 1—2.

говля, лесные и другие промыслы. Но внешние обстоятельства сложились так, что пока Русь сидела на днепровском черноземе, она преимущественно торговала продуктами лесных и других промыслов, и принялась усиленно пахать, когда переселa на верхневолжский суглинок. Следствием этого было то, что из обеих руководящих народнохозяйственных сил, какими были служилое землевладение и городской торговый промысел, каждая имела неестественную судьбу, не успевала развиться там, где было наиболее природных условий для ее развития, а где развивалась успешно, там ее успехи были искусственны...».[1] Давно уже и наша археология и историческая наука в целом начали указывать на «неестественность» и «искусственность» этого построения Ключевского, но тем не менее в лице многих представителей нашей науки этот предрассудок еще продолжает держаться (Довнар-Запольский, Лященко, Рожков). С особенной силой выступил с защитой этого положения Н. А. Рожков. Он сделал попытку обосновать его целым арсеналом документальных доказательств, и, конечно, это обстоятельство обязывает нас ближе присмотреться к самому предмету и к системе защиты положений, выдвинутых недавно умершим историком.

По его мнению, земледелие в древнейшей Руси не только не господствовало, но и не было даже очень важной отраслью хозяйства.

«Кий, Щек и Хорив (цитирую Рожкова)[2] по преданию, занесенному в начальную летопись, были звероловами. Северяне платили дань хозарам по шкурке белки с дыма. Олег, подчинив в 883 г. древлян, положил на них дань по черной курице с дыма. По словам арабского писателя Ибн-Хардадбе, жившего во второй половине IX в., русские вывозили из своей страны меха выдры и черных лисиц, т. е. продукты звероловства. В 945 г. Игорь, отпуская от себя византийских послов, заключивших с ним договор, одарил их тем, чем сам был богат, главным образом мехами. То же самое обещала дать в дар византийскому императору при своем крещении княгиня Ольга. Ей же приписывается устройство княжеских «ловищ», т. е. приспособлений для охоты на зверей в землях древлянской и новгород-

[1] В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, 1919 г., изд. 5-е, стр. 11.

[2] Беру «основания» у Рожкова как у автора, более детально аргументитирующего свои положения.

ской, и «перевесищ», приспособлений для ловли птиц по Днепру и Десне. Древляне, осажденные Ольгой в Коростени, предлагали ей дань «скорою», т. е. мехами. По словам Святослава, одним из главнейших богатств Руси были меха.[1] Дальше тот же автор делает указания на пчеловодство и рыболовство, снабжая свои рассуждения ссылками на соответствующие места многочисленных источников. И тем не менее согласиться с такими положениями автора невозможно.

Легенда о Кие, Щеке и Хориве использована Н. А. Рожковым не совсем верно. Летописец приводит три варианта сведений о них и особенно о первом из них. Сам летописец отдает предпочтение последнему варианту, по которому Кий является князем, путешествует в Византию и принимает там «велику честь... от царя». Стало быть звероловство здесь сомнительно. Платеж дани мехами, конечно, говорит только о наличии мехов и об их ценности и больше ни о чем.[2] Необходимо, наконец, пересмотреть и обычное понимание некоторых слишком хорошо знакомых и традиционно толкуемых мест летописи. К числу их относится и известное место под 859 г. о том, что «козари имаху на полянех и на северех и на вятичех, имаху по белей веверице от дыма». Но не правильнее ли будет читать «по беле и веверице», где «бель» будет серебряная монета? Тогда наше представление об этих племенах и характере их обложения представятся нам в другом свете.[3] Для решения вопроса совершенно необходимо в первую очередь обратить внимание не на предметы, которыми покоренное население облагалось в виде дани, а на единицу обложения. Это есть дым, или дом, рало, плуг. Дым, или дом — это, несомненно, оседлое хозяйство — очаг, двор, индивидуальное хозяйство, поскольку оно облагается как особая хозяйственная единица. Плуг или рало говорят сами за себя.

---

[1] Н. А. Рожков. Русская история, т. I, стр. 76—77.

[2] Св. Мариан, основатель монастыря в Регенсбурге (в 1075 г.), был у Киевского князя Святослава и от него, а также и от других знатных лиц «богатейшего города Киева, получил в подарок драгоценные меха ценою в 100 фунтов серебра; увезя из на телегах, он благополучно вернулся вместе с купцами в Регенсбург». Эти меха там были проданы, и на вырученные деньги сооружена монастырская крыша. Vita S. Mariani. М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI в. Летопись занятий Пост. ист.-арх. комиссии, 34, стр. 22.

[3] В Ипатьевской летописи под 1257 г.: «Данило посла Коснятина... да побереть на них (ятвягах) дань. Ехав же Коснятин, пойма на них дань: черные куны и бель сребро, и вдасть ему...»

Вятичи в 964 г. говорили Святославу «козаром по щьлягу от рала даем». То же видим и несколько позднее: в 981 г. Владимир «вятичи победи и возложи на ня дань от плуга, яко же и отец его имаше».[1] Если единица обложения в данном обществе получила свое происхождение от главнейшего пашенного орудия производства, то совершенно очевидно, что мы имеем дело с обществом безусловно земледельческим. Эти соображения мы можем очень хорошо проверить, если сопоставим эти факты с предметами материальной культуры, постоянно находимыми в раскопках. А. Федоровский, в 1929 г. раскапывавший Донецкое городище в 7 верстах от Харькова, у с. Карачевки, на правом берегу р. Уды, встретил здесь полный ассортимент хлебных злаков (просо, рожь, ячмень, пшеницу мягкую и твердую, гречу, лен, мак), нашел жернова, зернотерку, четыре серпа. Но самое главное, на что он в своем отчете обратил особое внимение, — это то, что вся поверхность селения покрыта ямами разной глубины, предназначенными для хранения зернового хлеба. Таких ям ему пришлось раскопать восемьдесят, и это еще не все, так как раскопки не закончены. Стенки этих ям тщательно выглажены, кой-где заметны следы лопат, кой-где видны следы глины и извести, имеются остатки березовой и сосновой коры, которой выстилались когда-то эти ямы. В целом ряде ям были обнаружены обуглившиеся зерна хлебных злаков. «Русская Правда» и летопись тоже знают эти хлебные ямы. Ямы эти А. Федоровский относит к древнейшему слою своих раскопок XI—XII вв. Автор пробует объяснить огромное количество этих ям тем, что ими можно было пользоваться только определенное, ограниченное время, так как в них разводились бактерии, портившие хлеб, после чего приходилось яму забрасывать и делать новую. Весьма вероятно, что догадка автора имеет за собой основание, но нельзя не сделать дополнительно и другого заключения о том, что здесь мы имеем доказательства господства сельского хозяйства в данном районе вообще и, в частности, в данном селении. Иначе нельзя объяснить заботливости об устроении этих ям и их количества. Ассортимент хлебных злаков говорит о том же.[2] Что это не исключительные находки А. Федоровского, видно из археологических данных более старого периода раскопок.

[1] Лаврентьевская летопись, под 964 и 981 гг.

[2] Хроніка археолёгії та мистецтва, ч. I, стр. 5—10. Всеукраинская Академия Наук, Киев 1930.

В раскопках северянских курганов Самоквасов давно уже отмечал факты, вполне подтверждающие это наблюдение Федоровского и сообщения летописи. И там серпы и три сорта хлебных зерен указывают, по его мнению, на земледельческий быт северян.[1] К таким же выводам приходят и Гамченко на основании раскопок в урочище Струга[2] и Антонович в раскопках древлянских курганов.[3] Раскопки селения «Райки» (10 км от Бердичева) подтверждают то же. Эти раскопки замечательны тем, что дают нам не случайно сохранившийся вещевой материал, а полный домашний обиход населения, катастрофически погибшего в начале XIII в. Тут мы имеем полный ассортимент орудий сельского хозяйства: лемехи разных типов, серпы, косы, путы для лошадей; большое разнообразие хлебных злаков: просо, пшено, овес, рожь, мак, конопля, горох, вика, мука. Большое количество цилиндрических замков говорит о том, что мы имеем дело с обществом, где весьма развит институт частной собственности с его спутниками — имущественным неравенством и специфическими преступлениями.[4] То же мы имеем по Роси, в так называемой Княжой горе, поселении, относимом археологами к XI—XII вв. Здесь найдены различные орудия производства с преобладанием сельскохозяйственных (177 предметов), среди них имеются плуги.

Исследователь Ковшаровского городища (Смоленской губ.) говорит о сельском хозяйстве здесь в XI—XIII вв. совершенно определенно: «Главным занятием жителей было сельское хозяйство. Найденные в городище обуглившиеся (от пожара) зерна, главным образом ячменя (2—3 вида), меньше овса (1—2 вида) и пшеницы, мотыги с серпами и жерновами служат этому ярким подтверждением. Не найдено лишь остатков сохи, которая, несомненно, уже существовала. Возделывали и лен, отпечатки ткани из которого хорошо сохранились на обожженной глине.

---

[1] Самоквасов. Северянские курганы. Тр. III археол. съезда, т. I, стр. 219 и др.

[2] Чтения в историч. общ. Нестора Летоп., кн. XIII.

[3] Антонович. Раскопки в стране древлян. Мат. по археолог. России, № 11, стр. 15, СПб. 1893 г.

[4] Сведения эти сообщены мне Л. А. Мацулевичем, за что приношу ему свою благодарность. Некоторые подробности сообщены в статье Ф. Н. Молчановского «Обработка металла на Украине в XII—XIII вв. по материалам Райковецкого городища». Проблемы истории докапитал. обществ, 1934, № 5, стр. 83—93.

Несомненно были, но не сохранились, и огородные растения. Были и домашние животные (лошадь, корова, овца, свинья, собака и пр.), кости которых найдены в городище».[1] Хлебные зерна, найденные в этом городище, были обследованы специалистом К. А. Флаксбергером, который пришел к заключению, что здесь возделывались главным образом яровые хлеба и больше всего ячмень, но он же подчеркивает, что отсутствие ржи среди зерен, найденных в раскопках, не позволило ему высказаться относительно сельского хозяйства более определенно.[2]

Конечно, отсутствие точных данных о сохе и об озимых хлебах, если это не случайное отсутствие, наводит на мысль о более отсталой системе земледелия, чем в Киевщине и в Волжско-Камском районе, где сошники найдены в слоях X века, и, может быть, даже в Новгороде. Впрочем, сам А. Н. Лявданский не сомневается, что соха с железным наконечником в XI в. в Смоленщине уже известна. Приблизительно то же мы имеем и в земле радимичей, недавно подвергшейся тщательному обследованию Б. А. Рыбакова. На основании изученных им раскопочных материалов около 150 курганов он приходит к весьма определенному выводу о том, что земледелие было основным занятием радимичей, что они стремились занять наиболее плодородные черноземные части территории. Охота составляет едва заметное занятие, которое не оставило в курганных раскопках никаких следов. Дань, платимая радимичами по одной шкурке с дыма, тоже говорит о ничтожных размерах охотничьего промысла. Сторонников теории о господстве здесь охоты не спасает и факт 1150 г., обычно ими приводимый, платежа смоленскому епископу десятины лисицами, так как и в XVI в., когда относительно места земледелия в хозяйстве этого края уже нет споров, мозырский наместник продолжал собирать с населения мед и «по лисице с каждого дыма». За время X—XII вв. здесь, правда, не найдено металлических сошников; в изобилии имеются топоры, серпы, косы-горбуши. Отсюда можно было бы сделать вывод о преобладании подсечной системы, что не противоречило бы нашему представлению о радимичах и вятичах как о племенах,

---

[1] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научн. изв. гос. унив., т. III, вып. 3, стр. 247, Смоленск 1926 г.

[2] К. Флаксберг. Хлебные зерна из Ковшаровского городища, Гриневской вол., Смоленского уезда, там же, стр. 250—254.

значительно отсталых в своем развитии по сравнению с другими славянскими племенами: красочное изображение летописцем этих лесных жителей, живущих звериским обычаем, хорошо всем известно. Необходимо однако иметь в виду, что Б. А. Рыбаков не обследовал радимичских городищ и изучал только могилы. Работы того же Б. А. Рыбакова над археологическими материалами дреговичей, в своем развитии недалеко ушедших от радимичей, позволяют говорить более решительно о пашенном земледелии или во всяком случае о более высоких формах подсечной системы у дреговичей даже в IX в., если не раньше: Б. А. Рыбаков на этот раз изучал не могильники, а городища, и обнаружил сошники в слоях VIII—IX вв.[1]

Недавние раскопки В. И. Равдоникаса на границе новгородских владений с Карелией говорят о той же роли земледелия даже для северного района.

Все эти археологические данные вполне согласуются со сведениями «Правды» Ярославичей. Отправляющемуся в служебную командировку вирнику полагалось «взяти 7 ведер солоду на неделю, такоже овен, либо полоть или две ногате, а в среду резану, в три же сыры; в пятницу тако же. А хлеба, поскольку могут ясти, и пшена; а кур по две на день; кони 4 поставити и сути им на рот (овса), колько могут зобати». Дальше еще имется разъяснение относительно продуктов для вирника и его помощников: «борошна колько могут изъясти». Перед нами продовольственная обычная норма для командируемого сборщика податей и штрафов. С другой стороны, и отклонения от этой нормы обнаруживают то же первенствующее значение хлеба. Крайнее ограничение в пище обычно в таких случаях изображается как переход на хлеб и воду. Антоний Печерский «яды хлеб сухий и того черес день и воды в меру вкушая».[2]

Никаких сомнений нет, что перед нами общество, производственная база которой основана прежде всего на земледелии. Хлеб — основная пища людей, как овес — лошадей, причем количество этих продуктов на едоков нормируется исключительно аппетитом потребителя, что говорит об изобилии этих продуктов.

---

[1] Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы Археолёгічнай Камісіі, т. III, Белорусск. Академия Наук, Инст. истории, Минск 1932. Также выступление 28 октября 1934 г. в заседании МОГАИМК.

[2] Ипатьевская летопись, стр. 110, изд. 1871 г.

«Обилие» в наших старых письменных памятниках обозначает прежде всего изобилие хлеба, продовольствия. «Бывши бо единою скудости в Ростовстей области, востаста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко ве свеве, кто обилие держит». Из дальнейшего видно, что под обилием действительно разумелся хлеб прежде всего. В духовной новгородца Климента XIII в. читаем: «Даю за все то два села с обильем и с лошадьми и с бортью...»[1] Летописец, вкладывая в уста послов, говоривших от имени славян Рюрику и его братьям фразу «земля наша велика и обильна», безусловно имел в виду плодородие земли и распространенность в стране земледелия. В уже цитированной выше «Русской Правде» Ярославичей первой половины XI века мы имеем изображение княжеского хозяйства, по крайней мере настолько полное, чтобы не оставить в нас сомнения относительно земледельческой базы, на которой оно покоится. За сообщаемыми «Правдой» деталями ясно проглядывает княжеский двор в широком понимании слова, т. е. жилые и хозяйственные постройки, княжеские слуги различных рангов и эксплоатируемое население — смерды, рядовичи, изгои и закупы (последняя категория взята из «Пространной Правды», но у нас нет никаких оснований думать, что она возникла лишь тогда, когда составлялась эта «Правда») и обыкновенные рабы. Среди хозяйственных построек либо прямо называются, либо с очевидностью подразумеваются — клеть, конюшня, коровий двор, хлев, помещение для сена и дров. Называются следующие детали сельского хозяйства: рогатый рабочий скот (волы) и лошади, скот молочной и мясной («говядо»), овцы, свиньи, козы; из птиц — голуби, куры, утки, журавли, лебеди. Имеются некоторые данные об организации сельского хозяйства: сельский староста и ратайный староста, очевидно, наблюдатели за земледельческими работами. Упоминаются поля, разграниченные межами. Нарушение межи карается самым высоким штрафом — «А иже межу переорет... то за обиду 12 гривне» (ст. 33). Предполагается, что кто-то заинтересован в расширении своей пашни за счет соседа, под которым в данном случае разумеется князь. Кто же мог прежде всего покуситься на чужую межу, как не земледелец-смерд, нуждающийся в земле? О росте княжеского,

---

[1] Владимирский Буданов. Хрестоматия. Изд. 1908 г., вып. I, стр. 118.

боярского, церковного землевладения я предполагаю говорить ниже.[1]

Классическое изображение смерда-земледельца в речи Владимира Мономаха на Долобском съезде (1103 г.) нам хорошо известно. Здесь смерд изображается в качестве мелкого непосредственного производителя, владеющего орудиями сельскохозяйственного производства, усадьбой, инвентарем живым и мертвым и пр. Смерды — самая многочисленная группа населения Киевской и Новгородской Руси. Все они прежде всего земледельцы.

Вполне понятным делается и обращение кн. Ольги к древлянам, записанное в Лаврентьевской летописи под 946 г. (небольшая беда, если летописец этот рассказ снабдил подробностями, взятыми из обихода современной ему жизни): «Вси ваши гради предашася мне и ялися по дань и делают нивы своя и земле своя, а вы хочете измрети гладом».

Относительно голодовок у нас имеется достаточное количество сведений, из которых с совершенной ясностью вытекает, что земледелие есть основное и главное занятие деревенского населения.

«Том же лете вода бяша велика в Волхове, а снег лежа до Яковлева дня; а на осень уби мороз вершь всю (т. е. хлеб) и озимице и бысть голод и церес зиму ржи осьминка по полугривне».[2] «Стояста 2 недели полне, яко искря гуце, тепле вельми, переже жатвы; потом найде дожгь, яко не видехом ясна дни ни до зимы; и много бы уиме жит и сена не уделаша...»[3] «Том же лете стоя все лето ведром, и пригоре все жито, а на осень уби всю ярь мороз. Еще же за грехи наши не то зло оставися, но паты на зиму ста вся зима теплом и дождем, и гром бысть; и купляхом кадку малую по 7 кун. О велика скорбь бяше в людях и нужа».[4] «Той же осени найде дожгь велик и день и нощь на Госпожькин день, оли и до Никулина дни не видехом светла дни, ни сена людем бяше льзе добыты, ни нив делати».[5] «Изби

---

[1] Отсюда, конечно, не следует, что в той же «Правде» Ярославичей не может быть статей, особенно вставленных позднее, касающихся предметов и не только княжеского хозяйства.

[2] Новгородская I летопись, под 1127 г.

[3] Там же, под 1145 г.

[4] Там же, под 1161 г.

[5] Там же, под 1228 г.

мраз на Въздвиженье честного креста обилье по волости нашей, и оттоле горе уставися велико: почахом купити хлеб по 8 кун, а ржи кадь по 20 гривн, а в дворех пол-30, а пшенице по 40 гривн, а пшена по 8, а овес 13 гривн. И разидеся град наш и волость наша, и полни быша чюжии гради и страны братье нашей и сестр, а останок почаша мерети».[1]

Не остается никаких сомнений, что неурожай есть общенародное бедствие: не только деревня страдает от него, но и городской житель вынужден терпеть «скорбь велику и нужду», если по тем или иным причинам не родился хлеб. Причем необходимо обратить внимание, что эти факты, взятые из летописей, касаются Новгородской земли. Конечно, с первого взгляда может показаться, что все эти факты относятся только к XI—XII вв., что, может быть, в несколько более раннее время (IX—X вв.) дело обстояло иначе. Эти сомнения разрешают показания иностранцев и археологии, которые вполне подтверждают наши наиболее ранние письменные свидетельства. Еврейский путешественник X в. Ибн-Якуб сообщает, что «славянская земля (имеются в виду западные и отчасти восточные славяне) обильна всякого рода жизненными припасами, что славяне — народ хозяйственный и занимаются земледелием усерднее, какой-либо другой народ». Восточные документы свидетельствуют, что славянский лен в IX в. в значительных количествах шел в Среднюю Азию через Дербент.[2] Под 997 г. в Лаврентьевской летописи помещен рассказ об осаде Белгорода. Старик советует осажденным горожанам собрать «аче и по горсти овса или пшенице или отруб» для того, чтобы устроить кисельный колодезь и обмануть неприятеля. Предполагалось, что эти продукты имеются у большинства населения даже во время осады, рассчитанной на голодный измор осажденных. Маврикий Стратег, писатель VI—VII в., сообщает, что у славян много проса и пшеницы. В IX в. не только упоминается, как говорит Рожков, рало (или плуг) у вятичей, но оно стало там, как мы видели, единицей обложения. В «Русской Правде» (пространной) из произведений сельского хозяйства называются пшеница, жито, горох, пшено, полба, ячмень. В «Вопрошании Кириковом» — горох, соцевица, пшеница и овощи. В церковном уставе сере-

[1] Новгородская I летопись, под 1230 г.

[2] А. Ю. Якубовский. Рассказ Ибн-ал Баби. Виз. врем., т. XXV, стр. 62

дины XI в. записано: «аще муж иметь красти конопли или лен или всяко жито». Араб Ибн-Русте (первая половина X в.), рассказывая о жатве у славян, дает своим рассказом понять, что земледельческие продукты были главной пищей их (особенно они любили просо, о чем говорит также Маврикий и Лев). У Льва Диакона мы встречаем известие, что император Цимисхий по договору со Святославом 971 г. дозволил Руси привозить в Грецию хлеб на продажу. Хлеб и мясо — это обычная жертва славян, по словам Константина Порфирородного, а значит и пища и, конечно, не новая, а весьма старая, потому что жертвенный ритуал есть освященная вековыми обычаями традиция.

Вообще известные нам факты относительно дохристианской религии славян говорят о земледельческом культе по преимуществу. Солнце и земля, два главные божества во всяком земледельческом культе, имеются и у славян. Они даже считают себя «Даждь-божьими внуками», а землю называют своей матерью. Ранняя история христианства на Руси еще раз подтверждает земледельческий характер хозяйства древних славян IX—X вв.: та синкретическая религия, которая образовалась в результате принятия христианства, не носит на себе почти никаких существенных налетов тотемиза, что для концепции Ключевского — Рожкова было бы необходимо. Христианские понятия и представления заменили собой элементы именно земледельческого культа: весна превратилась в богородицу, приезжающую на Благовещение на сохе, святые Илья, Егорий и Никола превратились в покровителей сельскохозяйственных работ и помощников земледельца. Особенно Егорий: он «жито родит», «ярь засевает», «горох сеет и на поле первый бог».[1] Молиться славянин привык под «овином»[2] и т. д. То же можно наблюдать и у пруссов, непосредственных соседей восточных славян. Протестуя против водворяемого среди них христианства, они говорят своим миссионерам, что из-за них земля прусская перестанет давать жатву, деревья — плоды, животные — приплод.[3]

О земледелии как хозяйственной основе жизни древнеславянского общества говорит и славянский календарь, возникший еще в родовом строе во время господства огневой подсечной

---

[1] М. Н. Никольский. Ист. русск. церкви, стр. 50—51 и др., изд. 2-е.
[2] Дополнения к актам историческим, относ. к России (ДАИ), I, № 1.
[3] Лависс Эрнест. Очерки по истории Пруссии. М. 1897.

системы земледелия. Славяне делили время на отрезки, соответствующие чередованию сельскохозяйственных работ и определяли эти отрезки по луне. Первый месяц — месяц, когда секут деревья для сжигания, называется сечень, второй, когда срубленные деревья подсыхают — сухой, третий, когда сожженные деревья превращаются в золу — березозол, четвертый — травень, дальше идут — кветень, серпень, вресень (от врещи — молотить).[1] Совершенно очевидно, в какой хозяйственной обстановке вырос этот календарь.

М. С. Грушевский объясняет противоречия в показаниях византийских писателей относительно состояния у славян земледелия тем, что, по его мнению, эти писатели сталкивались со славянскими пограничными поселениями, население которых, в обстановке колонизационного движения среди постоянных опасностей, отставало от форм более культурной жизни славян, живущих вдали от византийских границ. «Источники, которые знали славян в нормальной обстановке, — говорит Грушевский, — на насиженных местах, показывают у них широко развитую земледельческую культуру, положившую свой глубокий отпечаток на весь славянский быт». «Правда, — продолжает тот же автор, — такие источники мы имеем за более позднее время — X и даже XI вв., но такое широкое развитие земледелия показывает, что мы имеем дело не с каким-нибудь новым, а очень старым культурным достижением».[2]

Решительно поддерживая точку зрения М. С. Грушевского на роль земледелия в древней Руси и допуская, что М. С. Грушевский не ошибается в объяснении этих «противоречий», я все же думаю, что можно объяснить их и иначе. Если более старые писатели говорят о славянском земледелии в очень скромных выражениях (один из них, Прокопий, даже утверждает, что «оба народа (славяне и анты *Б. Г.*) живут в худых, порознь рассеянных хижинах и часто переселяются»), а более поздние свидетельства дают картину настоящего пашенного земледелия, — не проще ли здесь видеть прогресс в технике славянского земледелия и вытекающие отсюда вполне понятные следствия?

---

[1] Карамзин. История Государства Российского, т. I, изд. Смирдина, стр. 72—73, прим. 159.

[2] Михайло Грушевськiй. История Украины-Руси, т. I, стр. 128, изд. друге, 1904.

Итак, все имеющиеся в нашем распоряжении факты решительно противоречат утверждению Ключевского — Рожкова о том, что земледелие в древнейшей Руси не господствовало, не было даже очень важной отраслью хозяйства. Для Рожкова это явствует, как мы видели, из того, что в числе хозяйственных благ, составлявших главное богатство Руси, ни разу не называется хлеб, а упоминаются только продукты «добывающей промышленности — меха, мед и воск». Рожков прав в том, что «богатство князей, бояр и купцов состояло не в хлебе», но этот факт не служит аргументом в пользу основного утверждения автора. Хлеб стал «богатством» гораздо позднее, в тот момент, когда феодальные отношения, совершенно явственно стали обнаруживать признаки своего разложения, в конце XVIII в. и особенно в XIX в., но и сам Рожков не станет отрицать, что земледелие было главным занятием сельского населения и в XV—XVII вв. в Московском государстве, в то время, когда пушнина, несомненно, продолжала оставаться самым выгодным и преобладающим русским товаром на европейских и азиатских рынках.

Мне кажется, что в наших источниках нет оснований для того, чтобы признать основные положения Ключевского и Рожкова и их последователей доказанными. В Киевской, Новгородской и Суздальской Руси основным занятием населения было земледелие.

Пушная охота явилась в сколько-нибудь развитом виде следствием внешней торговли, причем охота эта могла стать большим промыслом только на севере, так как средняя полоса и особенно юг не могли иметь пушного зверя, способного по своей ценности конкурировать с пушниной севера.

V. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕХНИКА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Материальное производство есть основа всей общественной жизни, а потому и история общества не может быть построена без изучения именно этой стороны процесса. Но выделяя иногда ради технического удобства исследования историю материального производства в особую отрасль нашей науки, мы, с другой стороны, не должны забывать, что исторический процесс представляет комплексное единство, где все части взаимно обусло-

влены. История образования производительных органов общественного человека есть в то же время и история материального базиса каждой особой общественной формации. «Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд».[1]

Только в таком понимании задач специального исследования истории техники можно ожидать от этих специальных работ научных достижений, способных пролить свет на уже исчезнувшие периоды истории изучаемого общества. Нужно сказать больше: письменные источники есть исторический источник, самый поздний по времени возникновения. Ясно, что появлению письменности предшествует огромный период общественного развития, не имеющий своего отражения в письме, и если мы хотим заглянуть в это далекое прошлое, нам нужны иные пути и иные средства. Памятники материального производства и язык, заключающий в себе пережитки древнейших эпох, в этом отношении должны быть привлечены к разрешению исторических проблем, и не только для времени, не освещенного письменностью, но и для более правильного и отчетливого понимания самих письменных памятников, так как нам хорошо известно, что одни и те же слова на протяжении своей длинной жизни не всегда обозначают одно и то же.

Для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций останки средств труда имеют такое же значение, как останки костей для изучения организации исчезнувших животных видов. Следовательно, и в поставленной в данном случае задаче исследования техники сельского хозяйства раннего периода в истории древней Руси необходимо иметь в виду всю сложность и взаимную обусловленность единого общественно-экономического процесса, необходимо иметь в виду, что изучая сельское хозяйство и его технику в историческом развитии, мы изучаем, собственно говоря, базу общественного развития в целом. Задача, таким образом поставленная, — а иначе она ставиться едва ли может, — приобретает колоссальное значение и делается ответственнейшей задачей для решения основных проблем исторического развития общества. Само собой разумеется, что одной постановкой вопроса, даже если она и совершенно правильна, вопрос еще не решается.

---

[1] К. Маркс. Капитал, изд. 1930, т. I, стр. 121.

Необходимо подлинное его изучение, которого, однако, у нас еще нет.

М. Н. Покровский сделал первую попытку связать эволюцию техники сельского хозяйства древней Руси с отдельными этапами в истории общественных отношений,[1] но, как мы сейчас увидим, его построения и выводы не могут считаться правильными и требуют серьезного пересмотра.

М. Н. Покровский, связывая технику сельского хозяйства с общественными отношениями, представлял себе эволюцию этой техники в трех этапах — подсека, перелог, трехполье, причем время победы трехполья он обозначал XV—XVI вв., в зависимости от района (в Новгородской земле раньше, чем в центре Московского государства). Подсека и перелог делали невозможной прочную оседлость крестьянина, трехполье ее требовало. Крестьянина прикрепило к земле и владельцу трехполье.[2] Здесь безусловно верно устанавливается принципиальная связь между техникой сельского хозяйства и общественными отношениями. Остальные положения требуют значительных поправок. Прежде всего это относится к устанавливаемому им чередованию систем сельского хозяйства. Определенное сомнение возбуждает также предлагаемая им датировка этих этапов. Наконец, необходимо указать и на то, что крестьянская крепость не механически вытекала из состояния техники в данный момент. Имею основание полагать, что сам автор этих положений не всегда думал так прямолинейно, как это может показаться с первого взгляда.

В виду важности предмета позволю себе привести несколько соображений того же автора, высказанных им в других местах его произведений. В книге 1-й четырехтомника он говорит: «Что правнук русского крестьянина часто умирал очень далеко от того места, где был похоронен его прадед,— это верно, но очень поспешно было бы делать отсюда вывод, что прадед и правнук при своей жизни были странствующими земледельцами, смотревшими на свою избу, как на что-то вроде гостиницы», «древняя Русь исходила из представления о крестьянине, как более или менее прочном и постоянном обитателе своей

---

[1] М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, вып. I, стр. 71, 74, изд. 3-е.

[2] М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. I и 2, стр. 41, изд. 1931 г.

деревни. Кто хотел бродить, тот должен был спешить сниматься с места, иначе он сливался с массою окрестных жителей, которых закон рассматривал, очевидно, как оседлое, а не как кочевое население. Словом, представление о древнерусском земледельце, как о перехожем арендаторе барской земли,[1] и об оброке, как особой форме арендной платы, приходится сильно ограничить и не только потому, что странно было бы найти современную юридическую категорию в кругу отношений, так мало похожих на наши, но и потому, что оно прямо противоположно фактам. Делиться с барином продуктами своего хозяйства крестьянин, очевидно, должен был не как съемщик барской земли, а по каким-то другим основаниям. Для феодализма как всемирного явления это основание западноевропейской исторической литературой указано давно. В ней давным давно говорится о процессе феодализации поземельной собственности».[2]

Но дело в том, что М. Н. Покровский в более поздней своей работе утверждает совсем обратное: «Что касается самих крестьян, то их нельзя в это время было назвать крепостными. Крестьянской крепости 600 лет назад в России быть не могло просто потому, что никаких «крепостных», прочных отношений в деревне в это время не было. Как мы сейчас указали, земли было вдоволь. Земледельцы передвигались среди необозримых лесов, вырубали участки этих лесов, сжигали их, устраивали там пашню. Когда эти места переставали давать урожай, крестьяне передвигались на другие. Таким образом население тогдашней России постоянно передвигалось с места на место. Очень редко внук крестьянина умирал на том месте, где родился дед, и даже в течение своей жизни крестьянину приходилось переменить несколько, может быть даже не один десяток, пашен. При такой подвижности населения господствующему классу не было никакой выгоды закреплять это население к какому-нибудь одному месту. Крестьяне были прикреплены к земле и к вла-

---

[1] Здесь М. Н. Покровский имеет в виду мнение Ключевского о крестьянине как о «вольном и перехожем съемщике чужой земли, свобода которого обеспечивалась правом выхода и правом ряда» (Курс, ч. 2, стр. 389, изд. 3-е).

[2] М. Н. Покровский. Русск. ист. с древн. времен, т. I, стр. 33—34, изд. 3-е. О том, что крепостничество XVI—XVII вв. возникло при условии классовой борьбы, см. его же «Марксизм и особенности исторического развития России», стр. 84.

дельцам только гораздо позже, когда стало тесно, земли стало меньше и появилось правильное хозяйство, — сначала переложное, потом трехпольное».[1] Значит одно из этих мнений должно быть нами отвергнуто, так как совместное их существование немыслимо. Я считаю, что у нас имеются все данные так же энергично поддержать первоначальное представление М. Н. Покровского об оседлости крестьянина, как и отказаться от его же теории бродяжничества.

Тут все ясно. Крестьянин осел и обзавелся своим собственным мелким хозяйством, стало быть техника сельского хозяйства позволила это сделать, а затем уже оседлый мелкий земледелец стал объектом эксплоатации, которая без зависимости от землевладельца, как бы мы ее ни называли, невозможна. Таким образом, мы и со стороны требований современной историографии подходим к необходимости исследовать настойчиво поставленный, но не всегда верно и точно разрешаемый вопрос.

В вышедшей в 1927 г. статье А. В. Арциховского «Социологическое значение эволюции земледельческих орудий» это социологическое значение изучения эволюции орудий производства подчеркнуто тоже в основном правильно, хотя и требует дальнейшего обоснования и проверки.

К сожалению, у автора не было в руках достаточного материала для решения задачи применительно к истории России, и по необходимости ему пришлось пользоваться фактами Римской истории. Появление колесного плуга в Италии, по его мнению, делает переворот в земледелии и в свою очередь делается гранью в истории общественных отношений. Автор даже думает, что с этим моментом связано появление колоната и исчезновение рабского труда в применении к сельскому хозяйству.[2]

В работе П. Н. Третьякова «Подсечное земледелие в Восточной Европе» мы имеем первую в нашей историографии попытку подойти к разрешению этой большой проблемы применительно к России. Мне кажется, что этот опыт нужно считать в основном удачным. По крайней мере главные выводы автора кажутся вполне убедительными. Подсечное земледелие в том виде, как его рисуют материалы, связано с переходным этапом к истории классового общества — патриархальной семейной общиной. Соха

---

[1] М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, изд. 1933 г., стр. 29.

[2] Труды социологической секции РАНИОН, стр. 133.

и борона, орудия нового этапа в истории сельскохозяйственного производства, вырастая в условиях подсечного земледелия, в соответствии с общим ходом развития производительных сил окончательно сложившись, в свою очередь дают начало новой форме земледелия, разрушая подсечную систему. Важнейшей предпосылкой эволюции сохи явилась возможность использования скота как тягловой силы.

Попробуем обратиться к подлинным свидетельствам нашей древности.

При скудности наших источников по этому предмету, конечно, приходится пользоваться не только прямыми свидетельствами, но и косвенными намеками, все же помогающими уяснить систему сельского хозяйства.

Прежде всего необходимо указать, что подсека в качестве господствующего способа земледелия в IX—XI вв. для некоторой и не очень немалой части Киевщины исключается. Более длительное ее бытование было возможно лишь на севере, в Новгородской земле, и на северо-востоке, в бассейне Волги — Оки.

Леса на юге были выжжены и вырублены довольно рано, и, наконец, чем южнее, тем их становилось меньше, пока степь не делалась господствующей. В степях подсеки быть не может. Скифы, которые давно вдоль Днепра занимались земледелием, не выжигали леса для устроения своих пашен. Если бы это было иначе, Геродот не преминул бы об этом упомянуть. Их орудия производства говорят о том же. Сведения, имеющиеся у нас пока исключительно археологического характера, говорят о том, что к X в. топор в качестве главнейшего орудия подсечного земледелия сменяется сохой даже на севере. Для Киевской земли эту дату нужно отодвинуть далеко назад, быть может, к скифскому времени.

Нужно, однако, сказать, что раскопки со специальной целью изучения истории земледелия в нашей стране начали вести очень недавно, и материал, добытый археологами, еще не достаточно систематизирован. Сейчас можно говорить только о некоторых сторонах дела, пролагающих пути к решению задачи, но еще не дающих ее полного разрешения.

Несомненно, что территорию, занятую восточным славянством в Европе, необходимо разбить на пояса, различающиеся по свойствам климата, почвы и растительного покрова, и трактовать каждый из них в отдельности. Затем необходимо уста-

новить связь между системой землепользования, качеством орудий производства и общественно-экономической стадией в развитии данного общества. Необходимо помнить, что всякое новое разделение труда имеет свои особые орудия производства и что средства труда представляют характерные отличительные признаки каждой определенной эпохи общественного производства.

Для наших целей прежде всего необходимо разделить территорию, занятую восточным славянством, по признаку наличия леса. Лесной север и значительная часть центра в этой отношении представляют, естественно, одну полосу, отличную от другой, южной, где леса или мало или нет совсем.

Север представляет в известный период общественного развития страну подсечного земледелия, тогда как безлесный юг дает возможность на первых ступенях развития земледелия вести залежную или переложную систему.

Не нахожу нужным изображать здесь подсечную систему в целом, но считаю все-таки необходимым указать на основную экономическую основу этой системы. Для своего осуществления она требует значительных человеческих коллективов, так как она отличается большой трудоемкостью (на десятину около 45 дней мужских и женских), во владении этого коллектива должно находиться земли минимум в 10—15 раз больше площади ежегодного посева, срок пользования участками очень не велик, 3—4 года. Эта система может обходиться без тягловой силы животного.[1] Из этого видно, что обычная крестьянская семья не может справиться с подсекой как основной системой хозяйства. Перелог при подсечной системе хозяйства — это не система. Отдыхающее поле зарастает лесом и превращается снова в лядину, требующую повторения процедуры выжигания, хотя и облегченным способом. Стало быть, перелог в лесных местах — не особая стадия в развитии сельскохозяйственных систем, а переход к полевому пашенному земледелию. Настоящий перелог мы можем наблюдать только в степных пространствах.

К сожалению, мы не имеем по этому предмету специальных исследований. Однако, мне кажется, мы можем понять переложную систему, по крайней мере в основных, наиболее характерных чертах, наблюдая ее у современных нам степ-

---

[1] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе, изд. ГАИМК.

ных народов. Имею в виду в частности земледелие киргизов XIX в.

Оно описано в материалах по киргизскому землепользованию экспедицией по исследованию степных областей Тургайской области. Совершенно очевидно, что буквально переносить эти наблюдения на причерноморские степи невозможно, но, безусловно, здесь мы можем найти ряд условий, которые мы должны учесть и при решении нашего специального вопроса.

Вследствие обилия обширных площадей и плодородия почвы киргизу-земледельцу нет необходимости употреблять какие-нибудь сложные приемы для обработки своих пашен. Одна вспашка степи часто обеспечивает урожай на несколько лет. Впервые подняв целину и посеяв на ней хлеб, хозяин распахивает ее на другой год только в том случае, если он без обработки не надеется получить хорошего урожая, в противном случае семена только заборанивают́ся, и земля не трогается плугом или сохой. Таким способом часто сеется хлеб на одной и той же площади из года в год до тех пор, пока он не начинает совершенно заглушаться сорными травами.

Заброшенная залежь поднимается при первой возможности, если есть надежда получить с нее урожай, так как залежь распахать вообще легче, чем степь. Так поступает земледелец до тех пор, пока земля перестает давать хорошие урожаи. Обычно снимают под ряд 5 хлебов: 1) просо или пшеница, 2) пшеница, 3) пшеница, 4) овес, 5) овес.

Пашня обрабатывается обыкновенными сабанами (купленными в земских складах вскладчину), какими пашут казаки и крестьяне. Сабаны и бороны покупаются в Кустанае, Троицке, Арске и в ближайших поселках и часто приобретаются артелями хозяев, состоящими из двух, трех, редко из пяти человек. В среднем на одно сеющее хозяйство по уезду приходится по $^1/_2$ сохи и по $^1/_2$ бороны. Киргизы IV административного аула Кумакской волости говорили, что они помнят время, когда очень часто 10 хозяев складывались сообща и покупали один сабан; в настоящее время уже каждый хороший хозяин стремится завести свой собственный сабан. В силу этого большинство пашет «супрягой», т. е. вскладчину. Два-три хозяина вместе покупают сабан и вместе пашут: кто умеет пахать — ходит за сохой, другой сеет, третий является погонщиком и т. д. Кто выставит больше быков или лошадей, тот распахивает для себя

больше. Вообще каждый распахивает и засевает себе особый участок, так как «урожай зависит от счастья». При такой комбинации, когда в артель вступает хозяин, у которого нет скота, но есть сабан,— ему выделяют одну пятую часть всего вспаханного его орудием.

Супрягой может пахать только тот, кто имеет не менее 2 быков. У кого имеется только один бык, удобнее отдать его в «маин»,— на весеннюю пахоту, за что можно получить $^1/_2$ десятины, засеянной просом или пшеницей.

Большинство киргизов-земледельцев (61.2 % общего числа) обрабатывает свои пашни супрягой, 12.7 % пашут самостоятельно, 10.9 % — наймом и 5.2 % — смешанно. В последнюю категорию вошли также хозяева, нанимающие пахать киргизов или русских, имеющих собственные орудия, но пашущих скотом хозяина; сюда же вошли те, кто одну часть пашни обрабатывают своим трудом или супрягой, а другую распахивают русским «исполу».

Таким образом только последние две категории хозяев, составляющие в сумме 16.1% общего числа земледельцев, прибегают к наемной силе при обработке пашни, другие же, составляющие 83.9 %, обрабатывают пашню самостоятельно или артелью.[1]

Из наблюдений над подлинной жизнью киргизов и над системой их земледелия с несомненностью вытекают следующие положения: 1) подсека здесь невозможна, 2) переложная система — единственно возможная при наличии большого количества свободной земли и при условии кочевания со стадами. Если устранить последнее условие, система земледелия должна будет измениться и превратиться непременно в двухполку или трехполку.

Итак, лесной север переходит к полевому хозяйству от подсеки через особого рода своеобразный перелог, степь начинает с подлинного перелога и идет к тому же полевому пашенному земледелию.

Орудия производства при этом разные, и история их не одинакова.

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей Тургайской области, б. Кустанайского уезда, т. V, стр. 124—127.

На севере появляется трехзубая соха, разрыхляющая и бороздящая выжженое из-под леса поле. Дальнейшая история сохи заключается в уменьшении количества зубьев и в появлении лемеха. Это орудие следует связывать с новым видом земледелия — двухполкой и трехполкой, где при наличии унаваживания стали необходимы орудия, отваливающие пласты земли.

На юге история пашенного орудия проделывает свою собственную эволюцию: мотыга — рало — плуг.

Относительно тягловой силы, впрягаемой в рало, что-нибудь определенное сказать трудно; весьма вероятно, это были волы, но не исключается и лошадь. Северная соха предпочитает лошадь. Может быть, также в связи с тягловой силой стоит и разнообразие систем самого рала. Во всяком случае рало — плуг выросли совершенно в других конкретных условиях, чем соха.

Совершенно ясно, что условия подсечного земледелия не соответствовали этим новым орудиям производства, как не соответствовал родовой строй новой общественной формации. Эта новая формация, базирующаяся на мелком крестьянского типа сельском хозяйстве, могла появиться только при условии господства индивидуального мелкого земледелия, где орудия производства и техника труда должны были находиться в полном соответствии с орудиями производства и тягловой силой прирученного животного.

Орудия обработки земли развиваются в той же закономерности.

О Киевской земле и Поднепровье говорить здесь не приходится: техника земледелия здесь, весьма вероятно, связана со скифами. Что же касается северо-запада и северо-востока, то первые железные сошники в раскопках появляются в Волго-Камском районе в эпоху формирования болгарских городов. Они известны также и в местах, являющихся периферией этого феодального образования. Все это сошники двузубых сох, хотя в Болгарах найдены также части плугов. Что касается северного и западного района, то железные лемехи появляются там также не ранее X—XI вв. В обследованных А. Н. Лявданским[1] и его сотрудниками в верховьях Днепра городищах, число которых равно многим десяткам, если не сотням, ни разу не

---

[1] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научн. изв. Смоленск. гос. унив., т. III, ч. 3.

была сделана находка сошника, найдены лишь косы, серпы и мотыги, хотя сам Лявданский и не переставал надеяться, что они здесь будут найдены. Б. А. Рыбаков в городищах дреговичей обнаружил их в довольно раннюю пору (VIII в.).[1]

Таким путем поднимается вся техника сельского хозяйства на большую высоту; тем самым кладется основание к переустройству общественных отношений, и появляется база новой общественно-экономической формации.

Посмотрим, что говорят по этому предмету наши письменные источники.

«Правда» Ярославичей, изображая княжеское хозяйство, имеет в виду княжескую усадьбу с полями, устойчиво существующими. «Пространная Правда» называет орудия производства пашенного земледелия. Аппарат управления княжеской вотчины тоже говорит о том, что здесь мы имеем не подсеку, а настоящее полевое хозяйство.

В некоторых списках «Пространной Правды» имеется статья: «А се уроци ротнии: от головы 30 кун, а от бортьные земли 30 кун без трею кун, такоже и от ролейные земли, а от свободы 9 кун». Под ролейной землей, являющейся в данном случае предметом спора, разрешаемого на суде путем присяги, конечно, разумеется земля пашенная.

Посмотрите, с какой осторожностью относится население к княжескому полю. Иноки Киево-Печерского монастыря вместе со своими прихожанами выбирают место для постройки каменной церкви. Собралась значительная толпа, которая ходила около «близь прилежающего» княжого поля, не рискуя, однако, на нем остановить свой выбор, хотя место было самое подходящее для их намерений. Случайно проезжавший здесь князь Святослав заинтересовался собравшейся толпой, спросил «что творят ту», и узнав, в чем дело, очевидно неожиданно для присутствующих, потому что автор этой повести (составитель жития Феодосия Печерского) объясняет его поступок тем, что князь «яко от Бога подвижен» был, отдал свое поле монастырю под постройку церкви.

Термин «поле» в наших древних письменных памятниках имеет много значений: пашня, луг, пустое пространство земли вообще, степь и др. В каком именно смысле упомянуто поле

---

[1] Выступление в МОГАИМК 28 октября 1934 г.

в этом тексте, точно сказать трудно. Во всяком случае этот участок земли, лежащий близ города, имел определенные границы и представлял значительную ценность (иначе бы монахи не относились к нему так осторожно), может быть, он даже распахивался.

Настоящие пашенные поля мы можем видеть в жалованной грамоте 1146—1156 гг. кн. Изяслава Мстиславича подгородному Новгородскому Юрьеву монастырю. Граница жертвуемой монастырю земли там обозначена так: «а завод той земли от Юрьевской границы Простью вверх и с Прости возле Ушковскую ораницю по верхней стороне... От Юрьевского межника логом подле Юрьевскую рель да подле Юрьевскую ораницю логом да по конець логу промеж ораницы Юрьевской Ушкова поля да в Прость».[1] Ушково поле, повидимому, здесь то же самое, что и Ушкова ораница, а ораница есть не что иное, как систематически вспахиваемое поле. Нельзя серьезно проводить границу и указывать на ней признаки случайные, не имеющие установившейся топографической точности.

Следует обратить внимание на тщательность, с какой проводятся и фиксируются в документах этого времени границы земельных владений вообще: «а обвод той земли от реки от Волхова Виткою ручьем вверх до Лющик, да Лющиком до кресту, а от креста до коровей прогон, а коровьим прогоном на ольху, а от ольхи на еловый куст, а от елового куста на верховье на Донцовое, а Донцовым вниз, а Донец впал в Деревяницу, а Деревяница впала в Волхов, а той земле и межа».[2]

Если эта грамота справедливо считается подновленной и, быть может, даже подложной, то никаких упреков нельзя сделать одновременной с ней грамоте кн. Изяслава Мстиславича, где мы видим не менее подробные указания на границы жертвуемой монастырю земли.[3] Грамота князя Всеволода, несколько более ранняя, имеет те же особенности.[4]

С полной отчетливостью о межах между пашенными участками говорит «Правда» Ярославичей: «А иже межу переорать

---

[1] Грамота кн. Изяслава Мстиславича 1148 г. Изв. Академии Наук по отд. русск. яз. и слов., т. VIII, стр. 354.

[2] Купчая Антония Римлянина, до 1147 г. Хрестоматия Владимирского-Буданова, вып. I.

[3] Изв. Академии Наук по отд. русск. яз. и слов., т. VIII, стр. 354.

[4] Там же.

любо перетес, то за обиду 12 гривне» (ст. 33). В «Пространной Правде» эта статья расшифрована с еще большей ясностью: «Оже межу перетнеть бортную, или ролейную межу разореть, или дворную тыном перетынить, то 12 гривен продажи» (ст. 83). Здесь мы имеем различные виды частной собственности, разграничиваемой межами: бортный участок леса, участок пашенной земли, дворовый участок.

Очень интересна терминология правонарушений по отношению к различным объектам: бортную межу можно «перетнуть», ролейную «разорать», дворную «перетынить». Не буду останавливаться на смысле этого разнообразия и точности в терминах, а хочу лишь еще раз подчеркнуть, что важнейший документ первой половины XI в., один из наиболее ранних поставивших своей задачей обобщить ряд общественных отношений, совершенно точно и определенно указывает на наличие пашенных полей, принадлежащих отдельным владельцам, разграниченных межами, за нарушение которых взыскивается самый высокий штраф после убийства. Выше приведенные факты жалованных и купчих грамот находят себе подтверждение обобщающего характера. Участки с установившимися межами, к тому же рассматриваемые параллельно с дворами, едва ли могут быть участками выжженного под пашню леса.

«Орать» в только-что цитированных документах, повидимому, обозначало вспахивать землю не в смысле простого разрыхления земли после сожжения на ней леса. Как-будто мы имеем в этом смысле довольно точное разъяснение этого термина в Лаврентьевской летописи. Древнерусский проповедник, желая прославить в. кн. Владимира I, так изображает нам процесс подготовки земли: «якоже бо се некто землю разореть, другый же насееть, ини же пожинають и ядять пищу бескудну, тако и сь: отец бо его Володимер землю взора и умягчи, рекше крещением просветив; сь же насея книжными словесы, сердца верных людии, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное».[1] О сожигании леса ни звука.

Совсем не похоже на то, что нам изображает Калевала. Когда ее герой Вейнемейнен собирался заняться земледелием, то с этой целью предварительно —

«На горах он сеет сосны,
На холмах он сеет ели,

[1] Лаврентьевская летопись, под 1037 г.

Сеет он по рвам березы. . .
Высоко растут деревья. . .»

Затем, когда [illegible]

«Увидал он рост деревьев,
Их побегов рост веселый...
Старый верный Вейнемейнен
Тут топор устроил острый,
Вырубать леса принялся,
Побросал он их на поле,
Порубил он все деревья. . .
И огонь орел доставил,
Высек он ударом пламя.
Ветер с севера примчался,
И другой летит с востока;
Превращает рощи в золу. . .»

Только тогда [illegible]

«Он идет засеять землю,
Он идет рассыпать семя. . .»

В итоге всей его работы

«Затемнели там колосья,
Поднялись высоко стебли
Из земли, из мягкой почвы,
Вейнемейнена трудами. . .»[1]

Никакой подсеки не видим мы и в проповеди Кирилла, епископа Туровского (XII в.). Он рисует картину пахоты, несомненно с натуры: «ныне ратаи слова, словесная оуньця к духовному ярьму проводяще и крестное рало в мыслех браздах погружающе и бразду покаяния прочертающе, семя духовное всыплюще, надеждими будущих благ веселится».[3] Здесь тоже полное отрицание подсеки. Не видим мы ее и в известном описании битвы в Слове о полку Игореве, где битва нарисована в земледельческих образах. В прославлении кн. Владимира совершенно отчетливо различаются, даже нарочито подчеркиваются, два момента обработки поля — вспашка и бороньба, две стадии в подготовке земли к посеву, что гораздо более характерно

---

[1] Калевала. Руна вторая. Перевод Л. П. Бельского, изд. Academia, 1933 г., стр. 8—12.

[2] Лаврентьевская летопись, 1037 г.

[3] Рукописи А. С. Уварова, т. II, Памятники словесности. Сочинения Кирилла Туровского, СПб. 1858, стр. 21.

для пашенного земледелия, чем для подсеки. Поэтому более осторожным будет в вышеприведенных документах трактовать и термины «поле» и «ораница» тоже в смысле пашенного земледелия, а не подсечного. Смерд в знаменитой речи Владимира Мономаха имеет небольшой индивидуальный участок земли, который он и обрабатывает своей лошадью: «Дивно мы, дружино, оже лошади кто жалуеть, ею же ореть кто, а сего чему не рассмотрите, оже начнеть смерд орати...» «Не веремя ныне погубити смерды от рольи... хощеть погубити смерды и ролью смердом... оже на весну начнеть смерд тот орати лошадью тою...» Это тоже не подсека.

Во вкладной грамоте Варлаама Хутынского конца XII в. упоминаются различные виды земельных хозяйственно эксплоатируемых угодий. «Се вдале Варлааме святому Спасу землю и огород, и ловища рыбная и гоголиная, и пожни... Се другое село на Свудици... вдале св. Спасу иниви и пожни и ловища и еже в немь...».[1] Очевидно, оба села находились по технике ведения в них хозяйства в одинаковом положении, но в перечне их деталей допущено некоторое разнообразие терминологии: то, что во второй деревне называется нивой, в первой именуется землей, но, несомненно, и в том и в другом случае разумеется постоянно возделываемое поле.

Епископ Владимирский Серапион в одной из своих проповедей, желая изобразить ужасы татарского нашествия и связанного с ним опустошения страны, между прочим, говорит: «села наши лядиною поростоша». Стало быть, до татарского погрома здесь были настоящие пашенные поля. Лядина — это бедствие, итог татарского разорения, а не обычное явление, неизбежное при господстве подсечной системы земледелия.

Приблизительно то же мы имеем и для более раннего времени: в 1093 г., после войны, «нивы поростоше, зверем жилища быша».

Между письменными памятниками и вещественными—по этому вопросу нет принципиального расхождения. С IX—X вв. мы можем смело говорить о ведущей роли пашенного земледелия даже в центральных частях территории, занятой восточным славянством. Среднее и южное Поднепровье, как мы это видели, знало его еще раньше. Это, конечно, совсем не значит, что предшествовавшие архаические формы земледелия были окончательно

[1] И эта грамота вызывает сомнения в смысле подлинности.

изжиты. Старые пережитки мы можем встретить в разных местах, и в XVI и XVII вв., даже в XX в. Но основная магистраль сельского хозяйства идет по новому, проложенному сохой и плугом пути, конечно, с учетом различий северных и южных районов.

VI. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КИЕВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Переходя к изучению истории общественных отношений древней Руси, мы должны еще раз напомнить, что здесь мы будем иметь дело, главным образом, с обществом, живущим по великому водному пути, и что письменные памятники, подлежащие нашему исследованию, вводят нас не в начальный момент истории изучаемого общества, а ставят нас перед общественными явлениями, имеющими за собой очень длительную историю. Древнейший памятник «Русская Правда», дошедший до нас в записи начала XI в., носит на себе следы более глубокой древности, но и эта древность весьма относительна.

До внесения «Русской Правды» в Новгородскую летопись под 1016 г. мы, как уже указывалось выше, имеем следы существования «закона русского», несомненно совпадающего, по крайней мере, в некоторых частях, с «Русской Правдой». В ней мы видим представителей господствующих классов, их челядь, куда входили и рабы и, наконец, просто свободных, повидимому равноправных общинников (соседская община), хотя и не прямо названных, но с неизбежностью подразумеваемых. Добавочный перечень всех общественных группировок: русин, гридин, купчина, ябетник, мечник, изгой и словенин, повидимому, является той вставкой, которая была сделана Ярославом в 1016 г., когда он напутствовал «Правдой» возвращающихся из Киева новгородцев, помогших ему овладеть Киевским столом, всем им обещая право на 40-гривенную виру.

Если мы попробуем разобраться в этих терминах, хотя и весьма спорных по существу, то придем к более или менее вероятным выводам о существовании в изучаемом нами обществе варягов и варяжской дружины, которая, как нам известно из договоров с греками и из летописи, быстро и тесно связывалась с местным верхушечным слоем славянского общества; несомненно также существование купцов и так называемых свободных общинников, по терминологии «Салической Правды» — «vicini». И не слу-

чайно, мне кажется, вписаны в этот перечень изгой и словенин. Очень похоже на то, что они специально сюда вставлены: после перечня пяти категорий названных здесь общественных групп, поставленных рядом без всяких оговорок, идет новое «аще», за которым следует «изгой будет либо словенин».

Об изгое речь будет ниже. Что касается словенина, то расшифровать этот термин очень нелегко. Несомненно, кроме национального признака, ему присущи и социальные черты. Иначе трудно понять вообще весь перечень и, в частности, сопоставление словенина с изгоем. В Лаврентьевской летописи под 907 годом говорится о походе Олега на Царьград. После благополучного окончания предприятия Олег с дружиной возвращался домой. «И вспяша Русь парусы паволочиты, а словене кропивны». Здесь подчеркивается не только национальный, но и социальный признак: русь по сравнению со славянином стоит на первом месте. Но все-таки термин «словенин», поставленный в «Правде» рядом с «изгоем», этим сравнением с процитированным текстом Летописи не разрешается. Мы не можем точно ответить на вопрос, кто такой «словенин» «Правды Русской». Не разумеется ли под словенином представитель массы, населяющей деревню, т. е. смерд, член соседской общины, соответствующий vicinus «Салической правды»?

Нобходимо подчеркнуть, что и изгой и словенин относительно виры предполагаются равноправными с первыми пятью категориями, так как и на них распространяется 40-гривенная вира. Бросается в глаза факт, что дополнительный перечень представителей общественных группировок взят из общества, по своей конструкции более сложного, чем примитивный строй древнейшей «Правды». Не хотел ли Ярослав этой вставкой, где декларировалась вира, равная для русина и славянина, дружинника и изгоя, смягчить ту национально-классовую рознь, которая так ярко проявилась в бурных событиях 1015 г. в Новгороде?

«Мужи» этой древнейшей «Правды», главный предмет внимания этой «Правды», всегда вооружены, драчливы и в то же время способны платить за побои, раны и личные оскорбления; они владеют имуществом, которое можно купить и продать. Мы имеем здесь признак неравенства материального положения — долги. Живут они в своих «хоромах», окруженные слугами. Здесь же в «Правде» мы видим зависимую от своих господ

челядь, которая убегает, которую разными способами разыскивают и возвращают их господам; челядин иногда дерзает «ударить свободна мужа» с риском быть убитыми в случае обнаружения его преступления. В состав этой челяди входят не только рабы, но, как мы увидим ниже, и не рабы.

Вся эта «Правда» достаточно архаистична, но родового строя и здесь уже нет. Единственно, что напоминает о нем,— это месть, которая однако уже перестала быть «родовой» и к тому же на наших глазах явно отмирает. Мстить, повидимому, не обязательно. Место мести занимает альтернативно вира с тем, чтобы в середине XI в. вытеснить ее окончательно.

Повторяю — это только все более или менее правдоподобные предположения, основанные на том, что говорит «Правда», но мы должны учитывать и ее молчание, которое иногда, повидимому, и удается понять путем привлечения к ее толкованию летописи вообще и помещенных в ней договоров с греками, в частности.

Попробуем детальнее разобраться в этих общественных отношениях, изучая их в их развитии.

1. Землевладение и землевладельцы

Более или менее регулярные торговые связи с Византией у южного народа, называемого — греками то именем Ῥῶς, то скифами, начались очень давно. Греки давно знали этот народ, но особенно внимательно стали следить за ним с тех пор, как он экономически и политически усилился и произвел 18 июня 860 г. весьма удачное для себя нападение на столицу Восточной Римской империи. В связи с этим нападением мы имеем две речи патриарха Константинопольского Фотия и его же «Окружное послание». В одной из этих проповедей Фотий говорит:

«Эти варвары справедливо рассвирепели за умерщвление их соплеменников и с полным основанием (εὐλόγων) требовали и ожидали кары, равной злодеянию».[1] И дальше: «их привел к нам гнев их».[2] Тот же Фотий спустя несколько лет (866 г.) в своем «Окружном послании» говорит нам то, что ему известно было об этом народе:— «народ, часто многими упоминаемый и прос-

---

[1] Успенский Порфирий. «Четыре беседы Фотия», изд. 1864 г. стр. 17.
[2] Там же, стр. 24

лавляемый, превосходящий все другие народы своею жестокостью и кровожадностью..., который, покорив окрестные народы, возгордился и, возымев о себе высокое мнение, поднял оружие на Римскую державу».[1]

Это было лет за 40 до заключения первого известного нам договора между Русью и греками. В договоре 911 г. прямо говорится, что у Руси с греками были давнишние отношения: послы русские прибыли в Константинополь с тем, чтобы заключить с греками соглашение «на удержание и на извещение от многих лет межю христианы и Русью бывшюю любовь». Под этой Русью разуметь обязательно варягов нельзя. Эта Русь на заключенном с греками договоре присягает не по-германски, а чисто по-славянски: «царь же Леон со Олександром мир сотвориста со Ольгом, имшеся по дань и роте заходивше межы собою, целовавше сами крест, а Олега водивше на роту, и мужи его по русскому закону кляшася оружием своим, и Перуном богом своим, и Волосом, скотьем богом, и утвердиша мир» (договор 907 г.).[2]

Самый факт заключения договоров совершенно ясно говорит о классовом обществе. Договоры нужны были не массе общинников-смердов, а князьям, боярам и купцам.

Неудивительно, что уже в договоре 907 г. с греками мы имеем указания на наличность какого-то иного, чем родовой, строя. «Заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключ и потом даяти уклады на Рускыа грады: первое на Киев таже на Чернигов, на Переаславль, на Полтеск, на Ростов, на Любеч и на прочаа города, по тем бо городом седяху велиции князи, под Ольгом суще». В следующем договоре 911 г. к этому тексту мы имеем существенные дополнения. Представителями русской стороны в этом договоре посланы были «от Ольга, великого князя русского, и от всех, иже суть под рукою его светлых бояр»... «похотеньем наших князь и по повелению и от всех, иже суть под рукою его сущих Руси». В летописи перед этим договором сказано,что Олег послал «мужи свои построити мира и положити ряд межю Русью и Грекы». Такое же предисловие помещает летописец и перед договором 945 г. «Посла Игорь муже своя к Роману, Роман же созва боляре и сановники; при-

---

1 Иловайский Д. Разыскания о начале Руси, М. 1876, стр. 198.
2 Лаврентьевская летопись, изд. 1897 г., стр. 31.

ведоша Русския слы и велеша глаголати и псати обоих речи на харатье».[1]

Договор 945 г. дает еще несколько дополнительных данных. Русские послы и гости (слы и гостье) на этот раз оказываются отправленными «от Игоря, великого князя русского, и ото всякоя княжья и от всех людей Русския земли». «И великий князь наш Игорь и бояре его и людье вси рустии послаша ны к Роману... створити любовь с самеми цари, со всем болярством и со всеми людьми греческими на вся лета, дондеже съяет солнце и весь мир стоит»... «А великий князь русский и боляре его да посылают в Греки к великим царем греческим корабли, елико хотят, со слы и с гостьми...» И дальше читаем: «ношаху сли печати злати, а гостье серебрени». Гостям по договору полагается от греков получить «месячное», послам — «слебное», в порядке иерархии городов: Киева, потом Чернигова, Переяславля и др.

В посольстве древлян к Ольге упоминаются, хотя и несколько позднее, лучшие и нарочитые мужи: «и послаша древляне лучшие мужи, числом двадесять в лодьи к Ользе», и в другом посольстве: «древляне избраша лучшие мужи, иже держаху Деревску землю и послаша по ню». Ольга, обращаясь к древлянам, говорит: «...Пришлите мужа нарочита».[2]

Кто эти светлые князья, бояре и лучшие люди? Это не родовые старшины, потому что рода, как такового, в договорах с греками вообще не видно за исключением, быть может, отдельных намеков на некоторые его пережитки. Наши древнейшие источники знают, по крайней мере, у полян моногамную семью, явный признак разрушения родовых отношений. Нам также известно, что род дальше племени не пошел, что союз племен обозначает распад родовых отношений, и нельзя не согласиться со старым замечанием Ключевского о том, что «Повесть временных лет» не запомнила ни одного племенного князя, который в IX в. руководил бы целым племенем, что большинство этих княжений составилось из частей разных племен.[3] Стало быть, мы имеем здесь не родовую, а какую-то иную организацию.

Вполне понятными, поэтому, должны быть и те факты, которые дают нам договоры с греками. Здесь мы имеем

---

[1] Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, под 907, 912 и 945 гг.

[2] Лаврентьевская летопись, под 945 г.

[3] В. О. Ключевский. Боярская дума, стр. 23, изд. 5-е.

частное имущество, которым его собственник в праве распоряжаться и, между прочим, передавать его по завещанию: собственник может «урядить свое имение», что полностью подтверждается и «Русской Правдой». На «закон русский», вошедший в древнейший текст «Русской Правды», ссылается на договор 911 г. (ст. 5): «Аще ли ударит мечем или бьет кацем — либо сосудом... да вдаст 5 литр серебра по закону русскому» (ср. «Русская Правда», Акад. сп., ст. 3). О крупных переменах в общественном строе изучаемого нами общества говорят также и очень интересные наблюдения археологов над историей форм поселений. М. И. Артаманов указывает на то, что IX в. для лесной полосы севера (те же процессы на юге наблюдаются значительно раньше) замечателен тем, что тип небольших укрепленных поселений, «городищ» (места поселений рода или большой семьи), исчезает. Взамен его появляются неукрепленные селения, деревни, и, вместе с тем, мы в это время наблюдаем появление того, что можно назвать городом или замком. Это сочетание неукрепленных поселений и укрепленных отдельных дворов-замков весьма характерно для данного момента.

Эти светлые князья и бояре, которых летописец называет княжими мужами, — не родовые старшины, а представители определенного класса древнерусского общества. То же надо сказать и о древлянских «лучших мужах».

В том же смысле надо понимать и различение в договоре Игоря 945 г. послов и гостей. Из вышеприведенного текста ясно, что послы имеют преимущества перед гостями: у послов печати золотые, у гостей серебряные; послам полагается особое продовольствие «слебное», гостям «месячина». Если мы не затрудняемся расшифровать термин «гость», полагая, что тут разумеются купцы, то кого мы должны понимать под этими послами, стоящими выше купцов? Повидимому — это бояре. Всех этих бояр и «лучших мужей» выделяло из массы богатство и связанная с ним власть.

Бояре нашей древности состоят из двух слоев. Это наиболее богатые люди, называемые частью людьми «лучшими, нарочитыми, старейшими», продукт общественной эволюции каждого данного места, туземная знать и высшие члены княжеского двора, часть которых может быть пришлого (вместе с варяжскими князьями) происхождения. Терминология наших летописей иногда различает эти два слоя знати: «бояре» и «старци». «Старци»,

или иначе «старейшие»,— это и есть так называемые земские бояре. Летописец переводит латинский термин «Senatores terrae» — «старци и жители земли» (Nobilis in portis vir ejus quando sederit cum senatoribus terrae — взорен бывает во вратех муж ее, внегда аще сядеть на сонмищи с старци и с жители земли). По возвращении посланных для ознакомления с разными религиями, Владимир созвал «боляри своя и старци». «Никакого не может быть сомнения,— пишет по этому поводу Владимирский-Буданов,— что восточные славяне издревле (независимо от пришлых княжеских дворян) имели среди себя такой же класс лучших людей, который у западных славян именуется majores natu, seniores, кметы и др. терминами».[1] Эти земские бояре отличаются от бояр княжеских. Владимир I созывал на пиры «боляр своих, посадников и старейшин по всем городам»,[2] в своем киевском дворце он угощал «бояр, гридей, сотских, десятских и нарочитых мужей». Арабы Ибн-Русте и Гардизи сообщают, что варяги обосновались в Новгороде (Holmgard) и отсюда облагают данью славян; многие из славян поступают к «этой Руси» на службу. В Новгороде особенно ясно бросается в глаза наличие этих земских бояр. Когда в Новгороде, при кн. Ярославе, новгородцы в 1015 г., перебили варяжских дружинников, князь отомстил избиением их «нарочитых мужей»,[3] составлявших здесь «тысячу», т. е. новгородскую военную, не варяжскую организацию. В 1018 г., побежденный Болеславом польским и Святополком, Ярослав прибежал в Новгород и хотел бежать за море; новгородцы не пустили его и заявили, что готовы биться с Болеславом и Святополком, и «начаша скот сбирать от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен». Совершенно очевидно, что новгородское вече обложило этим сбором не княжеских дружинников, которых в данный момент у Ярослава и не было, потому что он прибежал в Новгород только с 4 мужами, а местное население и в том числе бояр.

В чем заключалась сила бояр, на чем базировалась их власть, совершенно отчетливо видно хотя бы из только-что цитированного места Лаврентьевской летописи: бояре — самый бога-

---

[1] Владимирский-Буданов. Обзор ист. русск. права, стр. 27, изд. 1907 г.

[2] Лаврентьевская летопись, под 996 г., стр. 122—123.

[3] Новгородская летопись, под 1015—1016 гг.

тый слой населения. В IX и в X вв. их выделяло из массы тоже богатство.

Поскольку мы уже отметили два слоя боярства, неодинаковые по своему происхождению, вполне естественно допустить и разность их материальной базы в начальный период их существования на территории Киевского государства. Если норманны, вследствие примитивности организации своего завоевания, некоторое время пользовались ленами, составлявшимися «только из даний», то говорить то же о туземной не варяжской знати, выросшей в земледельческом обществе в процессе разложения земельной сельской общины и появления частной собственности на землю, решительно невозможно, несмотря даже на то, что у нас нет никаких точных сведений об этом предмете.

Едва ли не самое вероятное решение этой задачи будет заключаться в допущении, что богатство этих бояр заключалось в земле. Не опровергает этого предположения и тот известный нам факт, что князья и бояре древней Руси в X—XI вв. имели много золота, серебра, дорогих мехов и тканей, получаемых ими не от сельского хозяйства, а попадающих к ним либо в качестве военной добычи, либо путем торговли в обмен не на произведения сельского хозяйства, а на продукты пушной охоты и бортничества прежде всего. Это факты — хорошо всем известные. Если только летописец несколько не преувеличивает, то можно даже удивляться размерам этих сокровищ. Под 1158 г., например, мы имеем следующую запись: «Сий бо Ярополк вда всю жизнь свою, Небольскую волость и Деревьскую и Лучьскую и около Киева; Глеб же вда в животе своем с княгинею 600 гривен серебра, а 50 гривен золота; а по княжи животе княгини вда 100 гривен серебра, а 50 гривен золота; а по своем животе вда княгини 5 сел и с челядью и все да и до повоя».[1]

Размеры находимых древнерусских кладов как будто подтверждают эти сообщения летописи.

И тем не менее все эти факты объясняются очень просто тем, что территория, занятая восточным славянством, рано стала ареной деятельности торгового капитала как стран азиатского Востока, так и скандинавского Севера и греческого Юга. Но денежное и товарное обращение может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей

---

[1] Ипатьевская летопись, стр. 338, изд. 1871 г.

внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости и часто—«самостоятельное и преобладающее развитие капитала в форме купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т. е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества».[1]

Торговля первых самостоятельных, пышно развивавшихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников. Эти общества, становящиеся объектом воздействия чуждого им торгового капитала, иногда обнаруживают большую устойчивость своих производственных отношений. Поэтому необходимо внести существенную поправку в мнение Довнар-Запольского о том, что основой богатства господствующих классов в этот период истории Киевской Руси были движимые ценности, а не земля.

Самое появление классов в обществе, где главная отрасль производства было земледелие, не может быть объяснено без появления частной собственности именно на землю. Однако наличие земли у господствующих классов нисколько не отрицает факта их значительных сокровищ, полученных не от земли.

Нам надлежит сейчас проверить наши наблюдения о землевладельческой базе господствующих классов древней Руси, так как эта сторона дела имеет для нас чрезвычайное, решающее значение. Вот факты.

Ольге принадлежало село Ольжичи («и есть село ее Ольжичи доселе»).[2] Вышгород был городом (замком) кн. Ольги.[3] У матери Владимира I, ключницы княгини Ольги, Малуши, было тоже село Будутино.[4] У Рогнеды был город Изяславль. Берестово было подгородным княжеским селом у Владимира. Под Новгородом уже в конце X и начале XI в. было княжое село Ракома, куда ездил кн. Ярослав в ту ночь, когда новгородцы избили варягов на Парамони дворе. Это все факты, слу-

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, ч. I, изд. 1930 г., стр. 252—253.

[2] Лаврентьевская летопись, под 947 г.

[3] Там же, под 946 г.

[4] С. М. Соловьев История России, изд. Общ. Польза т. I, стр. 145, прим. А. А. Шахматов. Разыскания, стр. 377.

чайно дошедшие до нас от X в. Обольщать себя уверенностью, что эти факты подлинно относятся к тому времени, к какому приурочил их летописец, конечно, не приходится. Но, с другой стороны, это факты такого рода, искажать которые для летописца не было никакого смысла, и потому, мне кажется, мы можем принять их, если не в качестве подлинных, то во всяком случае таких, невероятность которых требует специального доказательства.

Фактический материал XI—XII вв. значительно богаче. В 1087 г. по поводу смерти Ярополка Изяславича летопись говорит: «Ярополк десятину дал от всих скот своих святой богородицы и от жита».[1]

Кн. Мстислав в 1096 г., считая войну законченной, «распусти дружину по селом».[2]

Владимир Мономах проявлял большую заботливость о хозяйстве в селах, как видно из его поучения. «Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти отроком, ни своим, ни чужим, ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнуть».[3] В житии св. Ефросинии называется в 1128 г. княжеское село около Полоцка, в 1146 г. упоминаются княжеские села в земле северян,[4] в 1150 г. — в Смоленском княжестве.[5] Любеч и Чернигов были окружены в XII в. княжескими селами,[6] у Андрея Боголюбского в Ростовско-Суздальской земле был город Боголюбов и много «слобод купленных и сел лепших». В том же XII в. неоднократно встречаются известия о разорении сел боярских.[7] От Владимирского епископа Федорца «много пострадаша человеци... и сел избыша, оружия и конь...»[8].

В 1171 г. Владимир Мстиславич, хитростью овладевший Дорогобужем по смерти Владимира Андреевича, говорил своей дружине: «целую к вам крест и к княгини вашей, якоже ми на вас не позрети лихом ни на ятровь свою, ни на села ее».[9] А в 1150 г. кн. Изяслав в обращении к своей дружине говорит

[1] Ипатьевская летопись, под 1087 г.

[2] Лаврентьевская летопись, стр. 230, изд. 1910 г.

[3] Там же, стр. 237.

[4] Голубинский. История русской церкви, т. I, в. 1, стр. 522, прим.

[5] Голубовский. История Северской земли, стр. 28.

[6] ДАИ, I, № 4.

[7] Ипатьевская летопись, стр. 24, 26, 54.

[8] Там же, стр. 377.

[9] Ипатьевская летопись, под 1171 г.

о владении дружинниками землей, как о явлении обычном, само собою разумеющемся: «вы есте по мне из Руские земли вышли, своих сел и своих жизней лишився». Здесь дружинник мыслится именно в качестве землевладельца.[1]

Под 1177 г. сообщается, что в Суздальской земле сожжены «села боярские».[2] В 1146 г. киевляне «разграбиша... домы дружины Игоревы и Всеволоже и села и скоты».[3] В Уставе кн. Святослава Новгородскому Софийскому дому около 1137 г. княжеское крупное землевладение в Обонежской пятине изображено совершенно отчетливо. Нужно, конечно, думать, что это землевладение создано было не в XII в., а значительно раньше.[4] Больше чем вероятно, что новгородские князья этого периода (до революционных событий 1136 г.) владели землей и в других пятинах.

В 1209 г. новгородцы сотворили вече на посадника Дмитра и на его братью, а после этого зажгли их дворы, «а села их распродаша и челядь».[5] Конечно, не сам боярин Дмитр, убитый в 1209 г., и даже не его отец, приобретал и освоял эти села. Перед нами наследственное имущество старого боярского рода.

Москва, упоминаемая в летописи впервые под 1147 г., в то время была селом, принадлежавшим кн. Юрию Владимировичу Долгорукому, где у него стоял укрепленный двор — замок. В этом году он приглашал к себе в гости «в Москву» своего союзника, северского князя Святослава Ольговича, куда последний и прибыл с небольшой дружиной и своим малолетним сыном. Юрий устроил здесь для своего гостя «обед силен» и одарил гостей дарами.[6] Само собой разумеется, что место, выбранное Юрием для приема своего союзника, должно было иметь ряд необходимых для этого условий и прежде всего должно было представлять собой значительное селение, снабженное для приема многочисленных гостей всем необходимым. Едва ли можно сомневаться, что Москва и была именно таким селением.

У Юрьева гостя Святослава Олеговича на Путивле, повидимому, было такое же село, о котором случайно мы имеем

[1] Ипатьевская летопись, под 1150 г.

[2] Новгородская I летопись.

[3] Ипатьевская летопись, под 1146 г.

[4] Русск. достопам., М. 1815, т. I, стр. 82—83.

[5] Забелин. История Москвы, ч. I, стр. 1—2.

[6] Ипатьевская летопись, стр. 236, изд. 1881 г.

некоторые сведения: во время нападения на него в 1146 г. неприятель забрал многое множество всякого товару:

«И ту двор Святославль разделили на 4 части: и скотнице и бретьянице и товар, иже бе не мочно двигнути, и в погребех было 500 берковьсков меду и вина 80 корчаг; и церковь св. Вознесения всю облупиша, сосуды серебряные и индитьбе и платы служебныя, а все шито золотом и кадельнице две и кацьи, евангелье ковано и книгы и колоколы; и не оставиша ничтоже княжа, но все разделиша и челяди 7 сот».[1]

«Добре устроенный» двор кн. Игоря, брата Святослава, довольно подробно изображается в той же летописи: «поидоста на Игорево село, идеже бяше устроил двор добре; бе же ту готовизнины много и в бретьяницех и в погребах вина и медове и, что тяжкого товара всякого до железа и до меди, не тягли бяхуть от множества всего того вывозити. Давыдовича же повелеста имати на возы собе и воем и потом повелеста зажечи двор и церковь св. Георгия и гумно его, в нем же бе стогов 9 сот». Эти дворы, конечно, возникли не в начале XII в., а значительно раньше.[2]

Новгородской летописец в первой половине XI в., вспоминая прошлое и сравнивая его с настоящим, утверждал, что в старое время князья и дружинники добывали богатство главным образом войной с чужими народами, а свои имения не эксплоатировали чрезмерно. Сейчас дело переменилось. Эксплоатация своих имений стала главным источником обогащения, с чем связано и насилие над своими соотечественниками. Летописец осуждает этот образ действий своих современников и говорит, что именно за это навел бог на русскую землю «поганые», «а и скоты наши и села наша и имения за теми суть».[3] Он, стало быть, тоже подчеркивает наличие земельных владений у господствующих классов как в XI в., так и раньше. (Раньше имений никто у князей и бояр не отнимал, потому что они вели себя иначе, чем сейчас.)

Церковь, с момента своей организации, на Руси начинает владеть недвижимым имуществом. Киево-Печерский монастырь в XI в. владеет селами. В житии Феодосия Печерского мы имеем, однако, факты, говорящие не только о том, что сел этих было

---

[1] Ипатьевская летопись, стр. 237.

[2] Там же, стр. 236, изд. 1881 г.

[3] Новгородская I летопись, изд. 1888 г., стр. 2.

немало, но и о том также, что села эти эксплоатировались, что там для этого сидела монастырская администрация. Феодосий перед своей смертью собрал всю братью — «и еже в селах и на иную кую потребу отошли» и стал их наставлять, «еже пребывати комуждо в порученной ему службе со всяким прилежанием».[1] Служба в селах, стало быть, обычное дело для братии Печерского монастыря в XI в. Значит, там велось сельское хозяйство, хотя собственное барское хозяйство в размерах весьма небольших. Села Печерского монастыря были не бедные. Одно из сел привлекло внимание разбойников.

Почему тем не менее монахи этого монастыря доходили иногда до бедственного положения и буквально не знали, что им придется есть, разгадать довольно трудно. Всего вероятнее допустить, что автор жития Федосия сообщает факты, взятые из того времени, когда монастырь был еще беден. Может быть также, что автор жития нашел для себя полезным несколько сгустить краски относительно бедности монастыря при жизни Феодосия.

Села в качестве базы существования феодалов в XI в. настолько были обычным явлением, настолько ценились землевладельцами, что лишение их приравнивалось, как мы уже видели, к потере источника жизни; иногда это бедствие сравнивается с бедствием потери любимых детей. Феодосий выразил эту мысль совершенно отчетливо: когда ему грозило заточение, он был совершенно спокоен и мотивировал свое состояние духа тем, что у него нет сильных привязанностей в мире («еда ли детей отлучение или сел опечалует мя»).

В рассказе о Печерском монастыре говорится о пожаловании монастырю князем Изяславом горы в то время, когда села у монастыря уже были; находим также известие о даче бояриним Ефремом сел в монастырь.

Итак, для XI в. мы имеем сведения о церковном землевладении достаточно убедительные. Факты того же рода от XII в. значительно обильнее.

В 1128—1132 гг. кн. Всеволод Владимирович пожаловал Юрьеву монастырю село «Буйце» «с данью, вирами и продажами».[2]

---

[1] Киево-Печерский патерик, 1911 г., стр. 52—53, изд. Арх. ком.

[2] ДАИ, I, № 2.

Смоленский князь Ростислав Мстиславович дал в 1150 г. несколько сел Смоленской епископии.[1] Князь Ярополк в 1158 г. дал в монастырь волости Небльскую, Деревскую и Лучскую, а дочь его завещала туда же 5 сел с челядью.[2] Кн. Андрей Боголюбский заложил церковь во Владимире, между прочим дарами пожаловал ей «слободы купленные с даньми и села лепшая»,[3] в 1192 г. Варлаам Хутынский дал «св. Спасу землю, огород, ловища и пожни».[4] В Уставе Новгородского князя Святослава около 1137 г. помещен довольно большой перечень земельных владений князя, которые должны были содержать св. Софию. Ими заведует домажирич, т. е. дворецкий, управляющий княжескими имениями. В позднейшем прибавлении к этому уставу этот перечень княжеских сел еще расширен.[5] После революционных событий в Новгороде 1136 г. эти земли от князя перешли к св. Софии и находились там до 1478 г., когда Московский кн. Иван III частично их отобрал на себя.

Все эти факты, число которых можно несколько и умножить, говорят с несомненностью о том, что князья, бояре, церковь, т. е. вся правящая верхушка славянского и не славянского общества, объединенного в X—XI вв. под гегемонией Киева, была связана с землей, хотя богатела далеко не всегда от земли. Но тем не менее именно землевладение становилось все более и более важной базой, выделявшей эту верхушку из массы, оно же давало возможность и иных всяких приобретений. Дальнейший рост землевладения шел по линии укрупнения отдельных землевладельцев и увеличения их числа. В этом отношении XIII—XIV вв., конечно, значительно отличаются от X—XI. Меняется также и характер хозяйства и место земли в системе этого хозяйства. Мы, нисколько не отрицая эволюции в этой области, сейчас говорим лишь о фактах более ранних, с которыми не считаться нельзя.

Землю покупают, дарят, меняют. Она представляет несомненную ценность. И это обстоятельство нельзя забывать, несмотря на весь блеск золота, шелков, драгоценных камней и других

---

[1] ДАИ, I, № 4.
[2] Ипатьевская летопись, стр. 338, изд. 1871 г.
[3] Лаврентьевская летопись, под 1158 г.
[4] ДАИ, I, № 5.
[5] Устав кн. Всеволода, Русск. достопам., т. I, стр. 82—83.

«сокровищ», хранимых в кладовых у «сильных мира сего». В этом случае неизбежно приходят на память слова немецких послов, прибывших в 1075 г. к кн. Святославу, приведенные летописцем, правда, со специальным назначением, но тем не менее весьма характерные. Он «величался», показывая им свое богатство. «Они же видевше бесчисленное множество злата и серебра и паволоки реша: се ни в что же есть, се бо лежит мертво, сего суть кметье лучше; мужи бо се доищут и больше сего».[1] Пусть они этого на самом деле и не говорили, пусть летописец сам вложил эти слова им в уста для того, чтобы удобнее сделать свой собственный вывод о предпочтительной ценности дружины,— все равно мысль высказана верная и для того времени весьма характерная. Все эти сокровища действительно лежали втуне. Земельная докапиталистическая рента была скромнее, но зато надежнее мертвых сокровищ. Сельское хозяйство мелкого производителя и эксплоатация этого последнего крупным землевладельцем во всяком случае были фактом ведущим.

Однако не нужно думать, что в XI в. княжеская, церковная или боярская вотчины уже успели приобрести тот хорошо знакомый нам образец вотчины, который мы имеем в XV в. в писцовых новгородских книгах, в духовных завещаниях князей и бояр [2] в договоре Юрьева монастыря с крестьянами Робичинской волости [3] и других наших источниках XIV—XV вв.

Так думать было бы большой ошибкой.

Это была бы как раз та самая ошибка, от которой специально предостерегал нас Маркс. «При рассмотрении земельной ренты, писал он, следует избегать трех главных ошибок, которые затемняют анализ: 1. Смешение различных форм ренты, соответствующих различным ступеням развития общественного процесса производства» [4] (разрядка моя *Б. Г.*). Остальных двух ошибок пока не касаюсь, так как сейчас нам важно подчеркнуть мысль о том, что различные формы ренты соответствуют различным ступеням развития общества. Глава 47 Капитала детальнее говорит о том же.

---

[1] Лаврентьевская летопись; Новгородская, IV летопись.

[2] С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 40, 130 и др.

[3] Греков Б. Д. Феодальная деревня № 17; Макарий. Описание Новг.-Юрьева мон., стр. 66.

[4] Маркс. Капитал, изд. 1930 г., т. III, ч. 2, стр. 140.

Отработочная рента, или иначе барщинный труд, «покоится на неразвитости всех общественных производительных сил труда, на примитивности самого способа труда». «Рента продуктами предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще. Наконец, превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже сравнительно значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства вообще, а вместе с тем и денежного обращения».

Меняется при этом и положение зависимого от феодала непосредственного производителя.

При господстве ренты отработочной — непосредственный производитель находится «под прямым надзором и принуждением собственника или его представителя», подгоняемый плетью. Само собой разумеется, что для осуществления этого надзора и принуждения необходимым условием является пребывание непосредственного производителя в непременной и непосредственной близости от хозяина или его представителя; непосредственный производитель с неизбежностью мыслится входящим в некую организацию, где может быть осуществлен этот надзор. При преобладании ренты продуктами непосредственному производителю по необходимости представляется возможность «располагать употреблением всего своего рабочего времени», «по сравнению с формой отработочной ренты больший простор, чтобы приобрести время для избыточного труда». «Вместе с этой формой выступают также большие различия в экономическом положении отдельных непосредственных производителей. По крайней мере имеется возможность для этого, а также та возможность, что этот непосредственный производитель приобретает средства для того, чтобы самому, в свою очередь, непосредственно эксплоатировать чужой труд». Непосредственный производитель исполняет свой труд уже «под собственной ответственностью, подгоняемой силой отношений», «постановлением закона вместо плети».

При победе денежной ренты «традиционно обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и между земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона,

чистое денежное отношение, причем здесь происходит, с одной стороны, превращение части непосредственных производителей либо в арендаторов земли, либо в собственников ее, части — в неимущих нанимающихся за деньги батраков.[1]

Я не беру на себя сейчас задачи изучать историю различных форм ренты в России, но считаю необходимым подчеркнуть, что вотчина, изображенная, скажем, в писцовых новгородских книгах конца XV в., где с полной очевидностью мы имеем господство ренты продуктами, имеющей явную тенденцию превратиться в денежную ренту, совсем не похожа на вотчину, отраженную в «Правде» Ярославичей и «Правде Пространной», где с неменьшей очевидностью обнаруживается рента отработочная. Конечно, параллельно растет и рента продуктами, не нашедшая однако сколько-нибудь ясного отражения в «Русских Правдах», так как для барского имения этой поры она, очевидно, не являлась очень характерной.

Для барского хозяйства этой поры является характерным наличие, под непосредственным надзором хозяина или его уполномоченного, челяди, работающей на своего хозяина.

Термин «челядь» очень хорошо известен нашим древним письменным памятникам. Однако этот важный предмет до сих пор не получил еще надлежащего освещения.

2. Челядь

Этот термин знают и летописи, и «Русская Правда», и ряд отдельных документов частно-правового и литературного характера, оставленных нам нашей древностью.

Совершенно ясно, что от правильного решения стоящей перед нами задачи зависит очень много, так как челядь, как бы мы ни понимали этот термин, есть во всяком случае комплекс рабочей силы, эксплоатируемой представителями господствующих классов.

Проникнув в содержание этого термина, мы сможем увидеть, кто именно входил в состав этого комплекса, и, может быть, перед нами раскроется то, что до сих пор было покрыто плотной пеленой тумана.

В «Русских Правдах» мы имеем очень много предметов первостепенной важности, на которых всегда сосредоточивалось вни-

[1] Маркс. Капитал, изд. 1930 г., т. III, ч. 2, стр. 269—273.

мание исследователей. Конечно, и «челядин» и «челядь» всегда относились к важнейшим объектам исследования, но нужно прямо сказать, что те представители старой науки, которые правильно понимали эти термины, не делали всех вытекающих отсюда выводов, в нашей же современной науке, насколько мне известно, этим термином занимались очень немногие,[1] т. е. одни не могли, другие не успели или не сумели использовать одно из наиболее ответственных и содержательных понятий, которыми так часто оперировала в определенный период наша древность. В дальнейшем я вернусь к разбору литературы вопроса, а сейчас хочу обратиться к нашим источникам.

«Русская Правда» хорошо знает термины «челядь» и «челядин». В древнейшей «Правде» челядина называют две статьи — 10 и 15: «Аще ли челядин скрыется любо у варяга любо у колбяга, а его за 3 дни не выведуть, а познають и в третий день, то изымати ему свой челядин, а 3 гривне за обиду» (10). «Аще кто челядин пояти хощеть, познав свои, то к оному вести, у кого то будеть купил: а тои ся ведет ко другому, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдай ты мне свои челядин, а ты своего скота ищи при видоце» (15).

И непосредственно за этой 15-й статьей идет следующая 16-я: «Или холоп ударит свободна мужа, а бежит в хором, а господин начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне; а за тым где его налезуть удареный той муж, да бьют его» (16).

Этим статьям древнейшей «Правды» имеются параллели и в «Правде Пространной».

Ст. 27 Карамз. сп. под заголовком «О челядине»: «Оже челядин крыется, а закличють и с торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познають и в 3-ий день, то свои челядин пояти, а оному платити 3 гривны продажи« (27). Ст. 34 под заголовком «О челядинном изводе»: «Аще кто познает челядин свои украден, а поиметь и, то оному вести по конам и до 3-го свода, пояти же челядин в челядина место, а оному дати лице; а тои идеть до конечного свода: а то есть не скот: не льзе рещи «не ведаю,

---

[1] Об этом писал С. В. Юшков в предисловии к «Правосудию митрополичью», Летоп. зап. Археогр. ком., в. 35, стр. 119, подходил к этому вопросу, однако не ставя его целиком, М. Зеленский в своей статье «О двух «новых» теориях крепостного хозяйства», Историк-марксист, 1930, т. XX стр. 137—138.

у кого есмь купил, но по языку ити до конца, а где будеть конечный тать, то опять воротити челядин, а свои поиметь и протор тому же платити» (34). «А князю продажи в челядине 12 гривен или украден или уведен есть» (35).

Еще два раза «Пространная Правда» упоминает челядина. В статье об опеке над имуществом малолетних сирот говорится о том, что опекун отвечает за сохранность имущества опекаемых. Всякую прибыль, полученную опекуном во время опеки, опекун может взять себе, но «от челяди плод или от скота» остаются за опекаемыми (ст. 111, Карамз.). И, наконец, ст. 118, говорящая о судебных уроках, устанавливает 9 кун от освобождения челядина.

Ни разу в этих параллельных статьях не нарущена терминология. «Челядин» никогда не заменяется каким-либо другим словом. Ни разу не попадается в этих статьях термин «холоп» или «роба».

То же необходимо сказать и относительно статей, трактующих о холопах. Тут так же строго выдерживается употребление слов «холоп» или «роба».

Холопу, ударившему свободного мужа древнейшей «Правды», (стр. 16) соответствует ст. 76 «Пространной Правды» (Карамз. сп.) лишь с некоторыми дополнительными разъяснениями, относящимися к более позднему времени. «Аже холоп ударит свободна мужа, а убежит в хоромы, а господин его не выдаст... великий князь Ярослав Володимерич был уставил убити (холопа), но сынове его по нем уставних на куны...» (ст. 76 Карамз. сп.).

Действительно, в ст. 2 той же «Правды» мы имеем отмену убиения за голову и установление кунного штрафа, но до сих пор эту статью обычно относили только к людям свободным.

Может быть, эта статья действительно к холопу не имеет никакого отношения. Тогда необходимо допустить другое распоряжение тех же детей Ярослава о холопах, на что явно ссылается ст. 76.

Дальше «Пространная Правда» трактует холопство в различных направлениях, никогда не сбиваясь с точной терминологии. Она говорит о холопах-татях, указывая на то, что эти холопы могут быть княжескими, боярскими или чернеческими (43), говорит об обельном холопе, укравшем коня (74), указывает на то, что проворовавшийся закуп превращается в обельного

холопа (75), не очень решительно отмечает, что холоп не может быть послухом (77), так как в ст. 49 указывается случай, когда холоп бывает послухом, и совершенно определенно говорит о том, что в холопе и в робе виры нет (102). Тот же источник сообщает нам сведения об источниках холопства (119—121) и указывает на различные случаи, связанные с бегством и поимкой холопов (122—130 и 132).

При внимательном отношении к употреблению в «Правдах» термина «холоп» придется сделать вывод, что и холопы есть разные, что термин «холоп» не всегда тождествен понятию «раб». Но сейчас я не предполагаю заниматься изучением этого термина, так как передо мной стоит другая специальная задача.

Если «Русская Правда» своим точным разграничением терминов холоп и челядин нас предостерегает от поспешных выводов, то «Правосудие Митрополичье», этот сколок из различных источников, включивший в себя несомненно несколько статей «Русской Правды», приспособленных к общественным отношениям XIII в., наводит на весьма серьезные размышления. Имею в виду ст. 27, 28 и 29.

27. «А се стоит в суде челядин наимит, не похочет быти а осподарь (текст несомненно испорчен. Повидимому, нужно читать «у осподаря») — несть ему вины, но дати ему вдвое задаток; а побежит от осподаря, выдати его осподарю в польницу».

28. «Аще ли убиеть осподарь челядина полного, несть ему душегубства, но вина есть ему от бога».[1]

29. «А закупного ли наймита, то есть душегубство».

Несмотря на то, что этот интересный памятник воскрешен из забвения сравнительно недавно, он успел уже обратить на себя внимание современных ученых. Им пользовались С. В. Юшков и П. А. Аргунов, пользовался и я.

Нужно, однако, сознаться, что все названные мною авторы понимают интересующее нас место «Правосудия» о закупах по-разному.

Не касаясь пока наших разногласий, я хочу подчеркнуть, что из приведенного текста «Правосудия» с полной ясностью вытекает, что термин челядин по своему содержанию гораздо сложнее, чем обычно принято думать. Здесь совершенно четко

---

[1] Ст. 28 и 29 я считаю разделенными на две без достаточных оснований; их, на мой взгляд, следует соединить.

различаются два вида челяди: челядин-наймит и челядин-полный.

Челядин-наймит, по моему мнению, это не кто иной, как хорошо известный нам закуп, о чем, как мне кажется, и говорит в ст. 29 «Митрополичье правосудие», называя челядина-наймита закупным наймитом.

Иного мнения держатся С. В. Юшков и П. А. Аргунов. Комментируя ст. ст. 27 и 28 «Митрополичьего Правосудия», С. П. Юшков пишет. «Особого внимания заслуживает ст. 28, на основании которой можно установить, насколько был прав или неправ В. И. Сергеевич, отождествлявший закупов с наймитами. По смыслу данной статьи закупы и наймиты — два различных института».[1] Такого же мнения держится и П. А. Аргунов.[2] Он по этому поводу пишет: «В конце сборника читаем статьи о наймите и отдельно о закупе», причем ст. 29 он трактует по-своему, соответственным образом расставляя и знаки препинания: «А закупного, ли наймита, то есть душегубство». Такую расстановку знаков препинания автор объясняет тем, что, по его мнению, здесь частица «ли» указывает не на тождество понятий, а на их различие, в доказательство чему автор приводит несколько мест памятника, где действительно частица «ли» играет указанную автором роль.

Автор только забывает о том, что в ближайшей предшествующей спорному тексту фразе частица «ли» имеет иное назначение, и что второе «ли» вполне соответствует первому: «Аще ли убиет осподарь челядина полного, несть ему душегубств. . . , а закупного ли наймита, то есть душегубство. . .» П. А. Аргунов ищет рукавиц, которые оказываются у него тут же за поясом. Эти обе фразы, разбитые издателем на две статьи, в сущности составляют одно нераздельное целое. Полный челядин здесь противополагается закупному наймиту. Закупной наймит не выдуман ни мною ни «Правосудием». Он давно известен «Русской Правде», где эти термины употребляются как синонимы. Отсюда, конечно, не вытекает, что я склонен защищать вывод Сергеевича о закупе, как наймите. Я нисколько не сомневаюсь в том, что Сергеевич в своем отождествлении закупа и наймита

---

[1] Летопись занятий Археографической Комиссии 1927—1928 гг., вып. 35, стр. 119.

[2] П. А. Аргунов. О закупах «Русской Правды», Изв. Акад. Наук, Отд. общ. наук, 1934, № 10, стр. 792.

был по существу неправ, потому что под наймитом он разумел наемного в капиталистическом смысле слова работника,[1] но формально был совершенно прав, потому что отождествляет наймита и закупа сама «Русская Правда»: «продаст ли господин *закупа* обель, то и *наймиту* слобода во всех кунах» (ст. 73 Карамз. сп.), конечно, под наймитом понимая совсем не то, что Сергеевич. Отождествление этих двух терминов подтверждается и «Правосудием Митрополичьим», где говорится не о трех предметах, как думает С. В. Юшков (челядин-полный, челядин-наймит и закупный наймит), а о двух (челядин-полный и челядин-наймит, он же закупный наймит). Этот закупный челядин-наймит подразумевается и в ст. 27 «Митрополичьего Правосудия»: «А се стоит в суде челядин-наймит». Он не хочет оставаться у своего осподаря. Он имеет полное право уйти от господина, вернув ему двойной задаток. Если же он побежит от осподаря, превращается в холопа. Ведь здесь нет абсолютно ничего нового против того, что говорит «Русская Правда» о закупе в ст. 70. «Оже закупный бежит от господина, то обель: идет ли искать кун, а явлено ходит к князю или к судьям обиды деля своего господина, то про то не робят его, но дати ему правда».[2] В «Митрополичьем Правосудии» этот закуп рассматривается стоящим перед судом по вопросу о расторжении своих отношений с господином. Терминология этих двух памятников, тесно связанных между собою генетически, совершенно тождественна и, на мой взгляд, не вызывает никаких сомнений. В обоих памятниках говорится о рабе и закупе, причем в «Митрополичьем Правосудии» рабы и закупы считаются двумя разновидностями одного родового понятия — челядь.

Это разъяснение источника для нас имеет огромное значение, и здесь я должен полностью согласиться с замечанием С. В. Юшкова в его предисловии к «Митрополичьему Правосудию»: «Прежде всего выясняется, что нельзя отождествлять челядинов с холопами, как это до сего времени делалось. Оказывается, существовали челядины-полные и челядины-наймиты».[3]

[1] Наемные рабочие и теперь нередко получают заработную плату вперед; то же делалось и в старину; . . «закуп. . . служит за наемную плату». Рус. Юрид. древн., т. I, изд. 1902 г., стр. 191.

[2] «Русская Правда». Карамз. список, ст. 70.

[3] Летопись занятий Арх. ком. 1927—1928 гг., в. 35, стр. 119. С. В. Юшков полагает, что двойной задаток получали эти наймиты от своих господ в момент заключения договора. С таким толкованием ст. 27 «Правосудия»

Это, конечно, совершенно верно, но все же требует некоторого уточнения.

В нашей старой литературе по этому предмету дело обстоит не совсем так, как думает С. В. Юшков; мы можем здесь встретить немало интересного.

Вот, напр., что говорит по этому поводу Владимирский-Буданов. «Факты языка указывают, что древнейший первоисточник рабства находился в связи с семейным правом. Слово «семия» (по словарю Востокова) означает рабы, домочадцы... Термины: челядь (чадь, чадо),[1] раб (роба, робенец, ребенок), холоп (в малор. хлопец — мальчик, сын) одинаково применяются как к лицам, подчиненным отеческой власти, так и к рабам».[2]

Сергеевич по этому вопросу писал: «Челядь одного корня с чадью и чадом и означает домочадцев». Дальше Сергеевич уже к этому термину не возвращается, но в своих толкованиях термина «холоп» он дает понять, как он относится и к термину «челядь». «Русская Правда», не просто говорит о холопах, она различает еще «обельное холопство» (Тр. 102), а иногда вместо того, чтобы сказать холоп, она говорит «обель». «Были, значит,—продолжает он дальше,—холопы совершенные и несовершенные. Что же такое несовершенный холоп? — спрашивает он и отвечает на этот вопрос так: «Холоп и роба... означают слугу и работницу. Но слугой и работницей могут быть и вольные люди. Вольная работница, следовательно, может быть тоже названа рабой, а вольный слуга — холопом». В доказательство этой мысли Сергеевич ссылается на указ 1597 г., говорящий о «добровольном холопстве». «Только «обельные холопы» или «полные суть несвободные люди или рабы в настоящем смысле этого слова».[3]

я согласиться не могу. Для меня совершенно непонятным кажется в этом смысле самый термин «двойной задаток». Почему же он «двойной»? Разве была какая-либо узаконенная норма задатка вообще, который удваивался для наймита, поступавшего в зависимость к господарю. Совершенно понятным делается этот термин в моем толковании. Это удвоенная сумма, взятая закупом-наймитом у господина в момент заключения договора. Всего вероятнее, это и есть купа. Ее удвоение есть мера к удержанию закупа-наймита в зависимости от господина.

[1] Чадо и челядь филологически не имеют между собой ничего общего.

[2] Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 5, стр. 400—401.

[3] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I, изд. 1902 г., стр. 98—100.

Если исключить из этого рассуждения ссылку на указ 1597 г., относящийся к другому времени и иной территории и поэтому ни в коем случае не могущий служить аргументом для мысли Сергеевича, то можно признать мысль автора, если не доказанной в полной мере, то во всяком случае весьма правдоподобной и интересной. Рассуждения автора о холопстве несомненно должны быть распространены и на термин «челядь».

Такого же приблизительно мнения о холопе был и Погодин. Он различал холопов временных и полных.[1]

Самоквасов занимает, как это очень часто бывает с ним, и относительно этого вопроса особое место.

«В эпоху «Русской Правды»,— пишет он,— рабские поселения, принадлежавшие церковным учреждениям, князьям и боярам, назывались селами». «Летописи говорят о существовании в XII в. многих княжеских, церковных и боярских сел, населенных челядью или чадью...»[2] В доказательство этих своих положений он ссылается на известные тексты Ипатьевской летописи, говорящие о челяди. Но считая челядь рабами, Самоквасов и часть смердов включает сюда же, так как он думает, что «земледельцы рабского состояния княжеских сел в эпоху «Русской Правды» назывались смердами в тесном смысле».[3] Другими словами, Самоквасов зависимых от феодалов смердов называет «земледельцами рабского состояния». Стало быть, если учесть оригинальную терминологию Самоквасова, то станет совершенно ясно, что он не считает челядь состоящей из рабов и зависимых смердов.

По некоторым признакам можно думать, что Аристов тоже считал «челядь» не всегда рабами. По этому предмету мы имеем у него следующую фразу: «В селах князей народонаселение состояло из челяди и рабов, число которых доходило до 700, напр., в селе Святослава».[4] Далее, однако, он высказывается за понимание челяди в смысле рабов.[5]

Другие исследователи совершенно определенно термин «челядь» понимали в смысле рабов.

---

[1] М. П. Погодин. Древняя история до монгольского ига, т. II, 1872, стр. 771.

[2] Д. Я. Самоквасов. Курс истории русского права, изд. 1908 г., стр. 282 и прим. I.

[3] Там же, стр. 226.

[4] Аристов. Промышленность древней Руси, стр. 53.

[5] Там же, стр. 184, 186, 187 и др.

Так именно трактовал этот термин Чичерин, И. Д. Беляев, Дьяконов и др.

Чичерин, говоря об источниках рабства, указывает на один из них, именно «рождение от рабыни», и тут же поясняет свою мысль: «плод от челяди так же, как плод от скота, составляет собственность хозяина».[1] Беляев высказывает аналогичное мнение.[2]

Так же на этот предмет смотрит и Дьяконов. Он понимает термин «челядь» очень прямолинейно. По его мнению, это одно из наименований рабов, и только. Известное упоминание в Ипатьевской летописи под 1146 г. 700 человек челяди в Путивльском имении кн. Святослава и другие упоминания в том же источнике челяди (под 1159 г.) Дьяконов относит к рабам без всяких оговорок.[3]

Итак, в нашей литературе можно без труда различать два основных направления: 1) понимание термина «челядь» в смысле рабов и 2) понимание этого термина в более широком значении, куда входят и рабы и не рабы. Мне представляется второе мнение более приемлемым и доказуемым по крайней мере за известный период времени.

В русских памятниках древней письменности как подлинных, так и переводных, челядь встречается тоже не редко.

В Юрьевском Евангелии 1119 г. от Луки гл. 12, ст. 42, челядь соответствует греческому θεραπεία: «Кто убо есть верный строитель и мудрый, его же поставит господь над челядью своею даяти во время урок житный». В Вульгате термин челядь передан словом familia, в русском переводе Евангелия «над слугами своими».

В Евангелии от Матвея гл. 24, ст. 45, тот же текст передан несколько иначе, но и здесь греческий термин θεραπεία, имеющий варианты οἰκία и οἰκετεία, в славянском переводе передан термином «дом» или «слуги». По-немецки Dienerschaft.

В Библии по списку XIV в. в книге Бытия сказано: «Прииде же Иаков в Лузу, яже есть в земли Ханаанстей..., сам и вся челядь его» (Бытия, XXXV, ст. 6.). Этот термин челядь по-гречески обозначен термином λαός, по латыни populus. Этому термину здесь в древнееврейском соответствует «ом» (народ),

[1] Чичерин. Опыты по истории русского права, стр. 146.

[2] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, изд. 1903 г., стр. 14.

[3] М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и госуд. строя древней Руси, изд. 1910 г., стр. 84, 111, 115 и др.

т. е. «и вся челядь его» — по-еврейски «весь народ (ом), который при нем» (или «с ним»). В книге Исход читаем: «Воздвигошася же сынови израилевы от Рамессы в Сокхор до 600 000 пеших мужей разве челяди (Исход, XII, 37, по списку XIV в.). В современной Библии изд. 1900 г. термин челядь заменен «домочадство». По-гречески πλὴν τῆς ἀποσκευῆς, по-латыни apparatum. По древнееврейски здесь стоит «тов», т. е. дети; стало быть, слова «разве челяди» соответствуют еврейскому «кроме детей».

В договорах с греками под термином челядь можно разуметь тоже не только рабов, а вообще слуг.

12. «О том аще украден будет челядин руский или ускочит или по нужи продан будет и жаловати начнут Русь, (да) покажеться таковое от челядина, и да поимуть и в Русь; но и гостие (аще) погубиша челядина и жалують, да ищуть обретаемое да поимуть е; аще ли кто искушенья сего не дасть створити местник да погубить правду свою».[1]

Едва ли в этой статье имеются в виду обязательно рабы, привезенные в Константинополь на продажу. Гораздо вероятнее — это слуги, сопровождающие своих господ в далекое путешествие, среди которых естественно были и рабы. Закон оберегает их от насильственной продажи, каковая удостоверяется, в случае если она имела место, самим челядином; возвращенный из бегов из насильственной продажи челядин возвращается обратно в Русь. Эта мысль подчеркнута дважды. Среди этих слуг могли быть и подлинные рабы и не рабы.[2] Продавались, конечно, незаконно в Киевском государстве и закупы, т. е. не рабы, и вероятно другие категории населения.

Несколько яснее среди челяди проглядывают не рабы в «Поучении» Владимира Мономаха в том месте, где он говорит:

«Изъехахом город (Минск) и не оставихом у него ни челядина ни скотины». Он хочет сказать, что не оставил в Минске ничего. Трудно предположить, чтобы Владимир Мономах с дружиной имели возможность строго различать рабов и не рабов в момент нападения на город Минск. Часть населения была истреблена, часть уведена в плен.[3]

---

[1] Договор 911 г., стр. 12. В договоре 945 г. говорится о бегстве челядина «от св. Мамы», т. е. из предместья Константинополя, где жили со своими слугами приезжие русы. Договор 945 г., ст. 3.

[2] «Русская Правда», Карамз. сп., ст. 73.

[3] Лаврентьевская летопись, изд. 1897 г., стр. 239.

Минский князь Глеб, с которым вел войну Владимир Мономах, едва ли действовал иными методами. О нем тот же Владимир Мономах говорит, что Глеб захватил у него людей «... Глеба, оже ны бяше люди заял...»[1] Владимир Мономах их отнял обратно. Нет ничего невероятного в том, что этих захваченных Глебом людей с таким же успехом можно было назвать и челядью. Во время феодальных войн князья постоянно берут друг у друга эту «челядь» и по заключении мира иногда возвращают ее обратно. «Володимир же умирися и начаста быть во велице любы. Володимир же и челядь ему вороти, што была рать повоевала».[2] Так летописец описывает перемирие после войны Владимиро-волынского князя Владимира Васильковича с польским кн. Кондратом в 1279 г. Но хотя это событие относится к более позднему времени, оно по существу ничем не отличается от известных нам более ранних фактов размена награбленных во время войны людей.

Под 1100 г. описан весьма популярный в нашей ученой литературе факт соглашения князей на Уветичском съезде. После войны между собой князья Святополк, Володимир, Давид и Олег собрались в Уветичах и обратились к Володарю и Васильку с предложением мира на известных условиях, в число которых входило требование о выдаче холопов и смердов («а холопы наши и смерды выдайта»,[3] говорили собравшиеся в Уветичах князья Володарю и Васильку). Каким образом чужие смерды и холопы оказались у Володаря и Василька, догадаться нетрудно. Это их полон. Это они успели ополониться челядью, которую недавно враждебные, а сейчас замирившиеся, князья хотят получить обратно. «И не послуша сего Володарь и Василько», т. е. пленных холопов и смердов не выдали.

Такую же самую сцену мы можем наблюдать несколько позднее, когда Владимир Василькович Волынский обращался к польскому князю Лестку «абы ему воротил челядь, он же не вороти ему челяди его»[4] (1282 г.). То же мы видим и в первой половине XI в.: «В си же времена (1043 г.) вдасть Ярослав сестру свою за Казимира, и вдасть Казимир за вено людии

---

[1] Лаврентьевская летопись, стр. 241.

[2] Ипатьевская летопись, изд. 1871 г., стр. 581.

[3] Там же, изд. 1871 г., стр. 181.

[4] Там же, стр. 586.

800, яко же бе полонил Болеслав, победив Ярослава».[1] Как будто ополониться челядью не значит захватить только рабов. Захваченные в плен разные категории населения, однако, превращаются тем самым в челядь, где имеются и рабы и не рабы.

Если мы дадим себе труд всмотреться в ряд летописных сообщений о военных действиях, сопровождавшихся захватом пленных, то еще больше укрепимся в убеждении, что челядь — не только рабы.

Во время войны двух польских князей Болеслава и Кондрата в 1280 г., в которой на стороне Кондрата был князь Владимиро-волынский Владимир Василькович, были убиты два дружинника этого кн. Владимира, один родом прусин, другой любимый княжеский «дворный слуга», сын боярский — Рах. Вот как этот случай описывает летописец.

«Володимер же князь указал бяшеть своим воеводам тако: Василькова и Желиславу и Дунаева не распущати воеват, но поити всим к городу. Си же (т. е. прусин и Рах) утаившеся от рати и ехаша на село человек с 30 и Блус с ними же Юрьев и переемше дорогу от села, оже челядь бежала к лесу, и поехаша по них. И в то время удари на них Болеслав с ляхы. Дружина же его не стерпевше устремишася на бег вси со Блусом. Си же два не побегоста, Рах с Прусином, но сотвориста дело достойно памяти и начаста ся бити мужескы: Прусин съехася с Болеславом, ту убит бысть от многих, а Рах уби боярина добра Болеславля, ту же и сам прия конец подобный. Сии же умроста мужественнем сердцем, оставльша по собе славу последнему веку».[2]

Стало быть, дело было так. Оба героя нарушили распоряжение князя и с 30 человеками дружины решили ограбить село. Они перехватили дорогу, по которой бежала из этого села «челядь», желая спастись в лесу от неприятеля. Кто же бежал из села в лес? Неужели только рабы, а крестьяне — оставались в селе, либо с намерением и надеждой себя защитить, либо в уверенности, что враг ищет только рабов, а крестьян вообще не трогает. Не думаю, чтобы такое предположение было маломальски вероятным. Из села, спасая себя, свои семьи и наиболее ценное и портативное имущество, вероятно и часть своего скота,

---

[1] Лаврентьевская летопись, под 1043 г.

[2] Ипатьевская летопись, стр. 584—585.

бежало все население села, в котором рабов может быть даже и совсем не было. Челядь здесь не рабы, а вся масса населения села.

Несомненно так же необходимо понимать и термин «челядь» и в другом месте из той же летописи.

«Закон же быше в ляхох таков: челяди не имати, ни бити, но лупяхнуть. Городу же взяту, и поимаша в нем товара много и люди полупиша...»[1] (1281 г.)

Польский закон разрешает только грабить челядь, а не избивать ее и не брать ее в плен. Трудно себе представить польского воина в пылу битвы разбирающего социальное положение своих жертв. Ясно, что грабил он тех, у кого что-либо было, не справляясь с тем, кто тут раб, кто не раб. Да и вообще у раба нет имущества, следовательно, забирать у него нечего. Если же он, будучи юридически рабом, фактически вел хозяйство и владел имуществом, то это уже не раб. Мы смело можем его зачислить в состав крепостного населения данного селения.

Ополонение челядью нельзя понимать как захват обязательно рабов. Это ополонение шло за счет главным образом крестьянской массы. «Володимер же и челядь ему (кн. польскому Кондрату) вороти, што была рать повоевала» (1279).[2] Он возвратил всех пленных, где едва ли большинство составляли рабы.

Больше похоже на то, что здесь разумеются именно не рабы.

«И повоеваша (дружина Владимира Васильковича) около Люблина и поимаша челяди множьство и ополонишася и тако поидоша назад с честью» (1282).[3] И здесь трудно допустить, что дело ограничивалось только рабами.

Как, напр., понимать известное место Ипатьевской летописи о вкладе жены князя Глеба в Печерский монастырь, «а по своем животе (т. е. по завещанию) вдала княгини 5 сел и с челядью и все да и до повоя» (1158).[4] Летописец хочет подчеркнуть, что княгиня отдала в монастырь все до последней нитки. Стало быть, трудно предположить, чтобы она из этих пяти сел предварительно отобрала всех не рабов, переселила их куда-либо, а потом только отдала эти села с челядью монастырю. Не проще

[1] Ипатьевская летопись, стр. 582.

[2] Там же, стр. 581.

[3] Ипатьевская летопись, стр. 586.

[4] Там же, стр. 338.

ли этот текст понимать так, как и хотел передать нам его летописец. Княгиня отдала все свое имущество и в том числе 5 сел со всем сидевшим там населением, среди которого могли быть и рабы и не рабы.

Думаю, что точно также мы должны понимать и 700 человек челяди в Путивльском имении кн. Святослава.

Только что рассмотренные факты относятся к XI—XIII вв.

Челядь прежде всего есть та часть зависимого от землевладельца населения, которая непосредственно работает на землевладельца, которая эксплоатируется им на барщинной работе, либо служит на барском дворе, выполняя здесь самые разнообразные функции вплоть до низшей военной службы в дружине феодала. Челядью в более расширенном смысле слова называли иногда и всю массу зависимых людей, живших и по деревням. Этим я отнюдь не хочу отрицать того, что иногда термин челядь и челядин употребляются в смысле холопа, но, как мы видели, самое понятие холопа есть вещь для известного времени весьма относительная.

Если отходить от времени «Русской Правды» в глубь веков, то мы без особого риска сможем под термином челядь разуметь familia, οἰκέται, того периода, когда рядом с хозяином и хозяйкой дома и ее дочерьми сидели патриархальные рабы и рабыни, выполняя домашние работы и находясь под властью patris familias.

Намек на то, что челядь когда-то обозначала familia, можно видеть в позднейших пережитках. В XVII в. употребляется термин челядок в смысле сын.[1]

Но время, когда жила эта familia, в наших письменных памятниках отразилось только частично.

Итак, если попытаться подвести нашим наблюдениям итоги, челядь в наших источниках обозначает не одно какое-либо вполне определенное понятие. В этом термине, как впрочем и во многих других, отражена история общественных отношений с очень отдаленной поры.

Челядь, человек, колено (в смысле поколения), литовское keltis, латынское cilts — это все слова одного корня ведут нас к глубокой старине, когда keltis и cilts значило — genus, Geschlecht, т. е. род. Этот же термин на новой ступени общественного развития у болгар, русских, чехов и др. стал обозначать

---

[1] Федотов-Чеховской. Акты гражданской расправы, стр. 407.

семью, детей, у арабов — женщину в семье и зависимых людей вообще, у поляков и чехов — домашнюю прислугу, дворню, зависимых людей, детей. Соответствуя понятию familia, этот термин менял свое содержание вместе с историей familiae, в состав которой, как мы знаем, все чаще и чаще стали входить и не рабы.

Меня в данном случае интересует больше всего вопрос о том, в какой стадии развития этого института встречается он в «Русской Правде» и как понимать этот термин в древнейших наших письменных источниках. Вопрос, от того или иного решения которого зависит очень много.

Несомненно, что евангельский текст начала XII в., отразивший словоупотребление и более раннего периода, пользуется этим термином в смысле θεραπεία, т. е. исключает рабов. Библейские тексты пользуются этим термином согласно древнееврейскому точному смыслу слова в двух значениях — 1) народ (др. евр. «ом», греч. λαός, лат. populus), где исключаются рабы, и 2) домочадцы (др. евр. «тов», греч. ἀποσκευή, лат. apparatum), где рабы мыслятся в некоторой доле возможными.[1]

Несомненным мне кажется понимание термина челядь в некоторых летописных текстах в смысле пленников, судьба которых может быть самой разнообразной. Не случайно Маврикий Стратег, византийский писатель VI в., сказал о славянских пленных: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве (ἐν δουλείᾳ), как прочие народы, в течение неограниченного времени, но, ограничивая им срок, предлагают на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или оставаться там, где находятся, на положении свободных и друзей (ἐλεύθεροι καὶ φίλοι)». Для грека раб противополагается свободному, под которым разумеются все не рабы, т. е. не только подлинно свободные, но и зависимые люди всех оттенков, исключая рабов.

Нам хорошо известно, что пленники продавались, но нам также хорошо известно, что они и выкупались и сажались на землю в качестве колонов.[2]

---

[1] За разъяснение греческих терминов, соответствующих древнерусскому «челядь», и перевод текста Маврикия приношу глубокую благодарность С. А. Жебелеву.

[2] Лаврентьевская, Ипатьевская и Никоновская летописи, под 1031 г.: «Ярослав же и Мстислав собраста вои многы и идоша на ляхи и заяста грады Червонския опять и повоеваша Лядскую землю и многы ляхы приведоста и разделиста я; и посади Ярослав своя по Роси, и суть до сего дни».

Договоры с греками подчеркивают право обеих договаривающихся сторон выкупа пленных даже и в том случае, если их успели уже продать.

Ополоненные челядью князья не раз сбывали свой товар за границу. В этом смысле Святослав и говорил о том, что в Переяславец на Дунае, куда «вся благая сходятся», из Руси идет «скора и воск и мед и челядь».

Очень характерно, что Пространная «Правда Русская» в особом отделе об обельном холопстве, т. е. подлинном, настоящем в узком смысле слова рабстве, среди источников рабства плена не называет. Здесь определенно и решительно эта «Правда» заявляет, что «холопство обельное трое», т. е. имеется только три источника рабства: 1) купля, 2) женитьба на рабе без особого договора, 3) поступление в тиунство без особого договора.[1] Стало быть, пленный как пленный—еще не раб, но он уже челядин, который может стать рабом после продажи, да и то со значительными оговорками, пример которых указывают договоры с греками.

Если наши старые письменные источники и прежде всего «Правда Русская» различает просто холопов и холопов обельных, только под последними разумея настоящих рабов, то тем резче она, как мы видели, отличает холопов от челяди. И эта очевидная потребность провести границу между обельным холопом и челядином заставила составителей «Правды Русской» в этом отношении быть очень точными.

Из этого факта строгого различия челядина и обельного холопа, мне кажется, можно было бы сделать вывод, что в составе челяди нет места по крайней мере полному или обельному холопу. Но этот кажущийся естественным вывод разбивается об утверждение «Митрополичьего правосудия», где челядином называется и полный холоп, под термином челядин-полный, которого господин может даже безнаказанно убить.

Со всеми этими фактами мы должны серьезно считаться.

Принимая во внимание все эти обстоятельства и учитывая факт различения «Русской Правдой» челядина и холопа, мы естественно приходим к выводу, что если холоп даже и входит в понятие челяди, то он там не растворяется целиком, и в отдельных случаях «Правда» находит необходимым говорить о нем отдельно.

---

[1] «Пространная Правда», Карамз. список, ст. 119.

Если мы правильно поняли смысл термина «челядь», тогда мы можен видеть в «Правде Русской» челядь и там, где она прямо не называется.

Известно, напр., что «Правда» Ярославичей, заключающая в себе материал для суждения об организации крупной феодальной вотчины XI в., ни разу не пользуется термином челядь. Но, поскольку здесь речь идет о зависимых непосредственных производителях, эксплоатируемых крупным землевладельцем (в данном случае князем), нельзя себе представить, чтобы законодатель мог обойтись без самой мысли о челяди. Имение для данного периода без челяди так же немыслимо, как фабрика без рабочих. Мне кажется, что он челяди не забыл, но для данного случая он предпочел раскрыть перед нами конкретное содержание этого понятия, указав на отдельные элементы, в него входящие.

Возьмем знаменитые ст. 22 и 23, безжалостно по живому рассеченные редактором. 22. «А в сельском старосте княжи и в ратайнем 12 гривен; а в рядовници княже, 5 гривен». 23. «А в смерде и в холопе 5 гривен».[1] Перед нами перечень непосредственных производителей, находящихся под непосредственным наблюдением княжеских старост, т. е. представителей собственника земли. Можем ли мы назвать всю эту группу рабочего населения вотчины челядью? Думаю, что можем, хотя и с некоторыми оговорками. Несомненно сюда входят холопы, затем люди, зависимые от собственника по договорам («ряд», отсюда «рядович», «рядовник»). Встречаем мы здесь и смерда. Однако, насколько можно судить по очень скудным и неясным данным «Правды», смерд едва ли входил в состав челяди так, как холопы и рядовичи. Смерд может работать на барском дворе в барской усадьбе, в барском хозяйстве вообще, но он не теряет своих специфических признаков непосредственного производителя, владеющего средствами производства, хотя и не всеми, необходимыми для ведения самостоятельного хозяйства.

Появление смерда рядом с холопами и работающими по договорам людьми нужно рассматривать как симптом, угрожающий самому существованию челяди в качестве основы барского хозяйства. Это симптом перехода к новому, более прогрессивному

[1] Совершенно очевидно, что делить на статьи этот текст надо иначе: 22. «А в сельском старосте княжи и в ратайнем 12 гривен». 23. «А в рядовници и княже 5 гривен, а в смерде и в холопе 5 гривен».

способу ведения хозяйства, стало быть, к следующему, новому этапу в развитии всего общества.

Смерд действительно сделал в конечном счете челядь ненужной.

Но для данного отрезка времени, отраженного в «Правде» Ярославичей, смерд существует в барском хозяйстве рядом со старой челядью, надо думать, в значительной степени подчиняясь режиму, созданному здесь очень давно. При этих условиях и на смерда иногда распространялись черты, характерные для челядина, значительно роднившие его с положением патриархального раба.

Итак, термин «Русской Правды» «челядь» обнимает собой разновидности барской дворни, вышедшей из патриархальной familia; термин живет и в процессе своей жизни заполняется новым содержанием, обнаруживая однако тенденцию к изчезновению. По своему содержанию он столь же сложен, сколько и важен для правильного понимания общественных отношений IX—XII вв.

Мы переходим к рассмотрению входящих в него ингредиентов. Начнем с рабов.

Рабы

Как мы уже видели, Маврикий Стратег отмечает особенность в положении славянских пленных, подчеркивая, что пленники у славян остаются не в вечном рабстве, как у других народов, но что им пленным назначается определенный срок, по прошествии которого предоставляется их усмотрению или остаться у них в качестве свободных и друзей, или возвратиться к своим, заплатив выкуп. Может быть, тут кое-что и преувеличено, но не мог Маврикий совершенно извратить факт. В доказательство справедливости этого свидетельства можно привести старое сказание о некоем половчине («Чудо св. Николая»), где рассказывается о том, как некий половчин попал в плен к русским. Нет никаких указаний на то, что он работал в плену. Неизвестно за что, но он был посажен в заключение. Его хозяин предлагает ему дать за себя выкуп, но так как у пленника никаких средств на выкуп при себе не было, то хозяин, отдав его на поруки св. Николаю, отпустил его домой под условием принести за себя выкуп. О выкупе говорит и ст. 9 договора с греками Олега (911 г.): «аще от рати ят будет... такоже да возвратится во свою страну, и отдана будет цена его...» В договоре Игоря 945 г. об этом предмете говорится еще яснее: «Елико

хрестеян от власти нашея (т. е. греков) пленена приведут Русь, ту аще будет уноша или девица добра, да вдадять златник 10 и поимуть и; аще ли есть средовеч, да вдасть золотник 8 и поимуть и; аще ли будеть стар или детещ, да вдасть златник 5. Аще ли обращаются Русь работающе у грек, аще ли суть пленницы, да искупаеть е Русь по 10 золотник; аще ли купил и будет гречин, под хрестом достоить ему, да возьметь цену свою, елико же дал будеть на нем».[1] Здесь предусматривается даже случай, когда пленника успели продать; в этом случае вместо 10 золотников нужно за пленника платить сумму, за которую он был продан.

Закон судный, который частично вошел в Устав Владимира Всеволодовича, подтверждает это правило. «А се иже купит пленника от работных. Иже купит от работных пленника, свою цену даст на нем, то вдав на себе то же, да идет вспять свободь, да иметь купли его дондеже изработается, аще не имать что на себе юже съвеща; а мьзде ему на всяко лето наречется 3 щлязя пред послухом; тако коньчавшю ему цену, да отпущается на свободу».[2]

Очень важно подчеркнуть здесь, что пленник, не имеющий никаких надежд на выкуп кем-либо из своих близких, может отработать сумму выкупа, после чего отпускается на свободу.

Плен в качестве источника рабства имеет несомненную тенденцию к сокращению. Тем не менее выкуп пленного кем-либо со стороны или же путем отработки пленником известной суммы, повидимому, был делом не легким, и весьма вероятно, что масса пленников переходила из рук в руки в качестве товара чаще, чем отпускалась за выкуп на свободу. Здесь важно, однако, отметить самый принцип, который едва ли был возможен в качестве такового в античном обществе. Необходимо также обратить самое серьезное внимание и на другую сторону дела. Пленник либо отпускается за известное вознаграждение на волю, либо продается чаще всего за границу, т. е. и в первом и во втором случае он рассматривается не столько как рабочая сила, а как ценный товар. Если античные общества стремились сконцентрировать у себя возможно большее количество рабов в качестве рабочей силы, если для античных обществ таким путем разрешался вопрос о воспроизводстве рабочей силы, то здесь мы имеем совсем

---

[1] Договор 945 г., ст. 7.

[2] Новгородская I летопись, стр. 478—479, изд. 1888 г.

обратный процесс — не концентрацию рабов, а их распыление. Многие упоминания о рынках, где продавались русские рабы, говорят о продаже рабов прежде всего за границу и еще раз подчеркивают товарность раба.

Мы имеем сведения о том, что рабов сажали на землю и превращали их, очевидно, в крепостных. По крайней мере трудно иначе понять следующее место Лаврентьевской летописи под 1031 г.: «Ярослав и Мстислав собраста вои многы и идоста на Ляхи и заяста Червенскыя грады опять и повоеваста Лядьскую землю и многы ляхы приведоста и разделиста я; Ярослав посади своя по Роси, и суть и до сего дни» (Лаврентьевская, Ипатьевская и Никоновская летописи 1031 г.).

«Пространная Правда» в своем перечне источников рабства пропускает плен. Она говорит, что «холопство обельное трое: 1) еже кто то купить хотя и до полугривны, а послухы поставить, а нагату дасть пред самом холопом, а не без него; 2) а другое холопство: поиметь робу, а без ряду; поиметь ли с рядом, како ся будеть рядил, на том же и стоить; 3) а се третие холопьство: тиуньство без ряда или ключь к себе привяжеть, с рядом ли, то како ся будешь рядил, на том же стоить» (ст. 119—121 Карамз. сп.). И как мы увидим в дальнейшем, очень часто оговорки, сделанные во втором и третьем случаях из здесь обозначенных, на практике часто осуществлялись, минуя холопство: люди поступали часто на службу, или женились на рабынях, для чего заключали соответствующие договоры и в холопов не превращались.

Супружеские отношения в качестве источника рабства известны древнерусскому обществу, но они говорят о том, что у раба может быть семья, и что далеко не обязательно превращение в рабов обоих супругов, если один из них свободный. В холопа превращается свободный человек только в том случае, если он «поиметь робу без ряду», «поиметь ли с рядом, то како ся будет рядил, на том же стоить».[1] И, повидимому, последний случай не был редкостью, если в уставе Владимира Мономаха помещено особое правило для тех, кто «работает из робы». Там сказано: «тако иже работает из робы, свещает цену его пред послухи (это и есть ряд *Б. Г.*) да отпущается»,[2] т. е. можно по договору

---

[1] «Русская Правда», Троицкий список, ст. 103.
[2] Новгородская летопись, стр. 478, изд. 1888 г.

с господином рабыни отработать за нее определенную перед послухами сумму. Дети от рабыни после смерти свободного отца, вероятно самого господина, получают свободу вместе с матерью, хотя отцу и не наследуют.[1]

И нужно сказать, что положение детей, прижитых свободным с рабыней, не всегда многим отличалось от детей, рожденных от свободной матери. Об этом как будто говорит нам известное место Новгородской летописи под 970 г., где рассказывается, как в Киев «приидоша людье Новогородьстии просяще князя собе». «Аще не поидет к нам, — говорили они кн. Святославу, — то мы налезем собе князя». Святослав высказал некоторое сомнение: «да еще бы кто шел к вам». И действительно, два сына Святослава, Ярополк и Олег, отказались. Тогда Добрыня посоветовал им просить Владимира, который, по его мнению, должен быть несколько сговорчивее, так как был «от Малуши, ключнице Ользине». Она приходилась родной сестрой Добрыни, а отец их был Малк Любечанин. Добрыня, стало быть, приходился родным дядей Владимиру. Владимир согласился: «И пояша новгородьци Володимира к себе, и пойде Володимир с Добрынею, уем своим, Новуграду».[2] Как видим, происхождение Владимира от ключницы-рабыни (это видно из дальнейшего) не помешало ему пользоваться такими же правами, как и его братьям от других свободных матерей. Уколола его рабским происхождением Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогвольда, когда Владимир изъявил желание на ней жениться. «Не хочу розути робичича», сказала она, что, однако, не остановило Владимира, только вынудило его прибегнуть к насилию.

В договоре Новгорода с немцами 1195 г. (стр. 14) честь рабыни оберегается особой статьей: «Оже кто робу повержет насилием, а не соромит, то за обиду гривна, паки ли соромит, собе свободна».[3] Раба, имеющая детей от свободного, после его смерти делается свободной со своими детьми («Русская Правда», Карамз. список, ст. 110). Как-будто и супружеские отношения свободных и рабов не имеют аналогии, по крайней мере в римском рабовладельческом обществе.

---

[1] Троицкий список, ст. 92.

[2] Новгородская I летопись, стр. 21, изд. 1888 г. По этому поводу см. замечания, сделанные А. А. Шахматовым в его «Разысканиях», стр. 373—378.

[3] Владимирский-Буданов. Хрестоматия, в. I, стр. 96, изд. 1906 г., Мирная грамота новгородцев с немцами 1195 г.

Неисполнение обязательств по древнерусскому праву, как правило, не ведет к рабству. Правда, некоторые исследователи с этим положением не согласны. Дьяконов считает, что торговая несостоятельность в уплате долга, происшедшая по вине торговца (пьянство, расточительность), ставила его в полную зависимость от усмотрения кредиторов: «ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля» (Тр. 50, Карамз. 68). В следующей статье идет речь вообще о задолженности («Аже кто многим должен будет»), последствием которой также является продажа должника на торгу (Тр. 21, Карамз. 69).[1] Но едва ли это не недоразумение.

Дьяконов буквально понимает слова «Русской Правды», где в ст. 69 (Карамз.) говорится: «Аже кто многим должен будет», то в случае нежелания или невозможности расплатиться с кредиторами: «вести я на торг и продати и, отдати же первое гостеви куны, а домачным, что ся останет кун, тем ся поделять; пакы ли будуть княжи куны, то княжи куны прежде взяти, а прок в дел». То же и в предыдущей статье: «Аже который купец, где любо шед с чюжим кунами, истопится, любо рать возметь, ли огнь, то не насилити ему, ни продати его...; аже пропиеться или пробиеться, а в безумии чюж товар потравить, то како любо тем, чьи то куны, ждуть ли ему, продадуть ли его — своя им воля». Дьяконов понимает термин «продать» в буквальном смысле продажи личности обанкротившегося купца в рабство.

Однако с этим согласиться трудно уже по одному тому, что от продажи купца в рабство едва ли можно было получить столь значительную сумму, чтобы хватило расплатиться с кредиторами, среди которых имеется даже князь. Средняя цена раба, по «Русской Правде»,— рублей 35 на довоенные деньги.[2] Едва ли кто-либо захотел бы переплачивать за него только потому, что это бывший купец. Гораздо проще объяснить этот термин иначе, именно так, как его понимали современники. В договоре Игоря 945 г. мы имеем прекрасное и совершенно ясное объяснение: «Или аще ударить мечем или копьем или кацем-любо оружием русин гречина или гречин русина, да того деля греха заплатит серебра литр 5 по закону русскому; аще ли

---

[1] Дьяконов. Очерки общ. и гос. строя др. Руси, изд. 1910 г., стр. 113

[2] Аристов. Промышленность древней Руси, стр. 281.

есть неимовит (несостоятелен), да како можеть, втолько же продан будеть, ако да и порты, в них же ходить, да и то с него сняти, а опроце да на роту ходить по своей вере, яко не имея ничтоже, ти тако пущен будеть».[1] То же мы имеем и в Двинской грамоте, построенной на основе «Русской Правды» (1397 г.): «А кто у кого что познает татебное, и он с себя сведет до десяти изводов, нолны до чеклого татя; и от того наместником и дворяном не взяти ничего, а татя впервые продати противу поличного; а вдругие уличат, продадут его не жалуя, а уличат втретьие, ино повести».[2] И здесь продают не самого татя, а его имущество.[3] За первую кражу — в размере украденного, за вторую продается все его имущество, за третью он подвергается смертной казни.

Для продажи в рабство «Русская Правда» знает другой, более точный термин: «продать обель» («продаст ли господин закупа обель», «Русская Правда», Карамз. сп., ст. 73). И как-будто для того, чтобы у нас не осталось никакого сомнения относительно того, что долг не превращает свободного человека в раба, в особом отделе «Русской Правды» (Троицк. сп., ст. 105), посвященном вопросу о холопстве, после определения трех источников холопства (купля, женитьба без ряду на рабе и поступление без ряду в тиуны или ключники), помещается специальная статья: «(в) даче не холоп ни по хлебе роботят, ни по придатце; но оже не доходят года, то ворочати ему милость, отходит ли, то не виноват есть», т. е. за «ссуду» деньгами или хлебом или за проценты не обращают в рабство. «Должник» отрабатывает долг в известный срок. Если он не отработает этого срока, должен возвратить долг. Едва ли впрочем здесь мы имеем обычную ссуду. Вероятнее предположить, что здесь говорится об особой форме феодальной зависимости, в некоторых отношениях напоминающей «добровольное холопство» или «служилую кабалу» раннего времени в Москве.

Отчасти в связи с этим правилом в Карамзинском списке мы имеем в ст. 65 расценку труда жонки с дочерью: «О сиротьем вырядке». «А жонка с дчерью... по гривне на лето...» В этой

---

[1] Владимирский-Буданов. Хрестоматия, изд. 1908 г., в. I, стр. 15.

[2] Владимирский-Буданов. Хрестоматия, изд. 1908 г., в. I.

[3] Ср. совершенно правильное на мой взгляд мнение по этому вопросу С. Г. Струмилина «Договор займа», стр. 60.

статье существенно то, что выход из зависимости через отработку здесь подчеркивается еще раз.

Все письменные памятники, трактующие о рабах, позволяют говорить о том, что рабство, как способ про изводства, не разви вается, не растет, а идет на убыль.

Интересно отметить факт, пока еще очень мало обследованный, что церковь, лучший хозяин во всех странах Европы и Византии, владевшая рабами и пользовавшаяся ими, отказывается от рабского труда первой. В древней Руси известны церковные рабы: епископские холопы в Новгороде, рабы Киево-Печерского монастыря, рабы Хутынского монастыря.[1] «Русская Правда» знает чернеческих рабов. В «Правосудии Митрополичьем» упоминается челядин полный, но там говорится, повидимому, о челяди нецерковной. В дальнейшем в церкви мы их уже не встречаем. Церковь начинает пользоваться трудом крепостных. Так постепенно меняется состав челяди. Рабов в ней делается все меньше и меньше, по крайней мере в тех хозяйствах, которые умели во время приспособляться к требованиям жизни.

Раб в древней Руси, как и в любой другой стране, конечно, имеет свою историю. Мы, к сожалению, не можем видеть ее начала. Мы не знаем, что представляет собой раб VIII—IX вв., какую роль он играл тогда в производстве. Можно и следует утверждать, что рабство в южных частях Киевского государства, издавна и непосредственно соприкасавшихся со страной античного способа производства (Византия), было развито значительнее, чем в северных частях. Тем не менее и на юге в XI—XII вв. пленник был не только и, пожалуй, даже не столько рабочей силой, сколько частым товаром на рынках, особенно азиатских. В момент, доступный нашему наблюдению по русским источникам (X—XII вв.), раб — не основа всего производства, он имеет ряд своеобразных признаков, отличающих его от римского раба периода «античного» способа производства.

Хочу еще раз подчеркнуть, что все мое внимание в этой главе сосредоточено не на истории рабства, а лишь на раскрытии ведущего процесса в истории изучаемого общества IX—XII вв. Если рабство к XII в. совершенно явно обнаружило тенденцию к ослаблению, то это не значит, что роль рабов за этот период

---

[1] Вкладная грамота Хутынскому монастырю 1192 г. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, в. 1.

времени была ничтожна. Но не всякое рабство есть античное рабство.

Если мы оперируем с понятиями, введенными в обиход нашей науки основоположниками марксизма, то мы тем самым обязуемся вкладывать в эти понятия то содержание, которое вкладывали в них Маркс и Энгельс. А Энгельс весьма недвусмысленно высказывался относительно содержания и применения термина «античное рабство». «Прежде, чем рабство делается возможным, необходимы... известная ступень производства и некоторое неравенство в распределении. Для того же, чтобы рабский труд сделался господствующим способом производства в целом обществе, общество должно достигнуть гораздо высшего развития производства, торговли и накопления богатств. В древних первобытных обществах с общинным землевладением рабство вовсе не существовало, или играло самую второстепенную роль. Так было в древнем крестьянском городе Риме. Когда же Рим стал, наоборот, «всемирным городом», земледелие в Италии все более и более сосредоточивалось в руках малочисленного класса богатейших собственников,— ее крестьянское население было вытеснено населением рабов».[1] Точно также и Греция «еще в героические времена вступает в историю уже разделенная на классы, самим своим существованием свидетельствующие о долгой предварительной истории, оставшейся неизвестною, но и в ней значительнейшая часть земли обрабатывалась самостоятельными крестьянами».[2] Наконец германцы, по мнению Энгельса, «не довели у себя рабства до его **высшего развития**, не превратили его ни в античное трудовое рабство, ни в восточное домашнее рабство».[3] В своих наблюдениях я, нисколько не желая умалить большого значения рабства в истории Киевского государства, тем не менее прихожу к выводу, что и здесь рабство не дошло до своего «высшего развития», не превратилось в античное рабство.[4]

Я далек от мысли уменьшать роль рабства в истории Киевского государства. Мне лишь хочется возможно точнее опре-

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, изд. 1932 г., стр. 130.

[2] Там же, стр. 142.

[3] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, изд. 1932 г., стр. 158 и др. (подчеркнуто мной *Б. Г.*).

[4] Подробнее об этом см. «Борьба классов», 1935 г., № 3, моя статья «Была ли древняя Русь рабовладельческим обществом?».

делить его место в производстве этого периода. Патриархальный раб в Киевском государстве несомненно играл весьма заметную роль. Но входя в состав familia, он здесь встретился в известный момент и с не рабскими элементами, которые в период существования Киевского государства росли количественно, изменяли свою социальную природу и, обнаруживая определенную тенденцию заменить собою рабов, в то же время сами приобретали много черт этого самого рабства.

Если мы попытаемся учесть конкретную обстановку крупного барского имения этой поры, то легко согласимся с тем, что иначе и не могло быть, поскольку мы имеем дело с барской челядью, состоявшей первоначально из рабов по преимуществу, с течением времени начавшей включать в свой состав все большее и большее число не рабов, так как последние на этом новом этапе хозяйственного развития представляли собой по сравнению с предшествующим периодом несомненно более прогрессивное общественное явление. Если раньше для обеспечения своего хозяйства землевладельцу ничего не оставалось как только ловить или покупать рабов, так как других рабочих сил добыть было почти невозможно, то сейчас, когда процесс разложения общины открыл новые возможности, челядь стала пополняться людьми, лишенными средств производства, выходцами из общины. Наступление землевладельцев, частных собственников, на общину выражалось также и в том, что часть общинников, даже и не лишенных средств производства, стала вместе со своей землей переходить под власть этих собственников, и многие из этих непосредственных производителей, обязанные барщиной на своих новых господ, вынуждены были становиться в ряды барской челяди, хотя и не смешивалась окончательно с рабами, но в значительной степени, по крайней мере в глазах своих господ, им уподобляясь. Именно об этом периоде раннего крепостничества Энгельс говорил, что оно носило в себе еще много черт древнего рабства.

«Русская Правда» сохранила для нас ценнейшие указания на этот период существования общества и позволяет нам изучать этот интереснейший процесс по крайней мере в основных его проявлениях.

Сейчас мы переходим к изучению не рабских элементов челяди.

Понятно, что мое понимание термина «рядович», поскольку оно и идет в разрез почти со всей предшествующей научной трактовкой этого предмета, нуждается в серьезном обосновании.

Я не буду разбирать всю литературу вопроса, но попытаюсь показать мнения, особенно интересные или принадлежащие ученым, авторитет которых до сих пор мало оспаривается.

Сергеевич имеет о рядовичах два мнения. Он считает рядовича, упоминаемого в «Русской Правде» «рядовым» рабом на том основании, что «ценят его в 5 гривен, а это цена обыкновенного раба». Он же допускает, что рядович и не всегда раб. «Рядович — всякий по ряду (договору) у кого-либо живущий».[1] Мрочек-Дроздовский считает рядовича несвободным приказчиком. Это несвободные подключники в имениях княжеских, боярских или иных владельческих.[2] Пресняков считает рядовича низшим агентом хозяйственного или административного управления и в доказательство приводит известный текст из Даниила Заточника: «Тиун бо его (князя) яко огнь трепетицею накладен, а рядовичи его яко искры». «А сотским и рядовичем... не судити».[3] Götz принимает толкование Сергеевича.

Для меня в данном случае не столь важны функции рядовича (он, действительно, в некоторых источниках рассматривается в качестве низшего агента вотчинной администрации), сколько его социальная природа. Тут с Сергеевичем можно согласиться только наполовину. Целиком считаю приемлемой его характеристику: «рядович — всякий, по ряду у кого-либо живущий». Стало быть, это не холоп. Соображения Сергеевича, вытекающие из оценки рядовича, одинаковой с рабом, не убедительны. Тогда и смерда нужно считать рабом, потому что и его оценка равна тем же 5 гривнам.[4] Вообще исходить из штрафной сетки, применяемой к различным группам населения, для определения социального положения различных категорий населения —

---

[1] Сергеевич. Русские юридические древности, СПб. 1902 г., т. I, стр. 105—106.

[2] Мрочек-Дроздовский. Исследования о «Русской Правде», М., 1886 г., стр. 200.

[3] Пресняков. Княжое право, 293, прим. 1.

[4] Сергеевич считает, что в статье 23 «Русской Правды» (Акад. сп.) речь идет о «смердьем холопе», с чем согласиться трудно.

метод опасный. Мы, напр., очень хорошо знаем, как «Уложение» Алексея Михайловича фиксирует эту сетку: «а деловым людем и монастырским и помещиковым и вотчинниковым крестьяном и бобылем за бесчестье и за увечье учинити указ против государевых дворцовых сел крестьян», т. е. по 2 рубля. Деловые люди, т. е. холопы, здесь стоят на одной доске с крепостными крестьянами и бобылями, между тем как за «гулящего человека», т. е. свободного, кормящегося временным заработком, взимается в два раза меньше (Уложение, X, 94). Здесь оценка хозяйского холопа выше свободного рабочего, и этим смущаться совершенно нечего.

В самой «Русской Правде» имеются данные для объяснения социальной сущности рядовича. В ст. 119 Карамзинского списка читаем: «А холопство обельное трое:... поиметь робу, а без ряду; поиметь ли с рядом, како ся будет рядил на том же и стоить. А се третие холопство: тиунство без ряда или ключ к себе привяжеть; с рядом ли, то како ся будеть рядил, на том же и стоить». Совершенно ясно, что человек, собирающийся жениться на рабе, имел полное основание предварительно заключить ряд с господином невесты. Так, повидимому, и было на самом деле, потому что «Устав» Владимира Мономаха этот случай специально оговаривает: «А се иже работает из робы. Тако иже работает из робы, свещает цену его перед послухи, да отпущается».[1] Перед послухами, очевидно, заключается ряд о цене выкупа за жену-рабу, который и погашается работой мужа рабыни. По ряду можно было поступить в ключники или тиуны. Надо думать, что этими указанными двумя случаями не исчерпываются все возможные виды ряда при поступлении на службу или на работу, потому что оба эти случая приводятся «Русской Правдой» только в связи с происхождением обельного холопства и отнюдь самостоятельного сюжета не составляют. Кажется, мы имеем еще одно довольно важное подтверждение высказанного положения. Статья 65 Карамзинского списка озаглавлена: «О сиротьем вырядке», а под этим заголовком значится: «А жонка с дочерью, тем страды на 12 лет, по гривне на лето, 20 гривен и 4 гривны кунами». Если отбросить расчет на 12 лет, примерно взятый каким-то современным «Правде» бухгалтером вообще для всех его вычислений («а от 20 овец

---

[1]Новгородская I летопись, стр. 479, изд. 1888 г.

и от двою приплода на 12 лет... а от 20 коз и двою приплода на 12 лет... а от трех свиней приплода на 12 лет...» и т. д.), и отбросить итоговые цифры, всюду сопровождающие его примерные вычисления, то получим в ст. 65 очень краткое и вразумительное содержание: жонка с дочерью вырабатывает по гривне на год, и работают они в целях «вырядка», т. е. для того, чтобы получить право ухода от своего хозяина, с которым муж этих оставшихся после его смерти «сирот» заключил ряд. Это — семья рядовича. Аналогичное положение мы имеем в «Псковской Судной Грамоте»: «А у которого человека, у государя, изорник помрет в записи в покрути, а жена у него останется и дети не в записи, а та им покрута платить по той записи».[1] В «Русской Правде» имеется в виду случай, когда рядович умирает, и жена его отрабатывает какие-то предусмотренные рядом обязательства. «Выряд» — это аннулирование «ряда», выход из зависимого положения, созданного рядом. Итак, рядович ни в коем случае не раб. Это, по московской терминологии, один из видов серебреничества. В хорошо всем известной грамоте середины XV в. кн. Михаила Андреевича Кириллову монастырю мы имеем довольно полный перечень поступающих на работу в монастырь людей: это — серебреники, половники, рядовые люди и юрьевские.[2] В грамоте разъясняется, что они могут уходить от своих господ только при условии выплаты серебра. Стало быть, это все, строго говоря, серебреники. Рядовые люди в этом перечне, повидимому, те же рядовичи.

Если рядович не раб, то он также и не наемный рабочий капиталистического общества. Его зависимость чисто феодальная, так как рядович через договор вступает в зависимость крепостнического характера и становится принадлежностью зависимого населения вотчины рядом с рабом, т. е. входит в состав челяди.

Но это, по сравнению с рабством, несомненно явление нового порядка, результат разложения патриархальной общины. Открепленные от средств производства недавние общинники вынуждены итти в эту кабалу. Положение рядовичей, как это видно из «Правды» Ярославичей, очень приниженное. «А в рядовницы княже 5 гривен, а в смерде и в холопе 5 гривен» читаем

---

[1] Псковская Судная Грамота, ст. 85.

[2] А. А. Э., т. I, № 48.

мы там. Эти 5 гривен не что иное, как возмещение убытка, причиненного хозяину-господину убийством челядина, в данном случае рядовича.

Мы не знаем всех условий существования рядовичей, но летописи, однако, дают нам основание думать, что их приниженное и тяжелое положение в момент обострения классовых отношений в связи с усилением наступления землевладельцев на общину определило их позиции в народных движениях, имевших место в XI в. и особенно ярко проявившихся в 1113 г., после чего в Киев и призван был господствующими классами Владимир Мономах.

Он должен был обратить внимание и на рядовичей.

Устав Владимира Мономаха не говорит о рядовичах вообще, а только об их разновидности — закупах, в которых нетрудно увидеть все элементы социальной природы тех же рядовичей.

Закупы

Пересматривать литературу о закупах в целом я не собираюсь. Не могу лишь оставить без рассмотрения мнение Чичерина, заостренное Сергеевичем, о закупе как о наемном рабочем. Действительно, в некоторых редакциях «Правды» закуп называется «наймитом»,[1] но понимать этот термин необходимо так, как его понимали современники «Правды», а не так, как понимаем его мы. Термины часто переживают свое первичное содержание и приспособляются к условиям, совершенно не похожим на обстановку, их породившую. Поэтому совершенно необходимо в изучении подлинных явлений жизни итти не от терминов к выяснению фактов, а самую терминологию объяснить из условий, ее создавших. В памятнике XII в. несколько раз встречается термин «наим» в смысле «лихвы», т. е. процентов на ряду с наймом в нашем смысле. Это сближение двух понятий в одном термине само по себе знаменательно.

В «Вопрошании Кириковом» мы имеем следующее место: «А наим деля, рекше лихвы, тако веляше учить: аже попа, то рци ему: не достоить ти служити, аще того не останеши. А еще простьца (мирянин в противоположность попу), то рци ему: не

---

[1] «Продаст ли господин закупа обель, то наймиту свобода во всех кунах», Карамз. сп., ст. 73.

достоить ти имати наим... Дажь не могут ся хабить (воздержаться), то рци им: будите милосерди, возьмите легко: аще по 5 кун дал еси, а 3 куны возьми или 4».[1] В «Поучении» новгородского епископа Илии читаем: «А и еще слышно и другие попы наим емлюще, еже священническому чину отинудь отречено».[2] Совершенно ясно, что «наим» здесь, как весьма возможно и в «Русской Правде», нужно переводить термином проценты, безуспешно запрещаемые церковными правилами в средние века и на Западе и у нас.

Закуп, названный наймитом, — это человек, не просто продавший свою силу рабочую, но при помощи «долга», через особого рода «ряд», т. е. договор, попавший в особого вида личную зависимость.[3] Однако не следует, на мой взгляд, делать большое ударение и на понятие долга, так как мы и здесь рискуем модернизировать явление и впасть в ошибку. Договор займа совершенно ясно обрисован в «Русской Правде», но задолжавший человек еще не есть закуп. Закуп — зависимый человек, находящийся в тяжелых условиях зависимости. Это одна из обычных категорий феодальной зависимости населения, в какой находились непосредственные производители в средние века вообще. Это те отношения господства и подчинения, на которых базировались феодальные отношения, та несвобода, если говорить об эксплоатируемой стороне, которая в реальной жизни может принимать различные оттенки. Этот «долг» в данном случае играл ту же роль, что и при заключении договора о деревенской служилой кабале в Московском государстве, был условием покупки рабочей силы в уродливой форме феодальной кабалы и, может быть, и здесь, как безусловно в Москве, часто шел не кабальному человеку, а его господину, от которого он переходил под такую же власть к другому. Это та самая кабала, о которой писал в свое время В. И. Ленин: «И «свободный» русский крестьянин в 20-м веке все еще вынужден итти в кабалу к соседнему помещику совершенно так же, как в 11-м веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками».[4]

---

[1] РИБ, т. VI, стр. 1.

[2] Журн. Мин. нар. просв., 1890 г., кн. 10, стр. 287.

[3] Ср. И. И. Яковкин. Закупы «Русской Правды». Журн. Мин. нар. просв., 1913 г., апрель.

[4] Ленинский сборник, IV, стр. 237.

Такой же старый оттенок в понимании термина «наймит» мы, кажется, имеем и в самом начале XIV в. в Москве. В. князь Иван Данилович Калита в своей жалованной грамоте печерским сокольникам освобождает от платежа дани, между прочим, и «наймитов, кто стражет на готовых конех, а в кунах».[1] Не будет большой экзегетической вольностию, если мы признаем в «готовых конех» аналогию с конем, на котором пашет хозяйскую пашню закуп, а в «кунах» — те самые деньги, при посредстве коих закуп становился в особую зависимость от своего господина.

В недавно воскрешенном из забвения очень интересном памятнике, в основе которого совершенно неприкрыто лежит «Русская Правда», этот предмет трактуется также весьма вразумительно. Имею в виду «Правосудие Митрополичье».[2] Статья 27 звучит в несколько исковерканном старым переписчиком виде так (знаки препинания и некоторые исправления мои *Б. Г.*): «А се стоит на суде челядин-наймит, не похоче быти у осподаря;[3] несть ему вины, но дати ему вдвое задаток. А побежит от осподаря, выдати его осподарю в польницу». И ст. 28 и 29: «Аще ли убиет осподарь челядина полного, несть ему душегубства... А закупного ли наймита, то есть душегубство». Из этого текста видно, что закуп входит в состав челяди.

Здесь совершенно отчетливо различаются два вида челяди: челядин полный, т. е. холоп обельный, и челядин-наймит, или «закупный», несомненно не кто иной, как хорошо известный нам закуп.

Напрашивается естественно сравнение со ст. 70 «Русской Правды» (Карамз. сп.). «Оже закупный бежит от господина, то обель; идет ли искать кун, а явлено ходить к князю, или к судьям бежит обиды деля своего господина, то про то не роботят его, но дати ему правду». И того же списка ст. 102: «А в холопе и в робе виры нету, но оже будет без вины убиен, то за холопа и за роба платити урок».[4] Аналогию имеем в «Уставной Двинской грамоте»: «А кто осподарь огрешится ударить своего холопа или робу, и случится смерть, в том наместници не судят, ни

---

1 ААЭ, 1, № 3, 1328—1340 гг.

2 Летопись занятий Археогр. ком., вып. 35.

3 В напечатанном подлиннике «а осподар».

4 «Русская Правда», Карамз. сп., ст. 102.

вины не емлют».[1] Тогда как закупа господин имеет право бить только «про дело».[2]

В «Правосудии Митрополичьем» челядин-наймит, или «закупный», стоит на суде по делу о желании разорвать свои закупнические отношения с господином. Он на это имеет право, но должен в этом случае вернуть своему господину задаток в двойном размере.

Тут закупный наймит выступает в форме зависимого человека, весьма мало похожего на капиталистического рабочего, продавшего свою рабочую силу. Задаток — это тоже не совсем то, что мы привыкли считать под задатком. Наши древние памятники часто употребляют термины «задати», «задатися» в смысле отдаться, принять подданство, поступить под чью-либо власть.[3] Совсем не случайно челядин-наймит поставлен рядом с близким ему по положению челядином полным. «Задаток» — это и есть та сумма денег, которую закуп получил от своего господина при вступлении в зависимое состояние. Это и не совсем то же, что мы сейчас называем ссудой.

Неустойчивость экономической природы крестьянина достаточно известна, чтобы о ней говорить снова. Если принять во внимание, что в феодальный период крестьянина подстерегало много разнообразных бедствий, связанных с феодальным строем, и прежде всего беспрерывные внутренние и внешние войны, то станет вполне понятным массовое разорение смердов, одно из важнейших условий, порождавших закупничество и другие формы феодальной зависимости.

Но одними стихийными бедствиями нельзя, конечно, объяснить происхождение ни этой, ни другой какой-либо формы зависимости. Нельзя забывать, что сейчас мы имеем дело с таким обществом, где отношения зависимости вырастают непосредственно из самого производства, где класс феодалов — земельных монополистов — прибегает к внеэкономическому принуждению как к одному из самых действительных при данных условиях средств подчинения непосредственных производителей. Но едва ли есть какая-либо форма хозяйства, которой было бы не известно и экономическое принуждение в качестве, по крайней

[1] Уставная Двинская грамота, ст. 11.

[2] «Русская Правда», Карамз. сп., ст. 73.

[3] «Чтобы есте задалися за князь великий, а от Новгорода бы есте отнялись». Новгородская I летопись, 1397 г. и др.

мере, подсобного метода присвоения прибавочного продукта. Таким путем попадал в подневольное положение и закуп.

Владимир Мономах, прибывший на Киевский стол в момент восстания низов против господствующих классов и в частности должников против своих кредиторов, рядом компромиссных мер ликвидировал восстание. Очень выразительным памятником его деятельности этого периода служит та часть «Пространной Правды», которая носит заголовок: «А се уставил в. к. Владимерь Всеволодовичь Манамах». Происхождение всех элементов этого «Устава»[1] до сих пор определить не удалось, но не подлежит никакому сомнению, что в своем основном содержании он касался прежде всего вопросов о долгах во всех их формах, и закуп как человек, связанный со своим господином все же через деньги, попал в «Устав» на самом законном основании.

Следы революционного происхождения законодательства о закупах очень заметны. Закупу гарантировано право суда со своим господином и право уходить от господина «искать кун»; довольно точно определены случаи ответственности закупа за господское имущество, значительно защищены имущественные и личные права закупа. Бросается в глаза декларативность, рассчитанная на политический эффект, некоторых статей, касающихся закупа: господин может безнаказанно бить закупа только «про дело», но отнюдь не «без вины», «не смысля» или под пьяную руку. В этих всех гарантиях ясно чувствуется безвыходное положение закупа до восстания 1113 г. и желание законодателя поставить границы, хотя подчас и чисто словесные, господскому произволу.

Если есть основание полагать, что эти «гарантии», сослужив свою службу, преданы были забвению, то едва ли можно сомневаться в полной реальности штрихов, характеризующих положение закупа в господском хозяйстве.

Закупу посвящен специальный отдел в уставе в. к. Владимира Всеволодовича Мономаха, входящем в состав так называемой «Пространной Русской Правды». В виду того, что этот отдел «Правды» «О закупе» (по Карамз. сп., ст. 70—73) один из самых трудных для понимания вообще, почему в нашей литературе в толковании его и существует так много разногласий, остановлюсь на наиболее важных его местах именно для того,

[1] «Русская Правда», Карамз. сп., ст. 66 и др.

чтобы в своих выводах не быть голословным. Ст. 70 о том, что закуп за побег от господина превращается в раба, но что он в то же время может открыто уходить «искать кун», или даже бежать в суд с жалобой на своего господина, достаточно ясна, если не считать не совсем ясного «искания кун». Мне все же кажется, что здесь идет речь о том случае, когда закуп по соглашению со своим господином отправляется раздобывать полученные им от господина в момент заключения договора деньги, в данный момент необходимые закупу для выхода из закупнического состояния. Закуп, стало быть, формально, юридически имеет право ликвидировать свои отношения с господином, подобно московскому кабальному человеку в известной период существования этого института. И, может быть, в этом отношении положение закупа было даже не столь безнадежно, как положение крепостного смерда, едва ли имевшего какие-либо сроки своего освобождения, а если и имевшего, то с очень значительными ограничениями «Правосудие Митрополичье» вполне подтверждает эту правовую реальность для закупа уйти от своего господина: «А се стоит на суде челядин—наймит (это и есть «закупный» *Б. Г.*), не похочет быти у осподаря». Закон ясно говорит: «несть ему вины», но с него в этом случае господин имеет право взыскать «вдвое задаток». Вот для чего закупу необходимо «искать кун».

Две следующие статьи, 71 и 72, возбуждают много споров. Я не буду разбирать каждое мнение в отдельности, а попробую изложить собственное понимание этих двух статей, на мой взгляд напрасно разбитых Н. Калачевым, так как они внутренно между собою связаны. Привожу здесь эти обе статьи целиком. «А оже у господина ролейный закуп будеть, а погубить свойскы конь, то не платити ему (но еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу емлеть, то ему погубившу, платити);[1] аще ли господин его отошлет на свое орудие, а погибнет без него, то ему не платити своему господину (ст. 71). Оже из хлева, из забоя выведуть, то закупу того не платити, но еже погубит на поли или на двор не вженеть и не затворить, где ему господин велел, или орудия своя дея погубит, то ему платити» (стр. 72). Часть текста, взятая мною в скобки, представляется мне пояснительной вставкой на том основании, что она по содер-

---

[1] Скобки мои *Б. Г.*

жанию и по форме вклинивается в текст «Правды», говорящий об очень определенном предмете. Весь этот параграф, разбитый Калачевым на 2 статьи, говорит о ролейном закупе (стало быть закуп может быть и не ролейным, как и кабальный человек московский) и о господском коне, с которым закуп не расстается в своей работе. Предусматривается здесь несколько случаев: 1) господский конь погиб в то время, когда закуп работал им на своего господина (на барщина); 2) господский конь погиб в отсутствие закупа, посланного хозяином на другое дело; 3) коня украли из закрытого помещения, куда его загнал закуп, исполнив таким образом свои обязанности; 4) коня украли по небрежности закупа (он не загнал его куда следовало); 5) хозяйский конь погиб в тот момент, когда закуп работал им на себя. В первых трех случаях закуп за коня не отвечает и убытков в случае погибели коня не возмещает; в двух последних случаях за господского коня закуп обязан платить хозяину стоимость коня.

Вставка относительно плуга и бороны, сделанная по аналогии с сюжетом о коне, мне представляется, имеет следующий смысл: плуг и борону господин закупу «дал», т. е. предоставил ему право пользования этими орудиями под условием возмещения убытка в случае их гибели. Это «дал», ни разу не приложенное к коню, показывает, что коня господин закупу не давал, конь все время находился в господском хлеве или забое, закуп только берет его тогда, когда требуется по ходу работы на хозяина и в отдельных случаях на себя, конечно, с разрешения хозяина; между тем плуг и борона «даны» хозяином закупу, и этот последний держит их у себя дома, на своем участке. Поэтому здесь не может быть никаких случаев: хозяин дал и требует, чтобы закуп ему вернул данную вещь или ее стоимость; никакие детали пользования этими орудиями хозяина решительно не интересуют.

Если купу понимать как оброк, что иногда допускается,[1] тогда необходимо толковать придаточное предложение «от него же купу емлет» в том смысле, что господин, предоставив закупу участок земли, снадбив его орудиями производства во временное пользование, поскольку и сам закуп — зависимый человек лишь на известный срок, сделал его таким образом в некоторой степени

[1] П. А. Аргунов. К пересмотру построений закупничества «Русской Правды». Учен. записки Сарат. гос. унив., 1927, т. VI, в. 4.

рентабельными получает с него небольшой оброк (большим он не может быть, так как главная работа закупа протекает на барщине). Но нужно сказать, что понимание термина «купа» в смысле оброка — это только одно из существующих и допустимых пониманий. Однако весьма возможно, что «купа», входящая своим корнем в термин «закуп», не оброк, а именно та сумма, которую закуп получал от своего господина в момент заключения с ним договора. Такое понимание термина «купа» имеет ряд преимуществ. Противоречит ему лишь то, что в слове «емлет» предполагается систематическая повторяемость действия, между тем как «купа» в смысле денег, полученных от господина закупом, такой повторяемости не допускает. Мне кажется, что коренное родство терминов «закуп» и «купа» скорее говорит о предпочтительности второго понимания слова. Это, повидимому, не оброк, а деньги, при помощи которых недавний смерд приобретал новую социальную оболочку и превращался в закупа.[1]

Далее ст. 73 рассматривает случаи, когда господин мог причинить некоторый ущерб закупу, нарушить свои обязательства или превысить свои права. Тут еще раз мы встречаемся с основными чертами, характеризующими хозяйственное и правовое положение закупа. Вот какие «обиды» может причинить закупу господин: 1) изменить в свою пользу сумму, данную им закупу в момент заключения договора; 2) изменить, конечно в свою пользу, размеры оброка или участка земли, отведенную закупу; 3) сделать попытку эксплоатировать закупа путем отдачи его в наймы или продажи, наконец, 4) побить его не «про дело», а «несмысля, пьян, без вины». Замечание Владимирского Буданова о том, что здесь, в ст. 73, имеется в виду закуп вообще, всякий закуп, мне кажется очень приемлемым.

В отдельных случаях расшифровка ст. 73, мною предложенная, может быть и требует уточнения и поправок (очень трудно брать на себя ответственность за толкование отдельных темных мест источника), но общий смысл их мне кажется ясным, не вызывающим сомнений.

Наконец, в ст. 75 рассматривается casus совершения закупом кражи не у своего господина, а на стороне. За него

---

[1] В своих прежних работах я примыкал ближе к первому варианту понимания термина «купа».

отвечает господин, но в том случае сам закуп превращается в раба.

В «Русской Правде» есть еще ст. 77, которая, решительно запрещая послушествовать холопу, разрешает в малых тяжбах в случаях необходимости («в мале тяже по нуже») привлекать к послушеству закупа.

Вот, собственно говоря, и все, что нам известно о закупе.

Все наши наблюдения позволяют, как мне кажется, сделать ряд вполне обоснованных выводов.

Закуп — зависимый от феодала человек. Зависимость устанавливается актом выдачи господином некоторой суммы денег, которые закуп должен вернуть, если пожелает уйти от своего хозяина. Зависимость закупа срочная. Закуп может выполнять самую разнообразную работу во дворе господина. Так называемый ролейный закуп связан целиком с сельским хозяйством господина. Повидимому, либо этот вид закупничества был особенно распространен, либо с ролейным закупничеством связывалось большее количество casus'ов, влекущих судебное вмешательство, но факт остается фактом, что именно ролейному закупу в уставе Владимира Мономаха отведено больше всего внимания. Ролейный закуп вне барского двора и барского хозяйства не мыслится: он пашет господским плугом барскую пашню, боронит господской бороной, запрягает в них господского коня, стережет господских коней, загоняет их во двор и в хлев, исполняет всякие другие хозяйские распоряжения; в то же время у него имеется и свое собственное хозяйство на участке земли, полученном от господина. Трудно более ясно показать форму эксплоатации закупа. Перед нами один из видов отработочной ренты.

Итак, по своему происхождению закуп — это в большинстве случаев недавний смерд, лишенный средств производства и вынужденный экономической необходимостью искать заработка у крупного землевладельца. Это один из симптомов разрушения соседской общины под натиском надвигающихся феодальных отношений.

Едва ли может быть какое-либо сомнение в том, что закуп есть одна из разновидностей рядовичей. Трудно также не согласиться и с тем, что закуп, постоянно работающий во дворе своего господина рядом с холопом, входит в состав барской челяди.

Самый термин «вдач» не может считаться точно установленным, так как в ряде редакций «Русской Правды» вместо «вдач» (Карамз. сп.) мы имеем разночтение «в даче» (Синод., Троицк. сп. и др.). Если допустить законность самого термина, то сущность вдача определяется только одной статьей «Пространной Правды». «Вдачь не холоп, и ни по хлебе робят, ни по придатце; но оже не ходять год, то ворочати ему милость; отходить ли то не виноват есть» (ст. 123 Карамз. сп.), т. е. долг, взятый хлебом или деньгами, не превращает должника в раба; долг подлежит либо возврату, либо отработке в определенный срок.

Владимирский-Буданов полагает, что «здесь указывается источник одного рода закупничества».[1] Сергеевич цитирует этот текст по списку Мусина-Пушкина: «Вда цену не холоп...» По мнению Сергеевича, эта статья имеет в виду «рабочих, нанимаемых на определенный годовой срок и получающих вперед годовую плату. Плата эта дается или натурой (хлебом и каким-то придатком к денежной наемной плате) или деньгами (вда цену)».[2]

Едва ли, однако, можно согласиться с толкованием термина, предложенным Сергеевичем. Прежде всего недоказанным здесь является понимание слова «придаток». Придаток ведь можно понимать и иначе. Владимирский-Буданов, хотя и неуверенно, но склонен под «придатком» разуметь процент. И едва ли это будет неправильно.

Вся статья говорит не о найме в смысле капиталистического найма, а о привлечении на работу людей путем выдачи хлеба или денег, которые вполне естественно подразумевают проценты, причем самая «дача» есть не столько просто способ непосредственного привлечения рабочей силы, хотя несомненно таким путем привлекалась рабочая сила, сколько это привлечение есть следствие, вытекающее из невозможности для должника погасить долг. Долг может быть погашен работой на срок, и совершенно не обязательно, как думает Сергеевич, годовой, потому что слово «год» значит чаще всего время вообще, и в «Русской Правде», когда требуется обозначить определенное количество времени,

---

[1] Владимирский-Буданов. Хрестоматия, изд. 1908 г., вып. 1, стр. 65, прим. 160.

[2] Сергеевич. Русск. юрид. древн., изд. 1902 г., т. I, стр. 191.

равное году в нашем смысле слова, употребляется термин «лето»: «А жонка с дочерью тем страды на 12 лет, по гривне на лето»[1] и т. д. Так что естественнее под вдачем разуметь бедного человека, берущего в долг хлеб или деньги, может быть, обязующегося при этом и отработать этот свой долг в определенный срок. Конечно, вдач близок закупу. Во всяком случае эти оба социальные явления одного и того же происхождения. Это тоже одна из разновидностей рядовича.

3. Смерды

В «Правде» Ярославичей в составе рабочего состава барского имения упоминается и смерд. Каким образом он попал сюда, каково его здесь положение, станет ясным после того, как мы разберем вопрос о том, кто такой смерд вообще.

Можно смело сказать, что нет ни одного историка России, который бы не пытался определить юридическую природу смерда, и тем не менее вопрос до сих пор остается открытым. Один из наиболее глубоких исследователей писал в 1909 г.: «Вопросу о древнерусских смердах суждено, повидимому, оставаться крайне спорным надолго, быть может, навсегда. Причина тому в скудости данных, какими располагаем: несколько случайных упоминаний в летописи да тексты «Русской Правды».[2] Уже в революционное время вышла специальная работа С. В. Юшкова, интересная между прочим тем, что автору удалось расширить рамки своего наблюдения и привлечь к решению вопроса новый материал.[3] В последнее время в общих трудах по истории Украины и Киевской Руси отводится вопросу о смердах видное место, и, на мой взгляд, вопрос близится к своему правильному решению.[4]

---

[1] Карамзинский список, ст. 65.

[2] А. Е. Пресняков. Княжое право, СПб. 1909, стр. 287.

[3] С. В. Юшков. К вопросу о смердах. Ученые записки Сарат. унив., т. I, в. 4.

[4] Н. Л. Рубинштейн. Нарис історії Київської Руси, стр. 50, 1930. Історія України, т. І. Передкапіталістична доба, стр. 26—32, 1932 (ВУАМЛ ІН). Против утверждения, что смерд, закуп и холоп — это три пути (шляхи) развития феодализма, нахожу нужным решительно протестовать. Б. Тихомиров. Проблема «вторичного» закрепления крестьянства и крестьянский выход. Историк-марксист, 1932, кн. 3 (25), стр. 123—128. Совсем недавно появились еще две попытки осветить вопрос о смердах: С. В. Вознесенский.

Причина неудач в разрешении вопроса у прежних исследователей крылась, а отчасти и кроется, не столько в недостаточности источников, сколько в неправильной постановке вопроса, т. е. дело не столько в материале, сколько в методе исследования. Почти все авторы многочисленных попыток решить задачу исходят из положения, что смерды представляют социальную группу, имеющую единые законченные юридические признаки, которые и надлежит вскрыть науке. Отсюда Лешков, Никольский, Цитович и многие другие смотрят на них как на «людей князя», стоящих в особой частно-правовой зависимости от него. Ключевский считает их государственными крестьянами, Сергеевич находит два смысла в термине «смерд»: широкий и тесный; в первом смысле это — свободный человек небольшого достатка в противоположность людям крупным и князьям, во втором — пахарь, сельский работник и т. д. С. В. Юшков определяет смерда как «особый разряд сельского населения»; по его мнению, это — полусвободные люди, напоминающие homines pertinentes западного средневековья.

Но можно ли ставить так вопрос? Можно ли дать, напр., единое исчерпывающее юридическое определение крестьянина Московской Руси XVI—XVII вв. даже при большом сравнительно обилии материалов? Думаю, что нет. Черносошный крестьянин и крестьянин помещичий, не говоря уже о более дробном расчленении этой большой группы сельского населения, будет представлять собой различные юридические категории. На мой взгляд, необходимо отказаться от попытки дать единую юридическую формулировку явлению, не имевшему юридического единства и в конкретной действительности. Необходимо подойти к решению задачи с мыслью о сложности и разнообразии правовых положений в крестьянской среде, и если искать точного общего определения, то нужно обращаться к терминам не юридическим, а экономическим, стараться найти место смерда в определенной исторической системе производства.

С этой точки зрения крестьянин есть непосредственный производитель, владеющий своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда, необходимыми

К вопросу о феодализме в России (по поводу книги Б. Д. Грекова «Очерки по истории феодализма в России»); Проблема истории докапиталистических обществ, 1934 г., № 7—8 (там же мой ответ С. В. Вознесенскому) и С. Н. Чернов. О смердах Руси XI—XII вв. «Академия Наук Н. Я. Марру», 1935 г.

для реализации его труда и для производства средств его существования, самостоятельно ведущий свое земледелие, как и связанную с ним деревенско-домашнюю промышленность.[1]

Что же касается юридических признаков, то крестьяне могут быть либо свободными земледельцами, либо зависимыми в разной степени и форме от землевладельцев как светских, так и церковных. Общая тенденция в юридической судьбе крестьянина в период феодализации общества есть превращение его из свободного в подвластного, платящего оброк, отбывающего барщину, или даже становящегося крепостным.

В Германии XII—XIII вв. только к востоку от Рейна находилась некоторая наличность свободных крестьян. Вся же масса крестьян к этому времени оказалась в крепостной зависимости от феодалов. И свободный и зависимый крестьянин сохраняет, однако, свою экономическую сущность — это всегда владеющий средствами производства земледелец. Только в этом смысле и можно говорить об исчерпывающем определении этого класса.

Киевский и новгородский смерд есть не кто иной, как крестьянин в смысле только что данного определения. Иначе никак нельзя понять ни статей «Русского Правды», ни известных мест летописей, и совершенно нет никакого основания приходить в отчаяние от невозможности свести смерда к какому-либо единству юридического положения: смерд может быть и свободным общинником и зависимым, вырванным из общины, человеком, может оказаться в зависимости и не порывая связи с общиной, поскольку вся общинная земля с сидящим на ней населением могла попасть и попадала под власть любого землевладельца: князя, княжеского дружинника, церковного учреждения. Характер зависимости совершенно не мыслится обязательно во всех случаях однородным.[2] Я не собираюсь приводить здесь все известные места наших источников о смердах полностью, но считаю нужным указать на те из них, которые могут подтвердить только-что высказанное мною положение.

---

[1] Раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно. [illegible]

[2] Этим утверждением я отнюдь не собираюсь отвергать значения юридических признаков в положении любого из общественных классов. В качестве показателей эволюционных этапов эти признаки, конечно, должны занять свое определенное место в процессе изучения истории общественно-экономических отношений.

Исходя из положения, что между социальной природой киевского и новгородского смердов принципиальной разницы нет, дальнейшие выводы свои относительно смердов строю как на новгородском, так и на киевском материале, конечно, с учетом особенностей в истории южной и северной частей «империи Рюриковичей».

Смерды есть основное население новгородских погостов, если судить по всем известным текстам договорных новгородских грамот со своими князьями («кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потянет в свой погост: тако пошло в Новегороде»). Грамоты говорят о том, что так «пошло», т. е. это старина. Когда те же грамоты хотят исчерпывающим образом назвать все новгородское население, сельское и городское, то пользуются двумя терминами «смерд» и «купчина», под смердами несомненно разумея всю массу сельского населения. То же мы можем видеть и позднее. Вот давно напечатанная и достаточно забытая «ободная грамота» 1375 г. «Се докончаша мир в мир с Челомужским бояриным з Григорьем Семеновичем и с его детьми...староста Вымоченского погосту Артемий, прозвищем Оря, со всем племенем, да *шунские смерды*: Иван Герасимов да Василий, прозвищем Стойвов, Глебовы да Игнатий, прозвищем Игоча, да Осафей Перфильева дети, да и *вси шунжане*... мир взяли в межу в Челмужском погосте, урядили (дальше идет определение границ спорной земли)... и не вступатися нам в тую Григорьеву землю да и в ту межу..., владети тою межою Челмужскому боярину Григорью и его детям во веки».[1] Если признать эту грамоту подлинной и, стало быть, заслуживающей доверия, то придется отметить, что здесь, повидимому, изображены шунгские смерды в качестве общинников-землевладельцев, у которых был какой-то спор по земле с соседом, челмужским бояриным, разрешившийся миром и новой фиксацией земельных границ. Не приходится сомневаться, что совершенно таких же смердов имеет в виду новгородская летопись в рассказе о походе новгородцев на Югру, когда осажденная Югра в 1193 г. говорит осаждающим: «... а не губите своих смерд и своей дани».[2]

[1] Чтения Моск. общ. ист. и древн. Росс., 1868 г., кн. 1. Палеостров, стр. 138—139. Ср. Н. С. Чаев. Северные грамоты. Летопись занятий Археогр. ком., вып. 35, стр. 157, № 53.

[2] Новгородская I летопись, под 1193 г.

Знаменитая речь Владимира Мономаха на Долобском съезде несомненно рисует нам смерда пахарем, имеющим свою лошадь, гумно и всякое «имение».[1] В старинных переводах слову «смерд» соответствует греческое «ἰδιώτης γεωργός», т. е. собственник-земледелец.[2] Это основная масса сельского населения, обложенная данью. Под 1169 г. в Новгородской I летописи записан поход новгородцев на Суздаль, где между прочим сказано: «и отступиша новгородцы и опять воротишася и взяша всю дань, на суздальских смердех другую».[3] Под 1229 г. в той же Новгородской летописи записано: «прииде князь Михаил из Чернигова в Новгород... и целова крест на всей воли новгородьстей и на всех грамотах ярославлих и вда свободу смердом на 5 лет дани не платити, кто сбежал на чужую землю; а сим повеле, кто сде живет, како уставили переднии князи, тако платити дань». Так, кн. Михаил восстановляет старину, которую нарушил посадник Дмитр Мирошкинич, следствием чего было восстание 1209 г. и массовое бегство крестьян «на чужую землю».[4]

Существование так наз. свободных смердов не подлежит сомнению. Здесь дело совершенно ясное.

---

[1] Ипатьевская летопись, под 1103 и 1111 гг.

[2] Лаппо-Данилевский. Очерки истории образования главных разрядов крестьянского населения в России. Крестьянский строй, стр. 5.

[3] Новгородская I летопись, стр. 149, изд. 1888 г.

[4] Новгородская I летопись, стр. 230, изд. 1888 г. Никоновская летопись искажает этот текст и передает так: «даде всем людем бедным и должным льготы на 5 лет дани не платить, а которые с земли бежали в долзех тем платите дань, како уставили прежнии князи, или без лихв полетья». Автор Никоновский летописи, как это часто бывает с историками, модернизирует явления и толкует старые факты применительно к современным ему отношениям, но здесь несомненно разумеется поощрительная мера для беглых крестьян, желающих вернуться на старые места жительства. Совершенно аналогичные случаи и соответствующую тактику феодалов мы можем наблюдать в Московском государстве ранней поры. В. к. Василий Дмитриевич перешедшим к нему крестьянам из иных княжений давал льготу на 10 лет, а тутошним только на 3 года. ААЭ, т. I, № 21, 1433 г. Углицкий князь Андрей Васильевич в таких же случаях давал льготу на 20 и на 10 лет. ААЭ, т. I, № 102, 1476 г. и т. д. Новгород дорожит смердами прежде всего как плательщиками податей. С. В. Юшков отдает предпочтение Никоновской летописи перед Новгородской, на мой взгляд, без достаточных к тому оснований. Уч. зап. Сарат. унив., т. I, вып. 4, стр. 73. С. Н. Чернов полагает, что здесь смерды бегут с государственных земель на частные, но ничем своей мысли не доказывает. «О смердах Руси XI—XII вв.» Сб. «Акад. Наук Н. Я. Марру», стр. 771.

Это самая значительная часть населения Киевского государства если понимать этот последний термин в самом широком политическом значении. Об этом весьма красноречиво говорит и топонимика. «Ни одно социальное обозначение, — говорит по этому поводу новейший исследователь вопроса, — не дало столь богатого и столь разнообразного по форме производных отражений в топонимике, как слово «смерд».[1] Тот же автор указывает громадные пределы распространения этого термина: на первом месте в этом отношении стоит Новгородско-Псковская область, к ней примыкают северная и с.-в. часть Двинской области и с.-з. часть б. Вятской губернии; вторая большая группа земель, хорошо знающих этот термин — Волынь, Подолия, Холмщина, Галиция, Малая Польша; к ним примыкают Познань, Силезия и Вост. Пруссия. Значительно распространен термин в Белорусских и Литовских землях, в районах Ковно, Вильно, Гродно. Очень редко встречается термин в верхнем Поволжье (районы Твери, Владимира и Ярославля). Здесь термин замирает. На западе этот термин известен еще в некоторых частях Германии.

Но смерды в XI в. были не только свободными крестьянами-общинниками. Часть их несомненно уже успела попасть в зависимость к феодалам.

Старая историография этой стороны вопроса о смердах почти не замечала. Совершенно ясно о зависимых смердах говорил лишь Владимирский-Буданов. «Русская Правда» и летописи, по его мнению, «содержат в себе... указания на бесправное положение смердов, но такие указания относятся к смердам в теснейшем смысле, т. е. прикрепленным». «...Положение свободных крестьян было далеко от гражданского полноправия и легко могло перейти в состояние прикрепленных. Прикрепление могло быть или временное или всегдашнее. Временное прикрепление есть ролейное закупничество «Русской Правды», которое образуется из долгового обязательства смерда землевладельцу...» «...Прикрепленные смерды были многочисленны уже в древнейшее время: «Русская Правда» древнейшая уравнивает штраф за убийство холопа и смерда».[2] О «господских смердах» говорит и Павлов-Сильванский.[3]

---

[1] Рыдзевская Е. А. Слово «смерд» в топонимике. Проблемы источниковедения, вып. 2, изд. Ист.-археогр. инст. Академии Наук СССР.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, стр. 34—36, изд. 5-е.

[3] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 222.

В ближайшее к нам время появились работы, уделяющие этому предмету серьезное внимание. Разумею статью С. В. Юшкова «К сопросу о смердах»,[1] Н. Максименко «Про смердів Рускоі Правди»,[2] Б. Н. Тихомирова «Проблема вторичного закрепощения и крестьянский выход»[3] и др.

Здесь проблема ставится по-новому и, мне кажется, правильно, что не мешает мне, однако, расходиться с некоторыми положениями этих авторов. Спешу заранее оговориться, что основное расхождение с некоторыми из указанных авторов заключается у меня в том, что я различаю две группы смердов: 1) данников, не попавших в частную феодальную зависимость от землевладельцев, и 2) освоенных феодалами смердов, находящихся в той или иной степени зависимости от своих господ.

Аргументы, выдвигаемые этими авторами в доказательство зависимости второй категории смердов, за отдельными исключениями кажутся мне вполне убедительными.

Попробуем собрать указания источников по этому предмету.

Смерды, в качестве одной из категорий зависимого от феодала населения вотчины, по своему приниженному положению весьма близки к холопам.

Важные постановления «Русской Правды» о смердах содержатся в «Правде» Ярославичей и ее дополнениях, т. е. в «Правде» по преимуществу княжой и имеющей назначение оградить прежде всего интересы княжеского двора и хозяйства. В числе зависимых от князей людей, сидящих в его вотчине и обслуживающих ее, называются и смерды: «в рядовници княже 5 гривен, а в смерде и в холопе 5 гривен».[4] Рядовичи, смерды и холопы рассматри-

---

[1] Ученые записки Гос. Сарат. унив., т. I, вып. 4, Саратов, 1932.

[2] Парці Ком. для нивгувания инст. західньо-русского та вкраінського права, вып. III.

[3] Историк-марксист, 1932 г., № 3 (25).

[4] Не только в старой литературе, но и в новейшей вопрос о том, какому варианту отдавать предпочтение — «в смерде и в холопе» (Акад. сп., Карамз., большинство других) или же в «смердии холопе» (Троицкий сп.) — дебатируется с большой остротой. Старой литературы сейчас я касаться не буду, так как самый вопрос там ставился в иной плоскости. В новейшей литературе он поставлен очень остро: считать ли зависимого смерда низведенным в социальном положении в некоторых отношениях до уровня холопа, или же возвести смерда, упоминаемого в данном тексте, в ранг эксплоататоров

ваются рядом, и наказание за их убийство кладется одинаковое. Если мы всмотримся в другие источники, то увидим, что это обычное явление: смерды и холопы почти всегда трактуются вместе.

Села, принадлежащие феодалам, в X в., по сообщению Татищева, имевшего на то серьезные основания, были населены рабами и смердами. В «Вопрошании Кириковом», памятнике XII в., мы имеем подтверждение слов Татищева. Там прямо сказано, что смерды населяют села. Замечательно, что Кирик о рабах не упомянул. Очевидно, главной массой населения сел были все-таки смерды. «А смерд деля помолвих, иже по селом живуть». Татищев сообщает, что по договору Владимира I с болгарами этим последним запрещалось торговать непосредственно со смердами и огневшиной (челядь). Очевидно, феодалы сохраняют это право исключительно за собой.

Князья требуют от Ростиславичей выдачи смердов и холопов: «а холопы наши и смерды выдайта».[1] Ростовцы высокомерно говорили о владимирцах: «несть бо свое княжение град Владимир, но пригород есть наш, а наши смерды в нем живут и холопы...»[2]

Буквально то же мы видим и позднее в Новгороде, где по договору Новгорода с Казимиром IV запрещается принимать жалобы на хозяев со стороны смердов и холопов; в договоры, заключаемые с соседними государствами, включается условие о выдаче

холопского труда, признавать его рабовладельцем? В последней дискуссии раздавались голоса, поддерживающие вторую точку зрения, с чем на мой взгляд согласиться невозможно по следующим мотивам: в «Правде» Яросла-
взгляд согласиться невозможно по следующим мотивам: в «Правде» Яросла-
вичей, откуда и идет этот текст, вообще говорится о смерде, живущем в княжеской вотчине и зависимом от князя как землевладельца. Здесь изображается княжеское имение, которое для данного времени без крестьянина уже немыслимо. Рядом со смердом работают тут и другие категории зависимого от феодала населения, между ними рабы занимают и в XI в. количественно видное место. Стало быть, предполагать в этой «Правде» смерда-еще не феодализированного, едва ли возможно. Наконец, наши источники решительно противоречат представлению о смерде как о зажиточном человеке, имеющем в своем распоряжении рабскую силу. «Худой смерд» — это самое обычное представление о смерде во всей нашей древней литературе. Смерд — свободный общинник, имеющий возможность эксплоатировать чужой труд, хотя принципиально и допустим, но фактически, явление очень редкое. Во всяком случае не о нем говорит «Правда» Ярославичей.

[1] Ипатьевская летопись, 1100 г., стр. 181, изд. 1871 г.

[2] Никоновская летопись, под 1177 г.

сбежавших смердов и холопов. Едва ли более высокое положение смердов можно усмотреть и в известном сообщении Новгородской I летописи под 1016 г., когда кн. Ярослав, отпуская новгородцев, помогавших ему овладеть киевским столом, «нача вое делити: старостам по 10 гривен, а смердам по гривне, а новгородьчем (т. е. горожанам) по 10 всем».[1]

В различных редакциях Печерского патерика терминами «рабы» и «смерды» переписчики пользуются альтернативно. Так, в «Слове о преподобных отцех Федоре и Василии» рассказывается о том, как Василий заставил бесов работать на братию. Униженные таким образом бесы, «аки раби куплени, работають и древа носят на гору». В этом месте другой вариант патерика заменяет слово «рабы» словом «смерды».[2]

В докончаньи Новгорода с королем Казимиром, правда уже 1440 г., говорится: «а межи собою нам будучи в любви, за холопа, за робу, за должника, за разбойника и за смерда не стояти ни мне ни вам, а выдати его по исправе».[3] Эти смерды должны выдаваться не в качестве преступников, о которых говорится особо, а именно в качестве смердов, которые и здесь ставятся рядом с холопами. Ганзейские купцы новгородских смердов считают принадлежащими их господам, которые и являются ответственными за их преступления. «Смерды *ваши*, — говорят они новгородским боярам, — и вы повинны по праву за них отвечать».[4] Связь смерда с княжеским хозяйством обнаруживается и в том факте, что княжеские кони, повидимому, пасутся на одном лугу со смердьими и отличаются от смердьих особым тавром — «пятно». Смердов как феодально зависимых от князя запрещается мучить «без княжа слова», подобно тому как и иных людей, принадлежащих к княжескому двору (огнищанин, тиун, мечник. «Рус. Правда», Академ. сп., ст. ст. 31 и 32). Смерды-волхвы в 1071 г. и ссылались на это свое право: «нама стати перед Святославом, а ты, — обращались они к Яну Вышатичу, — не можеши створити ничто же». Тут не может быть и речи о подданстве, так как белозерцы были тоже под данью кн. Святослава, а между тем невоз-

---

[1] Собр. гос. грам. и договоров, т. I, стр. 28 и др

[1] Новгородская I летопись, стр. 84, изд. 1888 г.

[2] Патерик Киево-Печерского монастыря, стр. 118, изд. 1911 г.

[3] АЗР, 1, № 39.

[4] «Smerdi vestri sunt et idcirco de jure tenemini respondere». Sartorius, Urkundliche Geschichte des Ursprungs Hanse, вып. 2, т. XXIII, стр. 165.

можно предположить, что без княжа слова княжеский воевода не мог судить вообще белозерцев. Повидимому, княжие смерды, о которых здесь идет речь, принадлежали к феодальной вотчинной юрисдикции князя.

Статьи «Русской Правды»: «Оже кто ударит мечем, не вынез его, или рукоятью, то 12 гривен продажи за обиду» (ст. 19 Карамз. сп.), «Оже кто ударит кого батогом, или чешею, или рогом, либо тылисницею, то 12 гривен...» (ст. 21 Карамз. сп.) не относятся к смердам. Иначе необходимо было бы допустить совершенно нелепую мысль о том, что убийство смерда карается легче, чем нанесение ему побоев. Или же, если думать иначе, необходимо допустить, что в ст. 22 «Правды» Ярославичей указывается только возмещение феодала за понесенный им материальный ущерб от убийства смерда, а уголовный штраф, о котором там ничего не сказано, подразумевается.

Имущество смерда, не имеющего сыновей, переходит к князю как землевладельцу-феодалу.[1] Князья распоряжаются своею землею вместе с населяющими ее смердами. Правда, прямых доказательств этого у нас нет, но достаточно убедительные косвенные имеются. В 30-х годах XIII в., правда, рязанские князья Ингвар, Олег и Юрий вместе с 300 бояр и 600 мужей дали монастырю «9 земель бортных и 5 погостов» с 1010 «семьями», несомненно не холопскими, а именно крестьянскими, т. е. по терминологии киевской и новгородской — смердьими.[2] Если признать правильным чтение и толкование грамоты кн. Изяслава Мстиславовича Пантелеймонову монастырю 1136—1154 гг., предлагаемое С. В. Юшковым:[3] «село Витославицы и смерды» вместо прежнего и «Смерды», т. е. если отказаться под словом «смерды» подразумевать географическое наименование и понимать его как обозначение определенного общественного класса, то мы получим еще одно прямое доказательство тому, что часть смердов уже находилась в феодальной зависимости в XI и XII вв.

Положение не княжеских смердов принципиально ничем не отличается от положения смердов в княжеской вотчине и не может быть качественно иным. Заинтересованность дружинников в смердах, в их конях и пашне несомненна.

---

[1] «Русская Правда», Карамз. сп., ст. 103.

[2] АИ, 1, № 2.

[3] С. В. Юшков. Феодальные отношения в Киевской Руси. Учен. зап. Сарат. унив., 1925 г., т. III, стр. 39.

Трудно иначе понять запись в Ипатьевской летописи под 1111 г., когда съехались по инициативе Владимира Мономаха князья и их дружинники в Долобске. «Седоша в едином шатре Святополк со *своею дружиною*, а Владимир с *своею*. И бывшу молчанию. И рече Владимир: «брате, ты еси старей, почни глаголати, яко быхом промыслили о Руськой земли». И рече Святополк: «брате, ты почни». И рече Владимир: «како я хочу молвити, а на мя хотять молвити *твоя дружина* и *моя* рекуще: хочеть погубити смерды и ролью смердом. . .»[1] Этих подробностей нет в записи о том же предмете под 1103 г. Между тем деталь, изложенная в тексте 1111 г., очень характерна. Чем объяснить заинтересованность дружинников в смердьей пашне, как не тем, что эти смерды жили в селах дружинников и были обязаны отдавать часть прибавочного труда своим господам в той или иной форме. На это же обстоятельство намекают и другие места той же летописи. В 1146 г. «разграбиша кияне... домы дружины Игоревы и Всеволоже и села и скоты...» Князь Изяслав говорит своей дружине в 1150 г.: «вы есте по мне из Русскые земли вышли, своих сел и своих жизней лишився». Тот же князь в 1148 г. говорил своей дружине о черниговских князьях: «се есмы села их подожгли вся, и жизнь их всю, и они к нам не выйдут; а пойдем к Любчю, идеже их есть вся жизнь».[2] В этих селах, как мы видели, жила «огневшина» (челядь) и смерды. Несомненно также и то, что вопрос о наборе смердьих коней разрешается не княжеской властью, а зависит от самих дружинников. Повидимому, то же можно сказать и об участии в войске самих смердов. Эти зависимые смерды знают прежде всего своих господ-феодалов. В селах Галицкой земли в XIV—XV вв. владельческие крестьяне, т. е. находившиеся в феодальной зависимости,[3] пользовались лишь ограниченным правом выхода. Совсем не имеет его крестьянин, положенный в число (in numero).[4]

О том, что отношения в княжеской и боярской вотчинах принципиально ничем не отличаются, хотя и не прямо, но косвенно говорит характерная приписка, сделанная к ст. 11 (Карамз. и Троицк. списков) «Русской Правды», где идет речь о княжеских

---

[1] Ипатьевская летопись, под 1103 и 1111 гг.

[2] Ипатьевская летопись, под 1146, 1148, 1150 и 1177 гг.

[3] Сидевшие на «русском праве».

[4] И. А. Линниченко. Черты из истории сословий в Юго-зап. (Галицкой) Руси XIV—XV вв.

людях — сельском или ратайном тиуне и о рядовиче («А в сельском тиуне княже или в ратайной 12 гривен, а рядовичь 5 гривен») — «тако же и за бояреск».

Совершенно ясный смысл этой приписки должен быть распространен и на смежные статьи, трактующие о других деталях княжеской вотчины.

Очень много споров вызывала и вызывает ст. 85 Троицкого и ст. 103 Карамзинского списков: «Оже смерд умреть без дети (цитирую по Карамз. сп.), то задница князю; оже будуть у него дьщери дома, то даяти часть на ня; аже ли будуть за мужьями, то не дати части». О каком смерде здесь говорится? Если это смерд, независимый непосредственно от феодала, свободный член сельской общины, тогда непонятно, как князь может осуществить свое право наследования. Если же это смерд княжеский крепостной, тогда статья делается понятной, но является вопрос, можно ли это правило распространить и на не княжеских смердов, зависимых от других феодалов. На этот счет мы, кажется, имеем положительные показания в Уставе кн. Ярослава Всеволодовича о церковных судах, где говорится обо всех «домовых» людях, и церковных и монастырских, куда совершенно естественно включить и смердов. «Безатщина» этих людей, т. е. их имущество, при отсутствии прямых наследников «епископу идет».

Мне кажется, что мы очень значительно приблизимся к правильному решению вопроса, приняв во внимание аналогичную статью древнейшей «Польской Правды», которая совершенно определенно говорит о том, что князь как князь тут не причем, что это правило касается всякой феодальной вотчины этого периода. В так называемой «Польской Правде», записанной в XIII в., в ст. XXII читаем: «Если умрет крестьянин (конечно, крепостной *Б. Г.*), не имея сына, господин берет его имущество, но должен дать жене ее подушки... покрывала и из имущества мужа корову . . . или что-либо из другого скота, чем бы она себя могла содержать».[1] Вислицкий статут Казимира Великого (1374 г.) в статье «De bonis derelictis post mortem villanorum vel civium absque prole decedentium» считает старый закон, по которому господа наследовали имущество своих бездетно (без сыновей) умерших крестьян, несправедливым и отменяет его.[2]

---

[1] Helcel Antoni. Starodawne prawa polskiego pomniki, стр. 26, 1870.
[2] Volumina legum, I, стр. 11. Акты Западной России, т. I, № 2.

Этот Вислицкий статут был одновременно приспособлен и для русского населения Галицкой земли, вошедшей в состав Польши, и в этой приспособленной редакции он особенно ценен для историка Киевского государства. Интересно отметить терминологию этого статута, где целый ряд терминов буквально соответствует «Правде Русской»: «свада», «копа», «уражен», «раны кровавая и синьевая» и много других; среди них, что для нас в данном случае особенно ценно, имеется и термин «смерд», тождественный термину «кмет» других вариантов того же статута «О смерде, который забьет другого смердя» (ст. 56). «Много смердов из одного села до другого села не могут без воли пана своего ити» (ст. 70).

Близость Вислицкого статута в специально для украинского населения приспособленной редакции «Русской Правды» несомненна. Тут мы имеем как раз и статью, соответствующую статье «Русской Правды» о смердьей заднице. Она в приспособленной редакции озаглавлена так: «О пустовщине сельской, а любо местьской» и имеет следующее содержание: «Коли же который люд, а любо кметь (смерд) умрет без детей, тогды пан его увязуется в пустовщину. Про то мы ныне укладаем тот обычай: аж того имения, будет ли уставляемы-бы келих учинен был за полторы гривны к церкви, где прибегал (имеется в виду «приход», приходская церковь *Б. Г.*); а остаток, што ближним и приятелем штобы дано».[1]

Господа лишаются права наследовать после зависимых от них людей, умерших без мужского потомства. Отменяется старый обычай, признаный сейчас противоречащим справедливости и нелепым. Очевидно, произошло нечто такое, что заставило считать нелепостью этот старый обычай, известный одинаково и Русской и Польской «Правдам».

---

[1] Акты Западной России, 1, № 2, стр. 10. Эта статья в латинском текст статута несколько полнее:

«Abusiva consvetudine noscitur esse observatum, quod cum aliqui kmethones, seu rustici, vel alii civiles homines, absque prole de hac luce decedunt: ipsorum omnia bona mobilia et immobilia nomine vulgariter puscizna domini eorundem consveverant occupare. Unde nos eandem consvetudinem, ut vero contrariam et absurdam reputantes statuimus, quod de bonis eorundem decedentium si tantum reperiatur in eisdem bonis, calix pro marca cum media ecclesiae parochiali dandus comparetur reliqua vero bona, ad proximos consangvineos, vel affines, cessante quolibet impedimento devolvantur, prout aequitas et justitia svadent. Volumina legum, т. I, 1859, стр. II.

Я думаю, что мы здесь имеем дело с новыми пластами крестьянства, попавшего в феодальную зависимость, с новым этапом в формах эксплоатации зависимого от феодалов населения, именно с тем этапом, когда при условии широкого распространения ренты продуктами крестьяне в интересах своих господ должны были получить некоторый простор для своей хозяйственной деятельности.

Это и есть то самое первое расширение самостоятельности зависимых крестьян,[1] о котором говорил В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России», применительно к периоду господства ренты продуктами.

Конечно, смерды Вислицкого статута не те смерды, которые настолько близко соприкасались с барской челядью, а в том числе и с холопской ее частью, что сами приобретали много черт холопства и едва ли имели право по своему усмотрению свободно уходить от своего господина. В Польше, куда в XIV в. попали галицкие смерды и которых имеет в виду Вислицкий статут, беглых смердов в XIII в. во всяком случае ловили, наказывали и водворяли к прежним хозяевам.[2] Польша, точно так же как Киевское государство, знает оба вида смердов-кметов: 1) крепостных, очень близко примыкающих к барской челяди, и 2) зависимых в той или иной степени общинников, обязанных своим господам рентой продуктами. Если челядь как основной контингент эксплоатируемой в барской вотчине рабочей силы имела тенденцию к постепенному исчезновению, то эксплоатация непосредственного производителя, сидящего в деревне на своем (хотя уже и не собственном) участке земли, в той или иной форме интенсивно развивалась.

Главный интерес феодалов сосредоточен теперь на массовом деревенском населении — крестьянстве, и понятно, почему Вислицкий статут, одной рукой отменяя закон, ставший анахронизмом, другой подчеркивает новый, ставящий целью укрепление за феодалом новых пластов крестьянства.

«Частокрот бывают села пусты панов, — читаем в том же статуте, — коли селяне идут прочь от своих панов без вины (в латин-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. III, изд. 1935 г., стр. 127.

[2] Milosca. . . quem W. abbas. . . convictum, in eodem loco reposuit (1222), Codex diplomaticus Poloniae, I. Homines, quosdam judicio vinctos in antiquum seduxit servitium (1218). Там же, т. II. Примеры взяты у Hube R. Pravo Polskie w wieku XIII, Warszawa, 1874, стр. 43.

ском тексте nulla... legitima causa ad hoc persvadente...) Мы (с) своею радою уставляем, — иж...[1] сусед посполито (insimul) не может поити из одного села до другого, одно один, а любо два, а то с волею панскою, вынявши у некоторых члонках (т. е. за некоторыми исключениями. *Б. Г.*): коли пан своему селянину дочку ему усилует, а любо жону; а любо именье силою берет, а любо, коли будет пан у клятве черес год...[2] ать три, а любо четыри, но вси могут поити прочь, где кому любо».[3]

Едва ли есть основания сомневаться в том, что в XI—XII вв. и каждый русский феодал-землевладелец, не только князь, наследовал имущество своего крестьянина, не имеющего сыновей. Едва ли также и судьба русского крестьянина чем-либо существенным отличалась от судьбы украинского или белорусского в период господства феодальных отношений в России, Польше и Литве.

Для изучения хозяйственного и правового положения смерда, мне кажется, мы можем выйти за пределы тех источников, которые трактуют непосредственно о смерде, называя его по имени. Мы имеем основание сопоставлять смердов с сиротами. Сироты, повидимому, те же смерды, только живущие в северо-восточной Руси, хотя нужно сознаться, что терминология здесь не совсем выдержана. Здесь, на северо-востоке, термин «смерд» почти неизвестен. Только новгородцы называют по-своему сельское население Суздальщины смердами. Термин «сирота» здесь, напротив, весьма распространен, официально он дожил до XV в., а в частном быту им пользовались крестьяне, именуя себя сиротами и в XVI и в XVII вв. Сирот мы видим, так же как и смердов, и свободными и зависимыми.

О зависимых сиротах говорит между прочим Новгородский архиепископ Илия (XII в.) в своем поучении: «А сирота не мозите великой эпитемьи давати. Пишеть бо в заповедях, «Сущим под игом работным наполы даяти заповеди». Да не мозите отягчати заповедью, ать вси каются. Иго бо легко есть»,[4] т. е. архиепископ запрещает на сирот, как на людей, находящихся под «игом работным», стало быть вынужденных к подневольному труду и не располагающих полной свободой действий,

---

[1] Многоточия обозначают пропуски в изданном в Актах Западной России (т. 1, № 2) тексте.

[2] Акты западной России, т. I, № 2, стр. 12.

[3] Volumina legum, т. I, стр. 11.

[4] РИБ, т. VI, стр. 356—357.

накладывать большие эпитемии, для них невыполнимые именно вследствие их подневольности. Факт освоения свободных сирот мы имеем и в проповеди Серапиона, епископа Владимирского XIII в., когда он говорит о людях, «именья не насыщающихся», порабощающих и продающих свободных сирот

Нужно сказать, что оба термина начали проникать далеко за пределы своей родины, и мы можем их употребление, хотя и в ограниченных случаях, встречать и в Новгороде и в Суздальщине.

Наконец, мы можем расширить круг наших источников привлечением текстов наших памятников, прямо не говорящих о смердах, но несомненно их подразумевающих. Напр., в завещании Галицкого князя Владимира Васильковича 1287 г. написано: «... дал есмь ей (жене) село свое Городел и с мытом, а людье како то на мя страдали, тако и на княгиню мою по моем животе; аже будет князю город рубити, и ни к городу, а побором и татарщиного ко князю».[2] Последнее дополнительное распоряжение говорит о том, что люди, здесь упоминаемые, не рабы, а смерды или сироты. Они «страдают», т. е. работают на господина, и в то же время тянут тягло.

Едва ли мы будем очень неосторожны, если вспомним здесь древнейшее сообщение Лаврентьевской летописи о том, что в 947 г. княгиня Ольга по Мсте и Луге устанавливала «погосты и дани», «оброки и дани». Несомненно, что в погостах и тогда жили смерды, и кн. Ольга, наученная горьким опытом своего супруга, сочла за благо упорядочить взимание этих даней и оброков. Эта «реформа» была рассчитана на упорядочение эксплоатации смердов прежде всего и, конечно, не только смердов. Не будет большой натяжкой, если мы скажем, что здесь можно подразумевать и некоторую организационную работу по устроению княжеских доменов.

Если в нашем распоряжении имеется достаточно оснований видеть в наших источниках две категории смердов, из коих одна — это смерды, находящиеся в непосредственной зависимости от своих господ-феодалов, то нужно сознаться, что у нас слишком мало данных для того, чтобы точно судить о характере этой зависимости. Маркс и Энгельс, считая, что форм феодаль-

[1] Е. Петухов. Серапион, епископ Владимирский. Слово о мятежи жития сего.

[2] СГГ и Д, № 4—5. Ипатьевская летопись, стр. 595, изд. 1871 г.

ной зависимости может быть бесконечно много, «от простого оброчного обязательства до крепостничества», применительно к европейскому средневековью обычно оперируют двумя формами этой зависимости — это Hörigkeit и Leibeigenschaft. Разница между этими формами несомненно есть. Энгельс так различает их: leibeigener — это крестьянин, находящийся «всецело во власти своего господина», höriger — крестьянин, связанный со своим господином установленными по договору повинностями, которых, однако, было «вполне достаточно, чтобы задавить его; но эти повинности увеличивались с каждым днем. В течение большей части своего времени он должен был работать на земле своего господина, а из того, что ему удавалось выработать в течение немногих свободных часов, он должен был выплачивать десятины, цензы, оброки, военные подати (Bede, Reisegeld), местные и общеимперские подати».[1] Так Энгельс изображает два основные типа немецкого крепостного крестьянства. Маркс в 47 гл. «Капитала», в отделе «Отработочная рента», повидимому, дает общее определение Hörigkeit. Говоря о внеэкономическом принуждении в качестве необходимого условия получения феодальной ренты, он в следующих выражениях характеризует понятие Hörigkeit: «Итак, необходимы persönliche Abhängigkeit... persönliche Unfreiheit in welchem Grade immer und Gefesseltsein an den Boden als Zubehör desselben, Hörigkeit im eigentlichen Sinne»,[2] т. е. в понятие Hörigkeit Маркс включает личную несвободу, личную зависимость в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка к последней. Таким образом между этими двумя формами зависимости разница идет по линии степени несвободы, степени власти господина над зависимым от него крестьянином, прикрепление же к земле в качестве придатка к последней как-будто бы предполагается обязательным для обоих видов зависимости. Что крепостной крестьянин в России XVII—XIX вв. был leibeigener, в этом нет никаких сомнений, так как власть господина над крестьянином в это время мало чем отличалась от власти господина над рабом. Что во второй половине XV в. и до последней четверти XVI в. крестьянин, имевший узаконенное право уходить в Юрьев день от своего

[1] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, изд. 1931 г., стр. 29.

[2] Das Kapital, III, Bd. 2, стр. 289. К сожалению, в русском переводе Hörigkeit переведено совершенно обезличенным словом «принадлежность».

господина, был hörіger — это тоже как будто не вызывает сомнений. Отсутствие сколько-нибудь ясных источников не позволяет нам установить с точностью характер зависимости крестьян от своих господ в XIII—XIV вв. Для XI—XII вв. у нас есть «Русская Правда». К сожалению, и она не дает нам на поставленный вопрос такого ясного ответа, который бы уничтожал возможность сомнений. Тем не менее совсем не отвечать на вопрос, что представлял собой зависимый смерд по «Русской Правде», невозможно, несмотря на то, что кроме предположений, более или менее обоснованных, едва ли что-либо можно сказать по этому предмету. Энгельс для Германии счел возможным заметить, что «крепостное право прежних веков (по сравнению с XIV и XV вв. *Б. Г.*)... заключало в себе еще мнего черт древнего рабства»,[1] откуда можно вывести заключение, что он склонен был рассматривать первичное состояние крепостничества в Германии как Leibeigenschaft. К сожалению, он не привел никаких фактов, которые дали ему основание для этого заключения. Теоретически во всяком случае более чем вероятно, что рабовладелец, осваивающий насильственным путем крестьянина, был мало склонен проводить какую-либо большую разницу в степени своей власти над рабом и крепостным, считая и того и другого своими людьми. Но наличие крестьянской общины, этого оплота крестьянской независимости, во всяком случае должно было сыграть весьма определенную роль по отношению к массе свободных смердов, задерживая темпы процесса феодализации, с одной стороны, и, с другой, смягчая формы крестьянской зависимости. Как конкретно протекал этот процесс в ранней своей стадии в обществе, занявшем территорию восточной Европы, мы, к сожалению, ничего не можем сказать точного. Во всяком случае приведенные уже выше факты говорят о том, что и этот свободный смерд путем внеэкономического и экономического принуждения стал попадать в зависимость от феодалов, что он боролся против надвигающегося на него феодализма путем коллективных восстаний, в летописи по вполне понятным причинам не нашедших себе полного отражения, что он протестовал, наконец, в форме индивидуальных действий и прежде всего побега. Мы могли видеть случаи бегства смердов,

[1] Ф. Энгельс. Маркс. Изд. 1932 г., Инст. Маркса-Энгельса-Ленина, стр. 75.

отмеченные Новгородской летописью в начале XIII в., видели также меры, принимаемые новгородской властью для борьбы с бегством смердов, холопов, должников, преступников и др., правда, уже в 1440 г. Хотя у нас и нет никаких оснований думать, что эти меры были выработаны только в это время, хотя неизбежно предположить, что эти меры подразумеваются уже в древнейших из дошедших до нас договорах Новгорода с князьями, тем не менее это не прямые, а лишь косвенные доказательства.

Аналогия с положением польского зависимого крестьянина, которого господин в XIII в. мог не только возвратить из бегов, но и сильно наказать за это,[1] тоже не доказательство. Древнейшая «Правда», равно как «Правда» Ярославичей и «Пространная Правда», ясно говорят только о бегстве челядина. «Правды» знают смердов двух основных категорий, зависимых и свободных, и говорят о смердах, чаще имея в виду свободного смерда. Естественно поэтому, что ожидать от «Правд» точных данных о бегстве смердов не приходится.

Устав Владимира Мономаха, помещенный в «Пространной Правде» говорит о бегстве закупа, но ни одна из «Правд» не говорит ясно о бегстве смерда. Это отсутствие ясного упоминания о беглом смерде может на первый взгляд дать повод к заключению о свободе смердов вообще, но это заключение решительно будет противоречить тому, что мы знаем о зависимом смерде из всех наших источников. Ведь в «Пространной Правде» имеется статья: «А в холопе и в робе виры нету...» (ст. 102 Карамз. сп.), а о том, что в зависимом смерде тоже нет виры, в «Правде» нет ни звука. А между тем это так: за смерда, за холопа, за рядовича, кормильца, кормилицу, сельского и ратайного старост, т. е. за весь рабочий состав княжого двора, изображаемого в «Правде» Ярославичей, взыскивается не вира, а вознаграждение за истребление собственности, в данном случае собственности князя. Так понимает эти статьи 22—24 «Правды» Ярославичей и Владимирский-Буданов,[2] с которым нельзя не

---

[1] Potestatem conferimus abbati homines suos ascripticios a se fugientes, ubicunque locorum eos deprehenderit, capiendi, incarcerandi et in servicium perpetuum redigendi. Codex diplomihius Majoris Poloniae. Цитирую по Hube R. Prawo Polskie w XII w. Warszawa, 1874, стр. 43.

Там же см. и другие примеры более раннего времени.

[2] Владимирский-Буданов. Хрестоматия, изд. 1908 г., вып. 1, стр. 26, прим. 6.

согласиться. Ст. 77 той же «Правды» говорит о том, что к послушеству нельзя привлекать холопа, закупа можно только в крайнем случае. А зависимого смерда? Опять молчание. Если молчание повторяется слишком часто, то это что-нибудь да значит. Почему «Псковская Судная Грамота» ни разу не говорит ни о смерде, ни о холопе, между тем как нам очень хорошо известно существование в это время и смердов и холопов? О «Псковской Судной Грамоте» у меня идет речь специально в другом месте. Сейчас относительно молчания «Русской Правды» мы можем лишь сказать, что это загадка, одно из решений которой в смысле свободы всех смердов или, точнее, в смысле отсутствия в это время, т. е. в XI—XII вв., зависимых смердов, — исключается.

Подобное предположение, которое кто-либо захотел бы вывести из молчания одного из основных наших источников, не раз вводило в заблуждение наших исследователей и прежде всего исследователей «Псковской Судной Грамоты». Молчание «Русской Правды» о бегстве смердов, факты чего мы знаем из других источников, быть может, объясняется тем, что в XI—XII вв. количество крепостных смердов было еще не велико, что зависимость смердов носила разнообразный характер. Но что одна из форм зависимости смерда вполне соответствует западноевропейскому серважу, у нас нет сомнений. Наконец, мне кажется, в «Русской Правде» имеется статья, в которой естественнее всего как-будто можно понимать бегство всякого зависимого, за исключением холопа, человека вообще. Это ст. 131 Карамзинского списка. Предыдущая статья говорит о беглом холопе. «Оже холоп бегая добудет товару, то господину холоп и долги, господину же и товар». Следующая ст. 131, начинающаяся с красной киноварной буквы, что подчеркивает новую отличную от предыдущего текста мысль, говорит: «Аще кто бежа, а поемля суседнее или товар, то господину платити за нь урок, что будет взял».

Хочу обратить внимание на употребление этого словосочетания во всем этом отделе «Правды», имеющем обычно заголовок «О холопстве»:

123. Оже холоп бежит...
124. Аще кто переимет холопа...
125. А кто сам своего холопа досочится...
126. Аже кто не ведая чюжь холоп устрящет...

127. Оже где холоп вылжет куны...
128. Оже кто пустит холопа в торг...
129. Оже кто купит чюж холоп...
130. Оже холоп бегая добудет товару...
131. Аще кто бежа...
132. Оже холоп крадет кого любо...

Шесть раз упоминается здесь «кто» и всегда не в смысле холопа. Четыре раза говорится прямо о холопе. Стало быть, и в ст. 131 «кто» — не холоп. Однако у него есть господин. Под этим «кто» может вполне скрываться и зависимый смерд.

Нужно также отметить, что в «Правдах» имеется в виду три случая пропажи холопа: кража холопа, бегство его после нанесения побоев свободному человеку, т. е. укрывание от наказания, и просто бегство от своего господина. Закупа, очевидно, никто не воровал, укрываться от наказания, вероятно, и он был способен, хотя закон об этом молчит; бегство закупа от господина закон знает. Смерда как смерда воровать немыслимо: если его забирали в плен, он отрывался от всех своих условий производства, превращался в живой товар и приравнивался рабу. Бежать смерд, конечно, мог и фактически бегал, как мы это и видели, но «Правды» об этом ясно не говорят ничего.

Все эти соображения я счел необходимым привести здесь с тем, чтобы мобилизовать все наши ресурсы для решения проблемы о характере и степени зависимости смерда в этот период созревания феодальных отношений в Киевском государстве. Не наша вина, если вопрос приходится решать только наполовину, если мы сейчас не можем ответить на все вопросы, поставленные перед нами в связи с проблемой положения смердов в древнейший период истории нашего классового общества. Но если мы не можем осветить на этот вопрос полностью, то во всяком случае для нас ясно одно, что смерд и в Киевском государстве переживал в основном те же этапы в своем историческом развитии, что и крестьянин любой феодализирующейся страны.

В гораздо более выгодном положении в смысле ясности находится вопрос о том, кто являлся в Киевском государстве главной призводительной силой. Это несомненно все те же смерды. Они главные поставщики данай и ренты. Никак иначе нельзя понять хотя бы следующие тексты наших

летописей: в 1169 г. новгородцы, ходившие в Суздальскую землю войной, взяли много дани, потом снова вернулись и снова «взяша всю дань и на суздальских смердех другую».[1] В 1193 г. югра обращалась к наступавшим на них новгородцам с лукавой покорностью: «копим серебро и соболи и ина узорочья, а не губите своих смерд и своей дани».[2]

Совершенно ясно, что пушнина, как и другие «узорочья», поступали к князьям и их дружинникам от этих самых смердов, платящих со своих дымов и плугов чаще всего белками, куницами, соболями и другими ценными мехами, превращавшимися в руках князей и дружины в товар. Как мы видели выше, платили они свои дани и деньгами.

Дань, и очень часто именно пушниной, и была основной формой эксплоатации смердов. Эта дань заменялась отработочной и натуральной земельной рентой в связи с процессом освоения земли различного типа феодалами и вместе с превращением смерда в зависимого, полукрепостного или крепостного. Свободный смерд, попадавший под непосредственную власть феодала, мог, конечно, привлекаться и ко всевозможным работам на боярском дворе и для этого двора и в то же время не совсем освобождался и от даней, постепенно превращавшихся в ренту продуктами. Наконец, обе формы ренты, и отработочная и натурой, обычно живут рядом. Таким путем подготовлялся переход к следующему, высшему этапу в истории феодальных отношений.

У нас нет недостатка в сведениях об эксплоатации смердов, об их пауперизации и причинах, заставлявших часть их переходить еще на более низкую ступень социальной лестницы и искать помощи у богатых землевладельцев. Владимир Мономах ставит себе в заслугу, что он «худого смерда и убогие вдовицы не дал сильным обидети». Из поучения епископа Серапиона узнаем, что действительно было от чего их защищать: сильные люди «имения не насыщаются, но и свободные сироты (это и есть смерды) порабощают и продают».[3] Мы видели, что значит про-

[1] Новгородская 1 летопись, стр. 149, изд. 1888 г.

[2] Там же, стр. 167.

[3] «И ничтоже несть известно в человецех, но вся суть стропотна суть: иному землю изхвати, а ин имение отъят, и того село слышавше, а дом иного ныне есть. Друзии же имения не насыщашеся и свободные сироты порабощают и продают, инии крадут и разбивают, а имения хощют собрати. . .»

давать. Продажа в рабство здесь решительно исключается. Митрополит Климент в послании к пресвитеру Фоме тоже говорит о ненасытных богачах, «славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селам, изгои и сябры, и борти и пожни, ляда же и старины». Сябры — это свободные крестьяне, разновидность смердов. Епископ Тверской XIII в. (умер в 1289 г.) в одной из проповедей говорит: «Но глаголю вам, царем и князем и наместником: утешайте скорбящих, избавляйте убогих от рук сильных: сии бо от богатых обидими суть и притекают к вам яко защитником благим; но вы, цари и князи и наместници, подобни есте тучи дождевней, иже истечает над морем во время ведра, а не над землею, жаждущею воды: вы тем более даете и помогаете, у них же много злата и серебра, а не тем иже не имуть ни пенязя: бедных порабощаете, а богатым даете». Об этом епископе летописец говорит: «Князя не стыдящеся пряся, ни вельмож... нищая же и сироты жаловаше».

Перед нами раскрывается процесс освоения различными типами землевладельцев земли с населяющими ее смердами — обычный процесс феодализации, характерный для всех стран, переживавших феодализм.

При этих условиях два основных типа смердов — еще не освоенные феодалами и уже попавшие к ним в непосредственную зависимость — есть факт столь же обычный, как и неизбежный. В одних феодальных странах в разные периоды их истории оставалось больше неосвоенных феодалами крестьян, в других меньше, но оба типа крестьян очень хорошо известны всем этим странам. В России значительная часть крестьян (почти весь север) оставалась незнакомою с непосредственной властью феодалов даже до 19 февраля 1861 г.

Неустойчивость экономической природы крестьянина тоже факт хорошо известный. Для мелких производителей сохранение или потеря условий производства зависит от тысячи случайностей, и каждая такая случайность или потеря равносильна обнищанию со всеми вытекающими отсюда следствиями.

богатство нам дал есть бог, да от него неимущим подадим и убогим, мы же обидим еще сирот и вдовам насилуем и убогих отнимаем». Серапион, епископ Владимирский. Слово о мятежи жития сего. «Правосл. собес.», 1858, кн. 2, стр. 481—483. Петухов считает это слово произведением русским домонгольского периода, но отказывается считать автором его Серапиона. Е. Петухов. Серапион Владимирский, СПб. 1888, стр. 12.

Лучшей иллюстрацией этого процесса является рассмотренный выше институт рядовства со всеми его разновидностями.

4. Изгои

Едва ли я ошибусь, если скажу, что у современного читателя при слове «изгой» невольно вызывается в памяти знаменитый текст, где фигурируют — не знающий грамоте попов сын, обанкротившийся купец, выкупившийся холоп и в конечном счете осиротевший князь.[1] Обычность этих ассоциаций говорит, несомненно, о популярности приведенного текста, но, должен сказать, вопрос и после ссылки на этот текст остается нерешенным, потому что он гораздо сложнее.

В ст. I древнейшей «Русской Правды» в числе общественных состояний, имеющих право на 40-гривенную виру, значится и изгой («Аще будет русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изгой будет, любо словенин, то 40 гривен положити за нь»). Обычно наши исследователи не обращают внимания на то, что наши источники говорят об изгоях двух категорий — городских и деревенских; исследователи мало также отмечают и ту эволюцию, какая происходит с изгоем на протяжении времени, освещаемого памятниками, знающими этот термин. А между тем совершенно очевидно, что между изгоем, имеющим право на 40-гривенную виру (а по древнейшей «Правде» другой виры вообще и не было), и между теми изгоями, которых князь Ростислав в 1150 г. передавал вместе с селом Дросенским Смоленскому епископу, или которых, по сообщению митрополита Климента, ловят в свои сети ненасытные богачи, наконец, теми изгоями, которых церковный Устав Всеволода начала XII в. зачисляет в состав людей церковных богадельных, — разница очень заметная.

Уже в свое время Калачев высказал интересную мысль, отчасти поддержанную Мрочеком-Дроздовским, что «начало изгойства коренится... в родовом быте».[2] Несмотря на то, что Мрочек-Дроздовский не во всем, на мой взгляд, удачно разрешает задачу, у него имеются совершенно правильные и вполне

---

[1] Устав кн. Всеволода. Владимирский-Буданов. Хрестоматия, изд. 1908 г., вып. I, стр. 209.

[2] Мрочек-Дроздовский. Исследование о «Русской Правде», прил. ко 2 вып., стр. 44, 47. Но там же мы можем прочесть и такую фразу: «Родовой быт скользнул по изгойству, как по зеркалу», стр. 48.

приемлемые замечания. «Как явление историческое, — пишет он, — изгойство жило и развивалось при наличности известных условий быта, и, поскольку менялись эти условия, постольку менялось и положение изгоя в древнем обществе». «Для определения положения изгоя в обществе, — продолжает он дальше, — надобно знать, при каких условиях и в какой форме общежития жило самое общество. Это необходимо вследствие того, что народ на различных ступенях своего развития живет в данное время в различных общественных союзах, строй которых соответствует именно данной эпохе народной жизни. Первичной формой общежития является род...; впоследствии в силу различных причин родовая замкнутость исчезает, и на место рода... является община земская, обоснованная... поземельною связью». Тем более удивительным кажется мне факт, что Мрочек-Дроздовский, автор цитированных рассуждений, не вполне воспользовался этими соображениями при решении задачи в целом. В итоге своего исследования об изгоях он приходит к соловьевскому определению изгойства («изгоем был вообще человек, почему-либо не могущий остаться в прежнем своем состоянии и не примкнувший еще ни к какому новому»), хотя и считает, что этого определения недостаточно, так как в нем не принята «в соображение среда, вытолкнувшая из себя изгоя, ни права изгоя, различные при различных состояниях общежития,[1] между тем как по его же собственному признанию только это условие исследования может быть плодотворным.

Есть еще любопытные мысли у Мрочек-Дроздовского: «Добровольные выходы из родовых союзов возможны лишь при условии надежды найти какую-нибудь пристань вне рода, хотя бы такую, какую нашла птица, выпущенная праотцем Ноем из ковчега... Надежда на такой уголок уже указывает на начало разложения замкнутых родовых союзов, на начало конца родового быта...; самое стремление родича вон из рода есть также не что иное, как то же начало конца».

Насколько я принимаю эти соображения, будет видно из дальнейшего. А сейчас считаю необходимым сказать, что филологическое толкование термина «изгой» в смысле человека, вышедшего из прежнего обычного состояния, — правильно, согласно с имеющимися в нашем распоряжении источниками и полезно

[1] Мрочек-Дроздовский, указ. соч. стр. 75.

для дальнейшего исследования, хотя бы в виде рабочей гипотезы. Но на этом определении оставаться во все время существования изгойства нельзя. Термин этот жил вместе с изгоем и заполнялся новым содержанием. В конце концов он перестал обозначать то, что обозначал раньше. М. А. Дьяконов едва ли не близок был к правильному решению вопроса, когда высказывал смелую мысль о том, что изгой, ведя свое филологическое происхождение от слова «гоить» — жить, стал обозначать человека, не имеющего «жизни», «животов», т. е. человека неимущего, так как, по понятиям древности, «жить» — значило иметь средства к существованию. В 1150 г., напр., кн. Изяслав говорит своей дружине: «вы есте по мне из русские земли вышли, своих сел и своих жизней лишився».[1]

Отсюда необходимость искать пристанища у землевладельцев, могущих предоставить ему эти средства жизни на известных, конечно, условиях.

Близок к Дьяконову и Сергеевич, считающий изгоями «людей, находящихся в бедственном положении» и указывающий на то, что «отдельных видов таких людей может быть очень много» (из них Всеволодов устав перечисляет только три вида). Далее Сергеевич готов применять этот термин «вообще для обозначения низшего разряда людей».[2] Но и Дьяконов и Сергеевич говорят об изгоях деревенских.

Может быть, если термин «изгой» действительно возник в родовом обществе, чужеродные элементы принимались в родовые замкнутые группы, но явление это стало особенно развиваться в процессе распадения родовых союзов и в «Русскую Правду» попало, несомненно, тогда, когда род уже был известен только в отдельных пережитках. Изгой, повидимому, и упомянут в «Русской Правде» в качестве одного из осколков давно разбитого родового строя. Здесь изгой еще считается полноправным членом нового, повидимому, городского общества, стоит в одном ряду с дружинником, купцом и даже с русином, несомненно представителем правящей варяго-славяно-финской верхушки общества. Нет ничего невероятного также и в том, что это равноправие такого же происхождения, как и право закупа жаловаться на своего господина, если этот последний бьет его не «про дело»,

---

[1] Дьяконов. Очерки общ. и гос. строя др. Руси, изд. 1910 г., стр. 122.
[2] Сергеевич. Русск. юрид. древн., изд. 1902 г., т. I, стр. 273.

т. е. это есть вынужденная компромиссная мера в целях успокоения общественного движения, в данном случае имевшего место в Новгороде в 1015 г., после чего и, может быть, в значительной степени вследствие чего и приписано настоящее прибавление к первой статье древнейшего текста «Закона русского». Если это так, что весьма вероятно, то равноправие изгоев в начале XI в. было уже для них потеряно, но не совсем забыто, и может быть служило неписанным лозунгом общественных низов, по преимуществу городских, в событиях 1015 г.

Но изгоев мы встречаем не только в городе, а гораздо чаще именно в деревне, и нет ничего невероятного в том, что городские изгои в своем положении отличались от деревенских, что первые были свободны, и древнейшая «Правда» в ст. 1 говорит именно о них.

Если нет ничего невероятного в том, что изгои могли появиться в период разложения родового строя, то вполне очевидно, что они продолжали существовать и позднее; выходец из соседской общины, принятый в другую, мог сохранять за собой старое наименование изгоя.

Если искать аналогий для этого очень неясного явления древнерусской жизни, то мне кажется допустимым сравнение деревенского изгойства этой древнейшей поры с migrans «Салической Правды». В тит. XLV «De migrantibus» мы имеем следующее положение: «Если кто захочет вселиться в виллу к другому, и если один или несколько жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится вселению, он не будет иметь права там поселиться» (§ 1), но «если же вселившемуся в течение 12 месяцев не будет предъявлено никакого протеста, он должен оставаться неприкосновенным, как и другие соседи» (§ 3).

Перед нами германская древняя община, которая имеет право принимать и не принимать к себе чужого. Будучи принят, этот чужак является полноправным членом общины. Может быть, изгой древнейшей поры и представлял собой общественную фигуру, несколько напоминавшую этого переселенца, но это было очень давно. В XI—XII вв. изгой уже ничего общего с migrans не имеет.

Надо думать, что перечень групп, среди которых в «Русской Правде» обретается изгой уже тогда, когда он записывался, представлял собой далеко не одинаковые по своей социальной прочности общественные элементы, и прежде всего это заме-

чание относится к изгоям. Во всяком случае в деревне начало XII в. уже застает их в совершенно ином общественном положении. Здесь они находятся в числе людей церковных, богадельных, стоящих на самой последней ступени иерархической лестницы — после вдовицы, пущенника и задушного человека.

С попыткой Преснякова восстановить первоначальный текст этого места Устава нельзя не согласиться.[1] Тогда этот текст примет следующий вид: «А се церковные люди: игумен, игуменья (следует перечень), слепец, хромец, вдовица, пущенник, задушный человек, изгойской».[2] В этот первоначальный текст сделана вставка неизвестного глосатора: «изгои трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупиться, купец одолжает», к которой, по справедливому мнению Преснякова, приросло «лирическое» восклицание какого-то князя: «а се четвертое изгойство, и сего приложим: аще князь осиротеет!» Это не столько лирическое, сколько ироническое восклицание действительно нельзя принимать всерьез, так как едва ли осиротевший князь мог попасть в число богадельных, находящихся под церковной юрисдикцией людей.

Но и эта принадлежность к церковным людям не решает вопроса об экономической сущности изгойства, так как среди церковных людей имеются, как мы видим, и игумен и игуменья, т. е. люди, возглавляющие монастыри, принадлежащие в большинстве случаев в верхним слоям общества. Наконец, как оказывается, изгои не обязательно люди церковные. В Церковном уставе перечислены подсудные церкви люди, в числе их действительно имеются и изгои.

Но мы гораздо чаще встречаем изгоев в княжеских имениях. Кн. Ростислав Мстиславович дает Смоленской епископии «село Дросенское со изгои и с землею и село Ясенское и с бортником и с землею и с изгои».[3] Едва ли церковными людьми можно считать и тех изгоев, которые населяли некоторые части Новгорода и были обязаны по разверстке с другими горожанами мостить новгородские мостовые. Псковская летопись упоминает княжеское село Изгои под 1341 г. Наконец, упоминание изгоев и изгойства мы имеем в нравоучительной духовной литературе, из

---

[1] Пресняков. Княжое право, стр. 48.

[2] Термин «изгойской» имеется в одном из вариантов Устава.

[3] Владимирский-Буданов. Хрестоматия, вып. 1, стр. 245—246.

которой решительно не видно, что речь идет только о людях церковных, скорее можно предположить обращение церкви по этому предмету именно к мирянам. В наставлении духовника кающемуся имеется перечень грехов в их восходящей степени. В числе грехов упоминается неправедное обогащение, и резоимство поставлено на первое место. Этот грех считается большим, чем кража. Но выше и этого греха считается взимание изгойства. «И се паки горее всего емлющим изгойство на искупующихся от работы: не имуть бо видети милости, не помиловавше равно себе созданного рукою Божею человека, ниже насытившеся ценою уреченою». Изгойство по отношению к «цене уреченной» есть то же, что проценты по отношению к «истому» (занятой сумме). Брать цену раба при его выкупе позволяется, но брать сверх этой цены (это собственно и считается изгойством) — большой грех. В этом же «Наставлении» имеется еще одна важная подробность. Церковь борется с теми, кто склонен брать изгойство, и с детей выкупившихся холопов, рожденных после их освобождения.[1] Пресняков справедливо склонен здесь видеть старый пережиток, когда либертин продолжал оставаться под некоторой властью своего господина.[2]

В памятниках нравоучителей церковной литературы подчеркивается происхождение изгойства из холопства и тем самым подтверждаестя факт, отмеченный и Уставом кн. Всеволода («холоп из холопства выкупится»). Если церковь говорит больше всего об изгоях этого происхождения, то едва ли будет несправедливо вывести отсюда заключение о главной массе изгоев, вышедшей из холопства. Стало быть, это главным образом вольноотпущенники, бывшие рабы, посаженные на господскую землю, крепостные.

Здесь ясно отмечается момент изживания рабства. Поскольку церковь раньше других землевладельцев сочла для себя выгодным отказаться от рабского труда и перейти к более прогрессивным формам эксплоатации, неудивительно, что именно в церкви оказалось много вакантных мест для вольноотпущенников-изгоев. От церкви, впрочем, не отставали и другие категории землевладельцев.

---

[1] РИБ, т. VI, стр. 842. Чтения Моск. общ. ист. и древн. росс., 1912 г., кн. III. С. И. Смирнов. Материалы для ист. древн. русс. покаян. дисциплины, стр. 50.

[2] Пресняков. Княжое право, стр. 275.

Митрополит Киевский Климент Смолятич (1147—1154 гг.) тоже говорит об изгоях, подчеркивая их экономическое значение в развитии крупного землевладения. Он осуждает «славы хотящих, иже прилагают дом к дому и села к селам, изгои же и сябры, и борти и пожни, ляда же и старины». Наконец, можно отнести частично к изгоям и правило Устава кн. Ярослава Владимировича о церковных судах, где говорится обо всех «домовных» людях (т. е. людях, принадлежащих архиерейским домам) и церковных и монастырских. Их судит церковная власть. «Княжи волостели» в этот суд не вступаются, и «беззащитна их епископу идет», т. е. их имущество при отсутствии прямых наследников переходит к епископу точно так же, как имущество княжого смерда в аналогичном случае переходит к князю.

Из всего, что нам известно об изгоях, можно сделать следующее заключение: 1) о городских изгоях мы почти ничего не знаем; 2) деревенские живут в селах церковных, княжеских, боярских; 3) состав изгойства сложен; очевидно много путей вело в это состояние, из которых наиболее проторенным, кажется, нужно считать путь, ведущий в изгойство из холопства через отпуск — выкуп; 4) количество изгоев у землевладельцев, между прочим, характеризует его богатство; 5) изгои подлежат суду своих землевладельцев; 6) к ним же, весьма возможно, переходит и имущество изгоев при отсутствии наследников. О хозяйственном использовании изгоев можно догадаться без особого труда. Это чаще всего земледельцы, работающие, очевидно, не только на себя, а прежде всего на своих хозяев, т. е. это категория людей феодально-зависимых.

Итак, наши очень скудные и сбивчивые источники позволяют отметить довольно большой путь, пройденный изгоями от неизвестного нам момента их возникновения до XIII в. (позднее этот термин уже не встречается).

К XII в. положение по крайней мере деревенского изгоя несомненно более или менее определилось, и мы видим изгоя уже в вотчине крупного землевладельца в качестве крепостного, передаваемого в другие руки вместе с землей; в новом своем положении он начал смешиваться с массой других зависимых от феодалов элементов и потерял вместе со своим общественным лицом и свое особое наименование. Изгои эволюционируют подобно тем «сиротам», которые в процессе феодализа-

ции все больше и чаще превращались в зависимых и даже крепостных. Настаивать на очень большой близости зависимых сирот, смердов и изгоев, конечно, невозможно, но несомненно их объединяет некоторая общность положения: и сироты, и зависимые смерды, и изгои XII в.— люди, если не всегда крепостные в обычном для нас узком понимании этого термина (leibeigene), то во всяком случае находящиеся в достаточно крепкой зависимости от своего землевладельца-феодала, люди, которых мы можем смело относить к категории лично зависимых, в это время еще довольно пестрого в своем правовом и экономическом положении состава, потерявших это разнообразие, как известно, лишь в конце XVI и начале XVII в., когда, по выражению Энгельса, «дело поразительно упрощается».

В заключение очерка об изгоях не могу не сказать, что эта категория зависимого населения Киевского государства меньше всех других поддается изучению. Поневоле здесь приходится ограничиваться главным образом предположениями.

5. Наемный труд

Если мы хотим исчерпать все известные нам категории работающего на своих господ населения, не входящего в рабское состояние, то мы должны указать еще на сравнительно мало распространенное явление найма рабочей силы. Наем рабочей силы мы можем подозревать в городах, где среди массы ремесленников-рабов несомненно имелись и ремесленники свободные, работавшие на заказ.

Можно думать, что гончарное производство, обработка железной руды и кузнечное дело, также кожевенное и деревообделочное производства начали отделяться от сельского хозяйства весьма рано. Обработка шифера была распространена в Киевщине и за пределами Киевской земли. В Киеве, Новгороде, Белгороде, Каневе и других местах ремесло развито, судя по данным археологии, уже в X—XI вв., особенно серебряные и бронзовые изделия, а также оружие.[1] Письменные источники о наемном труде говорят сравнительно мало. «Русская Правда» знает «мзду» лекарю, «Правда Ярославичей» называет плату «от дела» плотникам («мостникам») за ремонт моста.[2] Устав

[1] А. Гущин. Генезис феодализма на Киевщине (рукопись).
[2] «Русская Правда». Акад. сп., ст. 2 и 43.

Владимира Всеволодовича Мономаха упоминает заработную плату портному («швецу») за исполнение заказа. «Аще швець исказит свиту, не умея шити или гневом, да ся биет, а цены лишен».[1] Здесь же встречаем труд ратая и в не совсем ясной трактовке пастуха: «Иже ратай, не доорав времене, и идет прочь, да есть лишен орания. Такоже и пастырь, иже пасет стадо». Весьма вероятно, что здесь мы имеем пашню исполу. Ратай, ушедший до срока, лишается своей доли урожая, подобно изорнику Псковской Судной Грамоты. Может быть и пастух в аналогичном случае лишается части приплода.

Редкость применения личного найма в Киевской Руси вполне понятна. Мы, ведь, имеем дело не с обществом наемного труда, а с обществом, где на смену первичной форме эксплоатации человека человеком в форме освоения самого человека (рабство) развивается эксплоатация, основанная на присвоении господствующим классом одного из важнейших условий труда — земли, с вытекающим отсюда крепостничеством. Население Киевской Руси так привыкло к тому, что его эксплоатируют сильные люди внеэкономическим феодальным путем, что не верило в возможность оплаты их труда даже тогда, когда она несомненно предполагалась. Очень интересное сообщение по этому предмету приводит С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен». Дело шло о постройке храма Св. Георгия в Киеве. Рабочий народ не шел на работу из опасения, что ему не будут платить за труд. Князь Ярослав спросил тиуна, отчего мало трудящихся у церкви. Тиун ответил: «дело властельское (т. е. делается по инициативе людей, облеченных властью, феодалов), и боятся людье труд подымше наима лишени будут». Тогда князь приказал возить куны на телегах под своды Золотых ворот и объявить на торгу, чтобы каждый брал за труд по ногате на день, т. е. по 35 коп. серебром на деньги довоенного времени.[2] Эта плата считалась в XI в. выгодной, и киевляне явились на работу в большом количестве.[3]

Церковь, очевидно, наблюдая эту практику внеэкономического принуждения, даже нашла нужным в своих правилах

---

[1] Новгородская I летопись, стр. 481, изд. 1888 г.

[2] По расчету Аристова. Промышленность древней Руси, стр. 281.

[3] С. М. Соловьев. История России, изд. Общ. Польза, т. I, стр. 246, прим. 4. Иной вариант того же расказа в приложении к Св. Софии в Киеве, см. Макарий. История русской церкви, т. I, стр. 45.

рекомендовать духовенству воздерживаться от насилия в поисках рабочей силы. В святительском поучении новопоставленному священнику середины XIII в. дается такой совет: «Дом свой с правдою строй, не томительно; нищих на свою работу без любве не нуди».[1] В постановлении Владимирского собора 1274 г. тоже имеется очень интересная в этом отношении статья: «Аще ли кто... от нищих насилье деюще или на жатву или на сеносечи или провоз деяти или иная некая». Под нищими здесь нужно разуметь людей, способных к труду, но лишенных возможности вести свое хозяйство и вынужденных искать прибежища, между прочим, и у церкви. Характерно, что собор называет применение труда этих людей насильем, очевидно, имея в виду факты наиболее обычные для данного времени.

Нас интересует в данном случае не только юридическая природа продающего свою рабочую силу, но также условия, при которых мог появляться на рынке этого рода товар. Мы хорошо знаем, что природа не производит ни владельцев денег и товаров, ни владельцев одной только рабочей силы. Это общественные отношения sui generis, свойственные далеко не всем историческим периодам. Они есть «результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более древних формаций общественного производства».[2]

---

[1] РИБ, VI, стр. 105.

[2] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 11—112. При феодальном средневековом производстве «право собственности на продукты основывалось на личном труде. Даже там, где посторонняя помощь имела место в производстве, она в большинстве случаев играла лишь второстепенную роль и вознаграждалась не одною лишь заработною платою; цеховой ученик и подмастерье работали не столько ради платы или содержания, сколько ради собственного обучения и подготовки к званию самостоятельного мастера». (Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 219). «Заметим мимоходом, — пишет Энгельс в примечании к этой цитате, — что наемный труд, который скрывает в себе зародыш всего капиталистического производства, существует с давних времен. В одиночной случайной форме мы встречаем его в течение столетий рядом с рабством. Но скрытый зародыш не мог развиваться в капиталистический способ производства раньше, чем созрели необходимые для него исторические предпосылки» (там же, стр. 219). «Первые капиталисты застали... форму наемного труда уже готовою. Но наемный труд существовал лишь в виде исключения, побочного занятия, переходного положения для рабочего. Земледелец, нанимавшийся по временам на поденную работу, имел свой собственный клочок земли, продуктами которого он мог жить в случае крайности.

Неудивительно поэтому, что наем в чистом виде — явление для Киевской Руси не характерное. Привлечение рабочих рук мы чаще встречаем здесь облеченным в феодальную форму.

VII. ХАРАКТЕР КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В КИЕВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В этой главе я не ставлю себе задачи изобразить весь ход классовой борьбы с момента появления классов и государства. Это задача невыполнимая по состоянию наших источников. Я хочу лишь отметить, поскольку возможно, основные этапы этой борьбы и вскрыть ее характер.

Бросается в глаза прежде всего два периода в ранней более или менее известной нам истории того общества, которое нас интересует в данный момент: первый дофеодальный, период сложения феодализма, и второй — феодальный.

Составитель «Начального свода» писал уже в то время, когда феодальные отношения настолько успели созреть, что первый дофеодальный период успел стать прошлым и вызывал у летописца сочувственные идеализированные воспоминания. Вот как автор «Начального свода» говорит об этом прошлом: «Вас молю, стадо христово, с любовию приклоните уши ваши, разумна: како быша древнии князи и мужие их, и како отбараху Русская земли и ины страны придаху под ся; тии бо князи не збираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж вскладаху на люди; но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружине на оружие. А дружина его кормляхуся воююще ины страны и бьющеся и ркуще: «братие! потягнем по своем князе и по Русской земле». (Не жадаху)[1] глаголюще: «мало есть нам, княже, двусот гривен. Они бо не складаху на своя жены златых обручей, но хожаху жены их в серебряных и расплодили были землю Русьскую». Вслед за этим летописец обращается уже к своему времени и продолжает: «За наше ненасытьство навел бог на ны поганыя; а и скоты наша и села наша и имения за теми

Цеховые уставы заботились о том, чтобы сегодняшний подмастерье завтра становился мастером. Но все изменилось, лишь только средства производства приобрели общественный характер и сконцентрировались в руках капиталистов» (там же, стр. 220).

[1] Вставка по Шахматову из Софийской и Тверской. В Новгородской I летописи этих слов нет.

суть, а мы своих злых дел не останем. Пишет бо ся: богатество, неправдою сбираемо извеется; и паки: сбирает, и не весть, кому сбирает я; и паки: луче малое праведнику, паче богатьства грешных многа». Отсюда он выводит мораль: «Да отселе, братия моя возлюбленая, останемся от несытьства своего, нь довольни будете урокы вашими, яко и Павел пишет: ему же дань, то дань; ему же урок, то урок; никому же насилья творяще. . .»[1]

Составитель «Начального свода» совершенно четко противопоставляет один более ранний период второму, более позднему, отдавая явное предпочтение первому за то, что князья и их мужи тогда воевали иные страны, богатели за счет этих иных стран, свою же землю не обременяли тяжелыми поборами. Автору «Свода» определенно не нравится новый порядок вещей. Летописец несомненно предпочитает военную добычу и дань с завоеванных народов различным видам феодальной эксплоатации.

Летописные факты говорят нам о том, что летописец действительно имел основание отделять один период от другого. Первый период сложения большого государства характеризуется завоеваниями, беспрерывным и систематическим расширением территории за счет соседних племен и народов, облагаемых в итоге завоевания данью. Политические события этого периода главным образом сводятся к большим внешним военным предприятиям и к усмирению восстававших покоренных народов против своих завоевателей.

Общественные отношения этого периода отразились в древнейшей «Русской Правде», где показаны те самые мужи, которые вызывали восхищение у летописца. Но и у этих воинственных мужей имеются свои хоромы, имеется своя челядь, т. е. и они живут на земле, в своих усадьбах, живут от труда рук своей челяди.

Второй период гораздо сложнее. Завоевания закончены. Покорять больше некого. Идет интенсивный процесс внутреннего освоения завоеванного. Если говорить об объекте, на которого устремлено главное внимание господствующих классов, то это прежде всего крестьянская община. Мысли «мужей» направлены на устроение своего хозяйства. Этот переходный период падает на XI в., когда происходило интенсивное освоение земли и си-

[1] Новгородская I летопись, изд. 1888 г., стр. 2.

дящего на ней населения. Этот сдвиг нашел себе отражение в тематике «Правды Ярославичей».

Несомненно, что самое появление «Правды Ярославичей» вызвано потребностью господствующих классов в защите завоеванных ими позиций, и нетрудно видеть в «Правде Ярославичей», против кого и чего направлено острие этого закона.

Управляющий княжеским доменом (огнищанин), сборщик княжеских доходов (подъездной), заведующий княжескими конюшнями могут быть убиты умышленно, с явным намерением расправиться с ними. Может быть произведено нападение на княжеское имущество, ограблено княжеское имение, убиты его слуги, уничтожен сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь, запахана княжеская земля, разрушены приспособления для ловли птиц и пр. . . Княжеское имение (конечно и не только княжеское) существует словно во вражеском стане и вынуждено принимать постоянные меры защиты.

Кто же этот враг, не дремлющий и всегда готовый использовать оплошность своего противника? Сосед-феодал не станет красть голубя, куря или утку, не станет запахивать межу княжеского поля. Он может явиться с вооруженной дружиной, сжечь все имение и увезть все наиболее ценное. С ним и расправа будет такая же: вооруженный наезд со всеми вытекающими следствиями. «Правда Ярославичей» вырабатывая меры защиты, не об этой опасности говорит. Она видит врага в населении соседних сел и деревень, враждебно настроенных к прочно осевшему в своем укрепленном гнезде крупному землевладельцу.

Население сел и деревень действительно прекрасно знало, что значит это соседство и, где только могло, старалось предупредить внедрение в свою среду богатого землевладельца. Жития святых наполнены этими протестами. Окрестные крестьяне не раз заявляли отдельным старцам, строителям монастырей: «почто в нашей земле построил еси монастырь, или хощеши землями и селами нашими обладати?» Враждебное отношение крестьян к основателям монастырей иногда совсем плохо кончалось для отшельников: Дмитрий Прилуцкий, Стефан Мохрищский, Даниил Переяславский, Арсений Комельский, Антоний Сийский принуждены были уйти из тех мест, где первоначально собирались основать обитель; келью Кирилла Белозерского соседние крестьяне несколько раз пытались поджечь; Григория и Кассиана Авнежских, построивших монастырь на Авнеге, соседи убили, разгра-

били монастырь и сожгли ряд построек. Таких фактов в истории русской церкви немало. Пусть эти примеры, взятые из житий святых, более позднего времени. Они характеризуют отношения феодала-землевладельца и крестьянской массы не только того периода, к какому относятся названные жития. Это спутник развивающихся феодальных отношений, ровесник феодализму. Не даром Даниил Заточник, размышляя о бедности и нищете, вспоминает царя Соломона, который в передаче Даниила говорит: «богатства и убожества не дай же ми, господи: обогатев восприму гордость и буесть, а во убожестве помышляю на татьбу и на разбой. . .[1]

«Татьба и разбой» — это ответ бедного человека на насилие богатого.

Едва ли мы ошибемся, если скажем, что подлинным основным антагонизмом в обществе этого периода можно считать борьбу между землевладельцем и крестьянской общиной, частью еще уцелевшей, частью ставшей жертвой феодализирующего процесса. Едва ли случаен тот факт, что именно в XI в. летописец сообщает нам первые и очень обильные сведения о крестьянских движениях.

На фоне этого основного антагонизма обнаруживается главная линия, по которой идет борьба этих двух основных классов как в деревне, так с некоторыми вариантами и в феодальном городе. В процессе феодализации наступающей и побеждающей силой является землевладелец (князь, дружинник, церковь), осваивающий землю, подчиняющий себе путем экономического и внеэкономического принуждения свободного общинника-смерда. Жертвы и итоги этого наступления мы видели. Это — закупы, изгои, рядовичи, сироты, попавшие в непосредственную зависимость от феодалов смерды, нищие, бедные люди, привлекаемые на работу к хозяевам через выдачу им вперед хлеба или денег. Все эти категории зависимого населения выхвачены из рядов свободного крестьянства. Вполне естественно, что в нехитрых рассказах наших летописей нам можно будет найти иллюстрации этому положению.

Все известные нам факты этого рода говорят о том, что характер классовых отношений в Киевском обществе изучаемого нами периода обнаруживает совершенно ясно чисто феодальные черты.

---

[1] Слово Даниила Заточника, стр. 62, изд. Акад. Наук, 1932 г.

Рабских восстаний, характерных для античных обществ, мы в Киевском государстве не видим. Единственный и малоправдоподобный намек на восстание рабов, приводимый Герберштейном в его «Записках» [1] и отвергнутый в свое время Татищевым,[2] едва ли может быть серьезно учитываем. Во всяком случае, без предварительного специального изучения происхождения этого предания, я в данном случае считаться с ним сейчас не имею никаких оснований.

VIII. ОСНОВНОЙ ВЫВОД

Мы подошли к концу. Все наши наблюдения подводят нас к определенному выводу. Общество в период формирования «империи Рюриковичей», т. е. в древнейший момент, доступный изучению нашему по письменным памятникам, в момент древнейшей «Русской Правды», прежде всего есть общество, уже ушедшее от родового строя.

«Правда Ярославичей» и ее дальнейшее продолжение знакомит нас со следующим этапом в истории этого общества, где уже весьма заметны признаки распада соседской общины. Все наши наблюдения станут еще осязательнее, если мы сопоставим «Русскую Правду» с «Lex Salica».

«Салическая Правда» знает свободных римлян и франков, рабов и литов. Лит — вольноотпущенный зависимый человек, ведущий свою генеалогию от раба. Стало быть, социальный строй общества периода «Салической Правды» отличается сравнительной простотой. Перед нами рабовладельцы, начинающие превращать своих рабов в зависимых от себя же людей, очевидно сажая их на землю и предоставляя им возможность заниматься собственным хозяйством. У лита имеется имущество, которое возвращается его господину даже тогда, когда «какой-нибудь свободный человек в присутствии короля через динарий отпустит на волю чужого лита без согласия господина последнего». За этот незаконный поступок (за отпуск чужого лита на свободу) он наказывается штрафом в 100 солидов, а «вещи лита должны быть возвращены его прежнему законному господину» (XXVI, § I). Никаких других общественных элементов в «Салической

---

[1] Герберштейн. Записки о Московских делах, изд. 1908 г., стр. 119.

[2] Татищев. История Российская, т. I, стр. 377—378.

Правде» еще нет. Признаков разрушения соседской общины еще нет. Следы ее разложения заметны только в позднейших дополнениях к «Lex Salica». Этот общественный строй в некоторой степени соответствует тому, который отражен в древнейшей «Русской Правде».

Совсем не то мы видим в «Правде Ярославичей» и «Пространной». Кроме свободных и рабов, кроме вольноотпущенников, мы имеем здесь несколько новых категорий зависимого населения, несомненный результат процесса разрушения общинного строя; мы здесь имеем уже тот период в истории общества, когда труд свободных крестьян на их общинной земле стал превращаться в труд на расхитителей общинной земли. Этим расхитителем являлся рабовладелец, настоящий или недавно бывший, несомненно переставший удовлетворяться рабским трудом и искавший новых, более прогрессивных путей в устроении своего хозяйства. Сравнение «Салической Правды» и «Правды» детей Ярослава и «Пространной» с полной наглядностью обнаруживает стадиальную отсталость первой и значительную высоту вторых. Если в «Салической Правде», вернее в ее последующих наслоениях, мы видим только первые признаки разложения общинного строя, то в названных «Русских Правдах» мы можем наблюдать следующую ступень: разрушение общины успело сделать значительные успехи.[1]

Перед нами с полной отчетливостью вырисовывается классовый антагонизм землевладельцев, с одной стороны, и зависимого от землевладельцев населения, недавно вырванного и на наших глазах вырываемого из недр разлагающей общины, с другой.

Ведущие отношения устанавливаются по линии отношений землевладельца и крепостного.

Значительное количество рабов в этот период истории Руси не должно нас смущать. Рабство обнаруживает здесь явную тенденцию к исчезновению. Церковь первая выбросила его из своего хозяйственного обихода, в боярских и княжеских вотчинах оно доживает до конца XV в., когда и эти архаически организованные хозяйства стремятся освободиться от рабов, былого источника своей силы и могущества, сейчас превратившегося в свою противоположность и ставшего несомненной причиной их сла-

---

[1] Это не противоречит тому, что пережитки общинного строя дожили в разных местах России до революции.

бости. На наших глазах рабство, таким образом, завершает полный цикл своего диалектического развития.[1] Но в IX — XII вв. оно еще не дошло до своего естественного конца, оно еще продолжает существовать в недрах успешно развивающегося феодального общества.

---

[1] Рабы XVII в. в подавляющем своем большинстве другого, вторичного происхождения. Об этом подробнее см. мою, требующую во многом значительного пересмотра, работу «Очерки по истории феодализма в России», Изв. ГАИМК, вып. 72.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА[1]

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О НАРОДАХ, ЧАСТЬЮ ВОШЕДШИХ В СОСТАВ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА, ЧАСТЬЮ С НИМ ТАК ИЛИ ИНАЧЕ СВЯЗАННЫХ

Говоря о «народах», мы должны прежде всего помнить, что нет и не было «народов» в том законченном смысле термина, который иногда употребляется сейчас. Каждый народ есть продукт очень сложной и весьма длительной истории. Задача историка проследить, насколько возможно, процесс образования известных нам народов, но нужно сознаться, что эта задача по своей трудности целиком невыполнима.

К тому же и наши письменные источники говорят о народах очень невразумительно: называют один и тот же народ разными именами, иногда смешивают различные народы, наконец, говорят о народах уже более или менее сформировавшихся и не дают материала для суждения о процессе их образования.

Поэтому и в предложенном изложении краткой политической истории Киевского государства о народах будет речь идти далеко не в том масштабе, какой кажется автору необходимым.

Киевское государство, или, как его называет Маркс, «империя Рюриковичей», в конце X в. уже занимала огромное пространство, на котором жило много различных народов, стоящих на разных ступенях развития.

Эта огромная, хотя и «нескладная» империя в своем территориальном росте, на пути включения в свой состав различных этнических единиц, имевших свою собственную историю и до включения в состав Киевской державы, в конце X в. доходит до своих, так сказать, «естественных» границ, перейти которые в целях дальнейшего своего расширения она, эта «империя», не имеет достаточно сил.

На северо-востоке граница «империи» соприкасается с Болгарским (на Волге) ханством. Несмотря на то, что источники об этом говорят сбив-

---

[1] Настоящее «Приложение» помещается здесь исключительно для облегчения пользования книгой учащимся, которые в виду отсутствия пособий при прохождении курса истории СССР прибегают и к ней. Исследовательского характера главы, помещаемые в «Приложении», отнюдь не носят и дают лишь перечень основных моментов политической жизни Киевского государства до его распада на уделы. Факты IX—X вв. и их хронология сообщаются здесь в традиционной форме без особых комментариев, совершенно необходимых в подлинном исследовании.

чиво, смешивая дунайских и волжских болгар, у нас нет оснований отвергать факты общения киевских князей и их дружин как с дунайскими, так и с волжскими болгарами. Как бы то ни было, волжские болгары в состав Киевского государства не входили, а вступили в договорные торговые с Киевом отношения.

На севере и северо-западе Киевское государство частью втянуло в свой состав ряд финских племен и литовское племя ятвягов, на юге его границы в отдельных пунктах доходили до Черного моря. Во всяком случае Черное море было хорошо известно Киеву. На западе киевские владения соприкасались с Польшей.

Южная часть Киевского государства по своей сложности вообще представляет для историка большой интерес и не меньшие трудности.

Она была населена издавна кочевыми и оседлыми народами, из которых древнейший народ из нам известных — киммерийцы были завоеваны, а частью и вытеснены отсюда приблизительно около VIII в. до н. э. скифами. Скифы в свою очередь вынуждены были уступить свою политическую роль в III—II вв. до н. э. сарматам.

В период от II до IV в. здесь господствуют готы, образовавшие большое государство от Дуная до Дона и от Черного моря до Балтийского.

У древнейшего историка готов Иордана (VI в.) мы находим, кроме интересных сведений об этом государстве, сведения о славянских и финских племенах, покоренных Германарихом. Славян Иордан называет «мощными своей численностью» и знает их под тремя именами (венеты, анты и склавены), но ничего не говорит об их происхождении.

Германарих был последним представителем готского могущества на юге нашего Союза. Еще при его жизни началось распадение этого варварского государства.

Разбитые гуннами в 70-х гг. IV в., готы потеряли свое прежнее политическое значение в южной и восточной Европе, отодвинулись на запад, частью смешались с теми племенами, которые жили в восточной Европе издавна, в том числе и со славянами.

Юг нашей страны в то же время находился в постоянных отношениях с народами Кавказа и Средней Азии.

II. НАРОДЫ КАВКАЗА

Во второй половине первого тысячелетия до н. э. западное Закавказье было занято народом, называвшим себя хайями, слившимся с еще более древним народом арменами и иверами, предшественниками картвелов-грузин. Народы восточного Закавказья греческие писатели называли общим именем албанцев, а страну их Албанией (нынешний сов. Азербайджан).

Поскольку через Закавказье пролегали пути европейско-азиатской торговли, за обладание Закавказьем боролись Рим, позднее Византия, боролось и Иранское государство. Между IV и VI вв. н. э. Армения, Грузия и Албания находились под властью Ирана. С половины VII в. н. э. начинаются завоевания арабов, и к началу VIII в. Армения, Албания (до Дербента включительно) и большая часть Грузии вошли в состав Арабского халифата. Арабские мусульманские феодалы объединились с албан-

скими, армянскими и грузинскими и захватили власть над местным крестьянством. Рост эксплоатации вызвал ряд крестьянских восстаний, главным образом, в Прикаспийских областях. Движение крестьянства облечено было в религиозную форму борьбы: мусульманством. Символом восставших крестьян было красное знамя. Самым крупным восстанием было восстание крестьян и ремесленников, так наз. хуррамитов (от имени религиозной секты) во главе с Бабеком в 818—838 гг. в Азербайджане, с большим трудом подавленное арабским халифом.

Эпоха арабского владычества на Кавказе связана с развитием среди кавказских государств городов, ремесла и торговли (особенно в X в.). Крупнейшими городами тогда считались Двин (недалеко от нынешнего Еривана), Тифлис (Тбилиси), Бердаа (в Азербайджане), Ганджа (сейчас Кировобад), Дербент.

Из Закавказья вывозились шелк, ковры, шерстяные ткани, меха, марена, кошениль, плоды, лошади, ослы и рабы (хазарские, осетинские, русские, печенежские и др.), с X в. бакинская нефть, употреблявшаяся также и для военных надобностей. В течение VII—X вв. Закавказьем не раз пытались овладеть хазары, руссы и половцы. Северная часть Кавказа находилась под властью хазар. Известен поход руссов в 943—944 гг и разграбление гор. Бердаа. Для защиты Закавказья от нападения северных народов еще персами были построены мощные крепости в Дарьяльском ущелье и в Дербенте (развалины существуют и сейчас).

С распадением халифата на ряд мелких феодальных государств на Кавказе выделились в особые государства Армения, Грузия и на месте нынешнего советского Азербайджана — государство ширваншахов.

Армянское царство (возродившееся во второй половине IX в.) со столицей в гор. Ани, развалины которого сейчас усердно изучаются советскими и турецкими учеными, простиралось между озерами Севан и Ван; оно не занимало территории всей Армении, во многих районах были свои независимые цари и князья. В 1046 г. Армения была присоединена к Византии, но уже в 1064—1071 гг. завоевана турками-сельджуками.

В Грузии создалось несколько княжеств (Абхазия, Кларджия и др.), слившихся к концу X в. в единое Грузинское царство. Оно занимало территорию нынешнего ССР Грузии и бассейн р. Чороха (район Ардагана). В 1122 г. грузины отвоевали Тифлис у местного арабского эмира. Расцвет политического могущества Грузии относится к XII — нач. XIII вв., когда она расширила свои границы за счет Армении и Азербайджана.

Государство ширваншахов занимало в XI—XII в. восточную часть нынешнего советского Азербайджана со столицей в Шемахе. До монгольского завоевания здесь господствовали персидская культура и язык.

Еще в арабский период (VII—X вв.) в восточное Закавказье стали проникать с севера турецкие (тюркские) элементы. Они стали усиливаться с появлением с юга через Персию турков-сельджуков (1064 г.). Особенно много тюркских кочевых племен осело в Азербайджане благодаря обилию здесь прекрасных пастбищ. Тюркские племена смешались с албанцами и к XIV в. образовали народность азербайджанских тюрков.

От времени господства арабов на Кавказе сохранилось много известий о постоянных связях арабских купцов с народами Поволжья. Арабы по

Волге заходили очень далеко на северо-запад, по разным речным системам они добирались до берегов Балтийского моря, а на юго-западе доходили до Днепра и за Днепр.

III. ГРЕКИ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Очень рано по Черному морю стали проникать сюда и греки. Греческие колонии буквально усеяли берега Черного и Азовского морей и обнаруживали явную тенденцию распространяться и дальше на север.

Среди многочисленных греческих колоний особенно известны Тирас (в устье Днестра или Тираса), Ольвия (в устье Южного Буга или Гипаниса), Херсонес, Феодосия, Пантикапея, Тамань, Фанагория, Диоскурия.

Одна из греческих колоний Пантикапея в IV в. до н. э. стала центром большого государства, в состав которого вошли и некоторые из греческих причерноморских городов. Это Боспорское царство. Границы этого государства менялись. В цветущий период своего существования Боспорское царство простиралось с запада на восток от Херсонеса до Кубани, а на север до устья Дона. Во II в. до н. э. Боспорское царство входит в систему Римской державы. В III в. н. э. ослабевшая Римская империя уводит свои войска из Причерноморья. Готы положили конец почти тысячелетнему существованию Боспорского царства.

IV. НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

По соседству с кочевниками-турками в VI—VIII вв. находились богатые области Средней Азии, расположенные по долинам рек Сыр-дарьи, Зерафшана, Кашки-дарьи, Аму-дарьи, Мургаба, Теджана. Это были богатые земледельческие оазисы, культурная жизнь которых держалась на искусственном орошении, основанном на выведении каналов из рек, берущих свое начало в горах.

Жившее здесь население иранского происхождения — согдийцы по рекам Зерафшану и Кашка-дарье, хорезмийцы по нижнему течению Аму-дарьи — принадлежали к народам, упоминающимся с глубокой древности. Уже с VI в. до н. э. мы имеем имена этих народов в составе Ахеменидского государства персов. В конце IV в. до н. э. Александр Македонский после завоевания Ирана (Персия) отправился в области Средней Азии и покорил их, в том числе и существовавший уже тогда Самарканд. Греческие писатели, бывшие в походе Александра Македонского оставили свои записи, из которых видно, что уже тогда земледельческая страна эта имела много городов. Впоследствии к VI в. н. э. наибольшей известностью стали пользоваться Мерв, Бухара и Самарканд. Через эти города проходил старинный торговый путь из Ирана и Кавказа в Монголию и дальше в Китай. По всей стране, которую называли тогда Туркестаном и на территории которого в настоящее время находятся наши братские советские республики — Узбекская ССР, Туркменская ССР и Таджикская ССР — раскинуты были замки крупных землевладельцев-феодалов, называвшихся тогда дехканами.[1]

---

[1] В последнее время словом дехкан обозначали среднеазиатских земледельцев.

В феодальной зависимости от последних находилось земледельческое население, трудолюбием которого пустынная некогда страна превращена была в ряд цветущих оазисов, где на ряду с пшеницей, ячменем культивировали хлопок, рис, виноград и фруктовые плоды. В начале VIII в. вся страна была завоевана арабами. В IX—X вв. культурные оазисы Средней Азии достигают высокого расцвета; Мерв, Самарканд, Бухара становятся большими богатыми городами.

V. ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ

В VI—VIII вв. степи, простирающиеся от Каспийского и Аральского морей до Монголии включительно, заняты были кочевыми турецкими народами, которые переходили в ту эпоху от родового строя к феодальному и образовали обширное турецкое государство, распавшееся постепенно на ряд независимых кочевых владений. Одно из них на территории от нижней Волги и до Днепра с захватом северного Кавказа известно было под именем хазарского и до X в. играло крупную роль в политической жизни юго-восточной Европы. Ведя полукочевое, полуземледельческое хозяйство, государство это знало большую по тому времени торговлю, которую вели купцы как местного происхождения, так и приезжие из Кавказа, Средней Азии, Ирана с одной стороны — Киевской Руси, Новгородского края и Скандинавии—с другой. Торговля производилась мехами, воском, кожами, идущими из районов Камы и более северных мест, в обмен на ткани, оружие из областей Кавказа и стран Азии. Торговля шла главным образом речным путем по Волге. На территории государства хазар находилось много городов. Главными из них считались Баланджар, потом Семендер и позднее Итиль, развалины которого, если они только сохранились, надо искать где-то около современной Астрахани. На Дону стояла хазарская крепость Саркел.

Хазарское государство было многоплеменным: в его состав входили тюрки, славяне, евреи и др. С X в. особенно энергично стали проникать сюда славяне. К XI в. Саркел стал во всяком случае городом с преимущественно славянским населением.

Во второй половине VIII в. хазары были вытеснены арабами из Закавказья.

Хазары заставили платить себе дань и часть славянских племен, живших по левую сторону Днепра и дальше на северо-восток от Днепра.

Это большое многоплеменное государство не всегда имело достаточно средств для того, чтобы держать в повиновении покоренные им народы и защищать свои владения от нападений соседних феодалов. К X в. начинается распад этого государства.

VI. ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О КИЕВЕ И НАЧАЛЕ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Киевское государство, стало быть, образовалось не на пустом месте. Образование Киевского государства есть политический факт сравнительно позднего времени. Это одно из последних звеньев в цепи политических событий в восточной и особенно юго-восточной Европе.

В центре этого государства стал город Киев.

Несмотря на очевидную легендарность Кия, мы все-таки не можем обойти его молчанием, если хотим правильно поставить перед собой задачу изучения политической истории Киева с древнейших времен. Более чем вероятно, что никто этого героя никогда и не видел, но он стал совершенно необходим, когда понадобилось дать ответ на вопрос, кто же первый начал в Киеве княжить.

Предание о Кие, конечно, легенда, но она возникла для того, чтобы объяснить происхождение несомненного существования полянских князей до Рюрика подобно тому, как понадобились Ромул и Рем для объяснения несомненно существовавшего Рима и римских царей, как понадобились Попель и Пяст для объяснения происхождения совершенно реальных польских князей и т. д. Эти местные князья долго продолжали сидеть на своих местах у тех славянских племен, которым удалось сохранить свою независимость от покушений крепнувших соседних княжеств с их сильными дружинами. У древлян мы знаем многих князей, одного даже по имени. Это знаменитый Мал, так неудачно сватавшийся за Ольгу. Это—X в. В конце XI в. мы видим у вятичей Ходоту и его сына.

Не называя имен, летописец, однако, утверждает установление такой же местной по происхождению княжеской власти у древлян, дреговичей, новгородских славян и полочан.

Вернемся однако к полянам. «Быша три братья: единому имя Кый, а другому Щек, а третьему Хорив; сестра их Лыбедь. Седяше Кый на горе, идеже ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, идеже ныне зоветься Щековица, а Хорив на третией горе, от негоже прозвася Хоривица. И сотвориша град во имя брата своего старейшего и нарекоша имя ему Кыев. . . И по сих братьи держати почаша род их княженье в Полях». . . [1]

К этому сообщению летописца нужно отнестись с полным вниманием. Оно говорит нам о том, что политическая жизнь в бассейне Днепра-Волхова началась задолго до пресловутого «призвания варягов». Оно дает нам объяснение столь быстрого растворения в славянской среде варягов, пришедших с севера.

Летописец не следит за дальнейшей историей ни Киева ни Новгорода, так как его главная цель указать родословие уже новой княжащей династии, т. е. династии Рюриковичей.

Вскользь он упоминает под 859 г. о том, что варяги из заморья берут дань на чуди, словенах, мери, веси и на кривичах, а хазары на полянах, северянах и вятичах. О хазарах летописец счел возможным сказать несколько слов раньше, но этот его рассказ не поднимается выше полулегендарного предания.

Относительно варягов мы можем сказать только, что это несомненно скандинавы, что их непосредственное соседство с Новгородской землей обусловливало и старые связи этих народов между собою. Весьма вероятно, что и Русь, которую летописец отожествляет с варягами, тоже скандинавского происхождения.

О каком-то «русском» северном центре говорит араб Джейхани, писавший в начале X в., но пользовавшийся источниками более ранними, восходящими к первой половине IX в. Его цитируют более поздние арабские

---

[1] Лаврентьевская летопись, изд. 1910 г., стр. 8—9.

писатели, у одного из которых, Ибн-Русте, мы имеем очень интересное указание: «Что касается до Русии, то она находится на острове, окруженном озером. Остров этот, на котором живут они (русь), занимает пространство трех дней пути; покрыт он лесами и болотами; нездоров он и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясется по причине обилия в ней воды. Они имеют царя, который зовется хакан-Рус. (Другой арабский писатель Хордадбе говорит о том, что «царь славян называется князь» *Б. Г.*)[1] Они производят набеги на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, отвозят в Хазран и Булгар и продают там».[2] Этот древнейший арабский источник, знающий Русь, отличает Русь от славян.

Не совсем ясно, где этот варяго-русский остров. Одни приурочивают его к Новгороду, который скандинавы называли Holmgard, т. е. островной город, другие к Старой Руссе, третьи переносят его в Междуречье Волги и Оки, и этим далеко не исчерпывается разнообразие мнений по этому предмету. Точного определения места дать сейчас нет возможности. Может быть этот остров помещался даже не на нашей территории, а за морем, и, может быть, летописец имел в виду именно его, когда писал под 859 г., говоря о варягах из заморья.

Определенные подозрения в этом отношении вызывает часть Швеции на северном берегу Финского залива — Упланд, к северу от озера Мелара. Прибрежная полоса, лежащая против Финского залива, называлась «Рослаген».

Эта гипотеза кажется мне наиболее вероятной.[3]

Это Русь северная. Но нам известен и народ южный под именем Ῥώς.[4] Этот народ называет и Лев Диакон. По мнению Н. Я. Марра, от корня ρως происходит ряд географических южных названий: Аракс, Арарат, Урал. Сюда же надо отнести известных тоже на юге Роксолан.

Не случайно и Волга называлась «Рось». Мы знаем целый ряд южных рек, связанных по названию с этим именем «рос»: Оскол-Рось, Рось приток Днепра и Нарева, Роска на Волыни и мн. др.

Очевидно, эту южную Ῥώς имел в виду константинопольский патриарх Фотий как в своих проповедях 860 г., так и в своем «Окружном послании» 866 г., когда говорил о нашествии этого народа на Византию. Он называет этот народ то Ῥώς, то скифами. А скифами никто никогда не называл северные народы и особенно скандинавов. Ῥώς, или скифы, рисуются Фотием большим, всем известным народом, за последнее время усилившимся благодаря завоеванию соседних народов. Варяги здесь не причем.

Нет ничего невероятного в том, что в термине Россия, тождественном Руси, мы имеем пережиток существования двух терминов Ῥώς и Русь, одного южного, другого северного, волею исторических судеб встретившихся и отождествившихся. Так по крайней мере думает один из последних исследователей этого вопроса, Брим.[5]

---

[1] А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, стр. 56.

[2] Там же, стр. 55.

[3] Томсен. Начало Русского государства, стр. 68.

[4] Порфирий Успенский Четыре беседы Фотия. СПб., 1864, стр. 8 и 53.

[5] В. А. Брим. «Происхождение термина Русь». Россия и Запад. Истор. сборники, № 1, 1923, стр. 5—10

Этот автор указывает на мнение, существовавшее и раньше, что Русью звали в древности не какое-либо варяжское племя, а варяжские дружины вообще.[1] Константин Багрянородный, рассказывая, как русские князья ездили в полюдье, говорит, что князья отправляются «μετὰ πάντων τῶν Ρῶς» со всею Русью (т. е. со всею дружиною). Этой терминологией, повидимому, пользовался и летописец, говоря о Рюрике и его братьях: «И избрашася 3 братья с роды своими и пояша по собе всю Русь». (Было бы нелепо думать, что Рюрик забрал с собою весь народ.) Брим старается показать, что слово «русь» происходит из скандинавского корня «drôt», что значит дружина, или, вернее, от слова «drôtsmenn» — дружинники. Так как этот термин, прежде чем попасть в славянскую среду, предварительно прошел через финнов, где неизбежно и закономерно потерял первую согласную и последний слог, отчего и получилось rotsi по аналогии с riksi из riksdaler, а из rotsi у славян получилось совершенно на законном основании — Русь.

Северная Русь и южная Ρῶς встретились в Киеве.

VII. ОБРАЗОВАНИЕ „ИМПЕРИИ РЮРИКОВИЧЕЙ"

Как я уже указывал выше, летописец до призвания Рюрика повествует, так сказать, скачками, сообщает нам лишь отдельные вырванные из контекста факты. Не объяснив нам совсем, откуда взялись варяги, как они завладели славянами (новгородскими), кривичами, чудью, мерею и весью, лишь мельком коснувшись вопроса о подчинении хазарами полян, северян и вятичей, киевский летописец спешит использовать запись новгородского летописца о призвании Рюрика, но как мы легко можем убедиться, приспособляет новгородское сказание к своим собственным целям.

В Новгородской летописи написано под 854 г.: «Во времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии словени и кривичи и меря и словене свою волость имели, а кривичи свою, а меря свою; кождо своим родом владяше, а чюдь своим родом; и дань даяху варягом от мужа по беле и веверици. А иже бяху у них, то ти насилье деяху словенам, кривичем и мерям и чюди. И всташа словене и кривичи и меря и чудь на варягы и изгнаша я за море и начаша владети сами собе и городы ставити; и всташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и всташа град на град, и не беше в них правды. И реша к себе: «князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву».[2]

Киевский летописец пропустил место о насилиях варягов, но все же указал на изгнание варягов, на появление «усобиц», сделавших призвание князей целесообразным и даже необходимым.

Прибытие трех братьев (Рюрика, Синеуса и Трувора) рассказано в обоих летописях. Ранняя смерть Синеуса и Трувора делает Рюрика единым представителем власти в Новгороде. Киевский летописец не упомянул о неудачном восстании против Рюрика новгородцев во главе с Вадимом.

---

[1] Ключевский. Курс русской истории, 1918, т. I, стр. 200. Платонов Лекции по русской истории, 1917, стр. 65—66.

[2] Новгородская I летопись, изд. 1888 г., стр. 4—5.

О Рюрике мы имеем сведения только от наших летописцев. В других источниках Рюрика мы не встречаем, между тем как его преемника (если верить летописи) Олега знают и византийские [1] и хазарские источники.[2]

Есть большое основание сомневаться в точности предания о Рюрике, о котором так настойчиво говорят наши летописи. Но с другой стороны, едва ли необходимо отвергать целиком его призвание. В факте «призвания» во всяком случае нет ничего невероятного (это не исключает постоянных столкновений с варягами и их военных предприятий против славянских и финских народов). Оно очень похоже на те призвания, которые мы знаем при Владимире и Ярославе. При Владимире призванные варяги чуть-чуть было не повторили той же программы, которую, повидимому, удалось выполнить Рюрику. Приглашенные Владимиром варяги, если верить летописному рассказу, помогли ему занять Киев, но они же и заявили Владимиру: «се град наш, мы прияхом и...» Только ловкость Владимира спасла положение, и приглашенные проследовали дальше на Царьград, покинув Киев. А ведь они могли и остаться в Киеве. Повторилось бы буквально то же, что, по летописному преданию было и при Рюрике.

Изображение летописцем целей и обстоятельств призвания имеет свое объяснение в общей тенденции летописца, о чем уже приходилось говорить выше (стр. 9).

Если быть очень осторожным и не доверять деталям, сообщаемым летописью, то все же можно сделать из известных нам фактов вывод о том, что варяжские викинги частью истребили местных князей и местную знать, частью слились с местной знатью в один господствующий класс. Так началось сколачивание аляповатого по форме и огромного по территории государства Рюриковичей.

Северные дружины столкнулись с южными киевскими. Северные князья, если верить летописи, заняли Киев, который и делается матерью городов русских, центром государства Рюриковичей. Это событие, согласно летописным данным, произошло в 882 г., когда новгородский князь Олег собрал большое войско из варягов, чуди, мери, веси, кривичей и новгородских славян, захватил Киев, предварительно заняв Смоленск и Любеч. Киев в глазах победителя имел перед Новгородом ряд преимуществ. Киев был ближе к богатому Царьграду, не перестававшему служить приманкой для ненасытных вооруженных искателей добычи. Соблазняла их близость и других богатых стран, расположенных по побережьям Черного и Азовского морей (Дунайская Болгария, Крым, Хазарское царство). Наконец, из Киева можно было держать в своих руках и далекий Новгород.

Олег проявляет энергичную завоевательную деятельность. Прежде всего он старается укрепиться в новой своей столице и ограживается сетью крепостей. Он устанавливает определенные дани с ильменских славян, кривичей и мери. На Новгород налагает ежегодную сумму денег. И после этого начинает покорять соседние славянские племена — древлян, северян и радимичей.

---

[1] Договоры Олега с греками 907, 911 гг.

[2] П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Лгр. 1932, стр. 118.

Древляне, жившие по правую сторону Днепра, до сих пор не знали чужой власти. У них были свои собственные князья, выросшие из родовых старшин и вождей. Это племя долго и упорно защищало свою независимость. Несмотря на это, Олег их все-таки «примучил» и заставил платить себе дань. Древляне, однако, ждали случая скинуть с себя эту власть и скинули ее сейчас же после смерти Олега.

Северяне и радимичи давно уже были под властью хазар, и Олег здесь столкнулся из-за них именно с хазарами, отвоевал у них северян и наложил на них дань. Свое оружие Олег направил дальше на племена, жившие между Днестром и Дунаем. Часть их долго сопротивлялась и сдалась только преемнику Олега Игорю.

Согласно летописным данным, в 907 г. олеговы дружины ходили на Царьград.

Олег собрал огромные полчища из ильменских славян, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, хорват, дулебов, тиверцев, чуди и мерян. Тут мы имеем не только подчиненные Олегу племена, но и примкнувших к нему союзников (напр., хорваты и дулебы). Поход был одновременно морской и сухопутный. Сильно опустошил Олег окрестности Царьграда. Греки запросили мира и согласились выплатить контрибуцию, после чего был заключен письменный договор, определяющий отношения между Киевским государством и Византией. На основании этого соглашения Русь могла приезжать в Царьград и торговать беспошлинно. Русские послы и купцы в течение 6 месяцев получают в Царьграде хлеб, вино, мясо, рыбу и овощи; имеют право мыться в греческих банях «елико хотят», получают на обратный путь провизию, якоря, веревки, паруса и все, что им нужно. Греки ставили эту Русь, прибывающую к ним с торговыми целями в строго регламентированные условия. Русские купцы должны останавливаться в предместье города, пока их не перепишут поименно греческие чиновники, затем уже их впускают в город без оружия в одни ворота партиями по 50 человек, определяются нормы продовольствия и др.

На этом договоре поклялись обе стороны; Русь присягала по своему обряду: клялась на оружии Перуном и Волосом. В 911 г. с греками был заключен более детальный договор.

Подлинный договор 907 г. нам неизвестен. Он приведен в летописи только в выдержках. Договор 911 г. летопись приводит полностью. Вопрос о соотношении этих договоров спорен.

В год смерти Олега (по Лаврентьевской летописи 912) Киевское государство охватывало уже значительную территорию.

В каких отношениях к Киеву стояли покоренные племена и народы, точно определить трудно. Мы знаем однако, что зависимые от Киева земли вынуждены были признавать над собой власть киевского князя, т. е. платить ему дань и помогать ему в его военных предприятиях. Далекий Новгород был связан с Киевом, в основном такими же узами. На востоке киевский князь имел своего представителя в области мери, где давно уже был город Ростов, построенный новгородцами. Крайними южными племенами, подвластными киевскому князю, были тиверцы и уличи.

Связи между этими землями поддерживались силой оружия. Основная цель властвования заключалась в получении с покоренной массы даней

и военных отрядов, необходимых киевским князьям для укрепления и расширения своих владений. Эта дань в руках князей и дружинников превращалась в товар и шла главным образом за границу и прежде всего в Византию.

Связь отдельных земель, поддерживаемая силой оружия, не могла быть очень прочной. Даже самое ядро Киевского княжества, составившееся из полян, древлян и дреговичей, не было монолитно спаянным. Как только не стало Олега, древляне поднялись против Киева, и преемник Олега Игорь снова идет покорять их, снова их побеждает, налагает на них дань бо́льшую олеговой и сажает здесь своего мужа Свенельда, победителя уличей. У Свенельда, таким образом, оказалось в руках большая территория—уличей и древлян. Сам находясь под рукою киевского князя, он представлял собою тип богатейшего из бояр. У него свои владения, своя прекрасно вооруженная и снабженная всем необходимым многочисленная дружина. Даже дружинники самого князя Игоря указывали своему князю на свенельдову дружину, говоря: «отроци Свенельжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази». Этими словами они подбивали своего князя в поход. Игорь отправился на древлян. Мужи его делали древлянам много насилий, князь не отставал от мужей. Аппетит у него обнаружился даже больший, чем у его дружинников. Последние, казалось, были удовлетворены награбленным добром, а Игорю было мало. На обратном пути из земли древлян он сказал своей дружине: «идите с данью домови, а я возвращуся, похожу и еще». Древляне со своим князем Малом обсудили положение и решили, что волка надо убить: «аще ся ввадить волк в овце, то выносит все стадо, аще не убьють его; так и се, аще не убьем его, то вся ны погубит». Игорь был убит древлянами около древлянского города Искоростеня (945 г.). Ольга, его жена, жестоко расправилась с древлянами. Положение их стало еще тяжелее.

Однако участь Игоря показала, что подчиняемые оружием соседние племена готовы защищать себя, и вынудила Ольгу изменить методы властвования. Она начинает упорядочивать систему взимания дани, устанавливая ее размеры.

В княжение Игоря вооруженные варяжские и славянские киевские дружины побывали два раза на Кавказе и, если верить летописи, два раза в Византии. В 913 г. мы видим их грабящими берега Каспийского моря. Войдя предварительно в соглашение с хазарами и обещая им половину ожидаемой добычи, русские дружины прошли через землю хазарскую, обрушились на плохо защищенные берега Каспия и дошли до Баку. Добыча была огромна. Половину ее они действительно отдали хазарскому кагану, но свою половину им не пришлось довезти до дому, так как они были ограблены и в значительной степени перебиты по пути через северный Кавказ. В 943 г. мы видим русских снова проникающими на Кавказ сухим путем и грабящими город Бердаа. На этот раз им удалось довезти добычу домой.

Дважды (по летописи), в 941 и 944 гг., Игорь ходил на Царьград. Первый раз очень неудачно. Его ладьи были сожжены греческим огнем, пускаемым через трубы. Спаслись немногие. Они потом рассказывали, что «греческий огонь» словно молния спускался на их суда и зажигал их. Взятые в плен воины Игоря были казнены в Константинополе. Второй поход был несколько удачнее. До боя дело не дошло, так как греки, как

утверждает летописец, предложили выкуп, после чего, в 945 г., был заключен между греками и Русью договор «на все лета, пока солнце сияет и весь мир стоит». Греки платили Киевской Руси не даром. Кроме выгод торговых, которые получали греки от связи с Киевом, киевские князья обязывались защищать Византию от нашествий других врагов. Игорь обязывался не пускать в Крым болгар.

Особенной силы достигло Киевское государство при Святославе (умер в 972) и его сыне Владимире (980—1015).

Растущая киевская держава стремится распространить свои владения возможно шире. Князья, бояре, дружинники и купцы заинтересованы в увеличении количества дани и добычи. «Поиди, княже, с нами в дань,— говорит князю дружина, приглашая его в новый поход,—да и ты добудешь и мы». Если князь Игорь ждал этого приглашения, то его сын Святослав не нуждался в поощрениях. Туда, где чувствовал добычу, он ходил легко, как барс, без громоздких обозов и шатров. Так ходил он на Оку, и на Волгу, и к вятичам, к болгарам камским и дунайским, на хазар, в Царьград и на Кавказ.

В военных предприятиях Святослава есть известная система. Ближайшие соседние славянские земли были уже подчинены Киеву. Святослав обращается на вятичей, которые еще продолжали платить дань хазарам, и налагает на них дань. Из Оки он входит в Волгу и громит Волжско-Камских болгар и буртасов. На защиту своих владений против Святослава выступил хазарский каган, но потерпел жестокое поражение. Святослав этим не довольствовался и пошел в страну хазар, взял их укрепленную столицу Итиль, после чего, имея в тылу разбитого и неспособного к сопротивлению неприятеля, отправился на Кавказ, где завоевал ясов (осетин) и косогов (черкесов), живших по Кубани, и завладел местностью у Азовского моря под названием Таматарха (позднее Тмутораканъ, сейчас Тамань). Когда-то сильное хазарское царство, державшее в руках на западе славянские племена и северный Кавказ, к этому времени уже значительно обессиленное, оказалось сломленным. Главной силой в Причерноморье становится Киевская держава.

Вполне понятно, что слабеющая Византия начинает бояться за себя. Чтобы обеспечить себя от двух своих соседей — Болгарии Дунайской и Руси Киевской, Византия ловким политическим шагом направила Святослава против Болгарского государства. Святослав начал успешные действия, взял много городов и остановился в Переяславце на Дунае. Византия начала бояться своего слишком ретивого союзника и, повидимому, подстрекает печенегов к нападению на Киев. Известие об осаде Киева печенегами заставило Святослава покинуть Болгарию и итти защищать свою столицу. Во время его отсутствия из Болгарии болгары и греки в виду грозившей им общей опасности успели заключить соглашение, и, когда Святослав сделал попытку вернуться в «свой» Переяславец, Болгария встретила его с оружием в руках. Между тем Святослав к ужасу греков имел самое серьезное намерение перенести свою столицу в Переяславец, где, как он говорил, есть середина его земли, куда сходится из разных мест добро: от греков золото, шелка, вина, различные плоды; от чехов и венгерцев серебро и кони; из Руси меха, воск, мед и люди. После отчаянных боев и жесточайшей

расправы с побежденными Святослав завладел снова Болгарией. На этот раз против него выступил сам византийский император Иоанн Цимисхий, который прекрасно понимал, что соседство Святослава опаснее самостоятельной Болгарии. На этой почве Святослав столкнулся с Византией и после длительной и упорной борьбы был побежден, вынужден был заключить невыгодный для себя мир и с остатками войска вернуться в Русь.

На обратном пути его убили у Днепровских порогов печенеги (972). Один старый Свенельд пришел в Киев с немногими воинами.

Поражение Святослава и его смерть были использованы его соседями и покоренными им землями.

Еще в 970 г., когда Святослав собирался возвращаться в Болгарскии Переяславец с намерением там остаться навсегда, он вместо себя в Киеве посадил своего старшего сына Ярополка, а второго сына Олега в земле древлянской и третьего Владимира в Новгороде.

Пять лет спустя после смерти Святослава Ярополк пошел против своего брата Олега и последний пал в бою. Владимир испугался, ожидая и для себя такой же участи, и бежал за море. Ярополк посадил в Новгороде своих посадников, но через два года Владимир вернулся в Новгород с варяжской дружиной и завладел не только Новгородом, но и Киевом, вероломно убив своего старшего брата Ярополка, когда этот последний с мирными целями переступил порог жилища Владимирова.

При Владимире граница власти киевского князя расширилась главным образом на западе и северо-западе. После похода на Польшу (981) захвачена была Галиция, на северо-западе завоеваны Полоцкое княжество и земля ятвягов.

Так расширялась империя Рюриковичей. Но организационных средств систематически держать покоренные области в повиновении у Киевского государства было немного. В этих сравнительно недавно покоренных местах мы видим непрекращающуюся борьбу со своими поработителями.

Владимиру пришлось снова пройтись огнем и мечом буквально по следам своего отца Святослава. Радимичи и вятичи, узнав о смерти своего победителя, Святослава, восстали против Киева. Владимир дважды ходил на вятичей, один раз на радимичей и болгар.[1] На радимичей и вятичей снова была наложена старая дань, с волжскими болгарами заключено соглашение, по которому болгары и Киевское государство условились беспрепятственно вступать в торговые отношения друг с другом, причем болгары обязались возить свои товары только в города, подвластные Киеву, а по селам ездить с товарами им запрещалось.

VIII. ВИЗАНТИЯ И КИЕВСКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР

Владимир стремился восстановить политические и торговые отношения с Византией, нарушенные со времен отступления Святослава из Дунайской Болгарии. Международные отношения сложились так, что сама Византия сделала шаги в этом направлении.

---

[1] Источники не ясно говорят, на каких именно болгар ходил Владимир, Волжских или Дунайских. Может быть, Владимир воевал и с теми и с другими. См. Соловьев, С. М. История России, изд. Общ. Польза, т. I, стр. 175.

Борьба отдельных феодалов за власть в Византии приняла формы грандиозные. Армия во главе с крупнейшим феодалом Вардой Фокой подошла к Константинополю. С севера Константинополю угрожали Болгары. Император Василий обратился за помощью к Владимиру. Владимир согласился на известных условиях, в число которых входила и женитьба его на сестре императора, Анне, так как по тогдашним понятиям родство с византийской императорской фамилией возвышало Киевского князя в глазах других государств. Император вынужден был согласиться, но, вероятно, тогда же думал, не выполнять этого условия, так как недавно он ответил германскому императору Оттону, сватавшему за своего сына греческую царевну, что это неслыханная вещь, чтобы багрянородная (т. е. рожденная от императора в багряной палате дворца) породнилась с варваром. Владимир во всяком случае поверил императору, и шеститысячная русская дружина явилась на помощь Василию. Фока потерпел два жестоких поражения и был убит. Спасенный владимировой дружиной Василий, повидимому, не склонен был выполнить условий, заключенных с Владимиром; тогда последний осадил греческий город Корсунь (Херсонес) в Крыму. После девятимесячной осады мощная крепость была взята.

Византийский император стал сговорчивее. Заключен был мир, одним из условий которого была женитьба кн. Владимира на сестре императора Василия, Анне, и принятие Владимиром, его дружиной и господствующими классами греческой веры. Это была компенсация Византии за нанесенное ей поражение, так как последняя получила возможность через свое духовенство активно участвовать в политической жизни Киева.

IX. КИЕВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КОЧЕВНИКИ ЮЖНЫХ СТЕПЕЙ

В IX—X вв. в азиатских степях происходили крупные события. Многие из кочующих племен стали переходить к оседлости. Родовые отношения заметно уступают место классовым, феодальным. Феодалы в погоне за землей и рабочими руками вступают в жестокую борьбу с незнавшими до сих пор феодального гнета племенами. Эти последние бросают родные степи и массами перекочевывают на запад в степи прикаспийские и черноморские. По их пятам идут их преследователи. Так, в южных причерноморских и приазовских степях появлялись выходцы из соседней Азии, тюркские племена — печенеги, торки, берендеи, черные клобуки (каракалпаки), половцы и монголы-татары.

Как мы уже видели, Причерноморье и до этого имело большую свою историю. Здесь кочевали и оседали различные племена, известные нам со времен скифов. Население этих степей частью входило и в состав Хазарского государства. Одно из племен, появившихся под стенами Киева раньше других выходцев из Азии, печенеги, по свидетельству византийского императора Константина Багрянородного (род. 905, ум. 959), кочевало между рр. Волгой и Яиком (Уралом) по соседству с хазарами. Впрочем в отрядах степной конницы, нападавшей на Киев, весьма вероятно, были не одни печенеги, так как обычно в таких походах участвовали разные племена, считавшие черноморские степи для себя родными.

Летописец называет 915 год, когда «приидоша печенеги первое на Русскую землю», но хазарам они были известны и раньше. В VIII и IX вв.

между хазарами и печенегами шла упорная борьба. Хазары с трудом оборонялись от их нападений. В начале X в. мы видим печенегов уже кочующими между Доном и Дунаем. Один день пути отделял их от Киевской земли. Император Константин говорит, что печенеги часто грабят Русь и причиняют ей много вреда и убытков. Руссы стараются жить с ними мирно, потому что в случае войны с ними они чувствуют отрезанными себя от юга, главным образом от Царьграда. Враждебные печенеги в таком случае ждут русских у Днепровских порогов и здесь, пользуясь их затруднительным положением при переходе порогов, избивают их или обращают в бегство. Поэтому славяне избегают с ними войны и иногда вступают с ними в союз, чтобы одновременно избавиться от их вражды и пользоваться их помощью. То же делают и греки. И греки и славяне торгуют с печенегами. Русь покупает у них скот. За время с 915 по 1036 г. киевские князья воевали с печенегами 8 раз. Обычно печенеги нападали на Киев, когда он бывал беззащитен. Соседство с печенегами заставило киевских князей отодвинуть южную границу Киевской земли несколько к северу, почти к самому Киеву, где по рекам Стугне, Ирпени и Трубежу Владимир построил для защиты от печенегов ряд крепостей.

В этих крепостях посажены были отряды тех же печенегов, которые нанимались на службу к киевскому князю и защищали границы от нападения своих же единоплеменников. Основная масса печенегов ушла к Дунаю и за Дунай. По следам печенегов, на запад шли другие племена — торки и половцы.

Торки не могли выдерживать борьбы с печенегами, славянами и половцами и частью были перебиты в боях, частью поумирали во время бегства: одни от холода, другие от голода, третьи от болезней. Южные русские князья ходили на торков два раза. Часть торков вместе с печенегами стала служить киевским князьям. Переяславское княжество и южные части Киевского и Черниговского сплошь были усеяны торкскими поселениями. Они заходили еще севернее в Рязанское княжество и даже Суздальское. Очень много торкских названий речек и населенных мест являются и до сих пор следами их поселений.

На следующий год после поражения торков, появились в пределах Киевской земли половцы (куманы). Половцы появились в Европе в 30—40-х гг. XI в., оттеснив основную массу печенегов на запад в Угрию. С 1061 г. идет ряд половецких набегов. Особенно сильной становится половецкая опасность в конце XI в., когда половцы обрушились на Киевскую и Переяславскую земли. Города были сожжены, население частью избито, частью разбежалось. Часто, говорит летописец, можно было видеть людей с воспаленными языками, босых, с ногами, истерзанными терном, вспоминающих старое время и указывающих на развалины и пепелища: «я жил в этом городе, а я в этой деревне» говорили они друг другу со слезами и вздохами.

Но это были только неизбежные следствия войны, а не разгром. В начале XII в. мы уже видим другую картину: киевляне переходят в наступление. В 1103 г. нанесено было половцам поражение, вслед за ним еще три. Эти удачные для Руси походы были связаны с деятельностью Владимира Мономаха, сумевшего сорганизовать отпор. Половцы отодвинулись

на Дон, Волгу и Яик. Часть половцев осталась в непосредственном соседстве с Киевом, многие из них получили от киевских князей землю и стали в качестве вассалов служить этим князьям. Половцы начинают играть значительную роль в борьбе русских князей между собой. Но в конце XII и начале XIII вв. мы снова видим половецкое наступление, снова идет с ними война без перерыва до появления татар.

Положение Киева и особенно Переяславля на границе со степью делало историю этих княжеств полной военных тревог. То половцы нападают на русские села, то русские дружины идут на половецкие вежи (стоянки). Вечное напряжение выработало в жителях этих земель и особые свойства. В своей речи на Долобском съезде князей Владимир Мономах прекрасно охарактеризовал жизнь южного крестьянина: выедет смерд в поле пахать, а половчин внезапно на него нападет, убьет его самого, заберет лошадь, отправится в его село и там ограбит крестьянский скарб, сожжет гумно, заберет в плен его жену и детей.

Однако Киевское государство имело достаточно сил, чтобы не только отражать врагов, но и превращать их в средство своей защиты от этих самых врагов. Печенеги, торки, половцы не только воевали с Киевом, но и входили с ним в различного рода отношения.

X. ПРИЗРАК РАСПАДА КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

В то самое время, когда расширялись границы Киевского государства, и киевские князья, бояре и купцы богатели за счет покоряемых народов, внутри огромного Киевского государства шел процесс, подготовлявший распад огромного наскоро сколоченного государства.

Окрепшие и продолжающие крепнуть отдельные области настолько успели усилиться, что смогли противопоставить себя власти Киева и перестали делиться с ним своими доходами.

Уже к концу жизни Владимира стали заметны тревожные для киевской державы признаки. Новгород, до сих пор поддерживавший необходимую для него торговую и политическую связь с Киевом, стал проявлять попытки ослабить свои по отношению к нему обязательства. Несмотря на то, что в Новгороде в качестве посадника сидел сын Владимира Ярослав (Мудрый), новгородцы решили прекратить ежегодные взносы в Киев по 2000 гривен. Ярослав в данном случае был на стороне Новгорода. Пришла в Киев также весть, что наступают печенеги. Сам Владимир стал готовиться в поход против Новгорода, а сына своего Бориса послал навстречу печенегам.

Новгородцы с князем Ярославом во главе решили обороняться. Ярослав для этого пригласил из-за моря варягов. Но поход Владимира на Новгород не состоялся, так как Владимир заболел и умер в 1015 г. Ярослав этого не знал и продолжал кормить варяжскую дружину. Дружинники-варяги, в ожидании военных действий, чувствовали себя в чужой стране безнаказанно и вели себя в Новгороде так, что вызвали вооруженный протест. Ночью, когда Ярослава в городе не было, варяги были перебиты. Когда Ярослав вернулся и узнал о происшедшим, он решил избить тех, кто участвовал в резне варягов.

В эту же ночь из Киева пришла весть от сестры Ярослава о смерти Владимира и подвигах Святополка, брата Ярославова: Святополк стал

истреблять своих братьев, чтобы самому сесть на место отца в Киеве и таким путем предотвратить угрожающий Киевскому государству распад.

Началась жесточайшая борьба, в которую были втянуты и поляки, и венгры, и немцы, и печенеги. Особенной энергией в борьбе отличались Святополк, прозванный «Окаянным», и Ярослав «Мудрый». Святополк успел уже убить трех своих братьев — Бориса, Глеба Муромского и Святослава Древлянского, и, очевидно, готовил такую же участь Ярославу. Будучи во-время предупрежден своей сестрой, Ярослав собрал вече и объяснил создавшееся положение. Новгород должен был выбирать между Святополком и Ярославом. Явно обнаружившиеся политические тенденции Святополка, стоявшего, повидимому, на той же позиции, что и его отец Владимир, т. е. за господство Киева против сепаратистских стремлений Новгорода, и не менее отчетливая политическая линия Ярослава, стоявшего за предоставление Новгороду более широкой автономии, склонили новгородское боярство на сторону Ярослава. Они решили помогать ему против Святополка.

Подобно тому, как во времена Олега и Владимира, северные дружины снова взяли Киев и посадили на Киевском столе своего кандидата.

Святополк был побежден и бежал в Польшу к своему тестю королю Болеславу Храброму. Путь к Киеву был чист, и Ярослав со своим новгородским войском прибыл туда беспрепятственно, наградил участников похода деньгами и отпустил их домой, дав им с собой грамоту, по Новгородскому преданию, повидимому «Правду Русскую».

Однако борьба на этом не окончилась. Болеслав, рассчитывая получить обратно завоеванные Владимиром польские земли, решил вмешаться в борьбу и двинул на Киев большое войско из поляков, венгров и немцев. Ярослав потерпел жесточайшее поражение и успел бежать в Новгород только с четырьмя из своих дружинников. Через Новгород он собирался направиться за море к варягам, где у него были надежды получить помощь. Но новгородцы не пустили его, порубили «лодьи» Ярослава, приготовленные к отплытию, и заявили, что сами ему помогут против Святополка и Болеслава. Новгород упорно не хотел и боялся победы Святополка. По решению веча было собрано много денег, нанята варяжская дружина, к которой присоединилось и новгородское войско, и Ярослав снова пошел на Киев.

Между тем положение Болеслава в Киеве оказалось весьма тяжелым: против расположенных по киевским городам его войск вспыхнуло восстание народной массы, и поляки были перебиты. Болеслав вынужден был уйти домой, захватив сокровища Ярослава, и в награду за помощь получив от Святополка отвоеванные Владимиром у Польши земли. Оставшись без союзника, Святополк потерпел поражение и погиб во время бегства. Ярослав утвердился в Киеве. Однако поражением и гибелью Святополка не окончилась борьба за Киев.

Претендентом на Киев явился четвертый брат Ярослава, Мстислав Тмутараканский. Из далекой Тмуратаракани Мстислав следил за Киевом и в 1023 г. пошел на Киев. Ярослав был в это время в Новгороде, защищал Новгород от нападения полоцкого князя Брячислава. Мстислав рассчитывал, что Киевское вече примет его вместо Ярослава, но ошибся в расче-

тах. Тогда он занял Чернигов. Ярослав вынужден был мириться с Брячиславом, спешит в Киев, предварительно послав за варягами.

Однако варяжская помощь не помогла Ярославу: победителем оказался Мстислав. Последний, впрочем, не хотел продолжать борьбу и предложил Ярославу вернуться в Киев на условии, что все земли по левую сторону Днепра будут принадлежать Мстиславу. Три года Ярослав не решался, однако, близко подойти к Киеву и только в 1026 г., «совокупив вои многи», рискнул, очевидно убедившись в том, что Мстислав действительно дорожит главным образом левобережьем, связывающим его с его владениями по черноморскому берегу до Тмутаракани включительно. Десять лет Днепр делил двух сильных князей, и только после смерти Мстислава (1036 г.) Ярослав стал владеть Киевской землей один.

Оставался еще пятый брат Ярослава, Судислав. Может быть, он ничего и не замышлял против Ярослава, но Ярослав стал подозрителен и осторожен. По какому-то доносу он в том же 1036 г. арестовал Судислава и посадил в тюрьму, где он просидел больше 20 лет.

Разделавшись с соперниками, Ярослав стал «самовластцем». Дорого обошлось Ярославу это «самовластие». А для его сыновей оно стало и совсем недоступным.

XI. НЕПРОЧНОСТЬ ДЕРЖАВЫ РЮРИКОВИЧЕЙ. ПОПЫТКИ ПРЕДОТВРАТИТЬ ЕЕ РАСПАД. „ТРИУМВИРАТ"

Государство Рюриковичей разделило судьбу всех варварских монархий. Даже и та непрочная связь, которая держала в подчинении Киева значительную часть княжеств, была недолговечной. По смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) мы видим явные признаки распада этой скороспелой державы.

У Ярослава было пять сыновей. Умирая, он мечтал, что дети его будут подчиняться старшему брату Изяславу, которому Ярослав поручил самые главные части земли, Киев и Новгород. Но надежды Ярослава не сбылись. Следующие по старшинству братья Изяслава оказались во главе достаточно сильных княжений, чтобы не считаться с старшим своим братом. Святослав владел Черниговом и несколькими княжествами, охватывавшими в общей сложности громадное пространство от Чернигова до Рязани и Мурома, включая сюда землю вятичей. Ему же досталась и далекая Тмутаракань. Всеволод получил самую южную землю Переяславскую, земли по Волге, а также Ростов, Суздаль и Белоозеро. Остальные два брата получили небольшие сравнительно владения и, естественно, со старшими братьями конкурировать не могли.

Эти три старшие брата заключают между собою союз, образуют «триумвират» и, таким образом, стараются поддерживать мир и единство огромной территории Восточной Европы.

Еще при жизни Ярослава эти три его старшие сына действуют вместе. Они втроем составили устав об управлении княжескими имениями, так называемую «Правду Ярославичей». И после смерти отца они сообща вносят существенные изменения в «Русскую Правду», между прочим, отменяют окончательно месть и заменяют ее денежным штрафом. Втроем они распоряжаются судьбами отдельных княжений, земли одних князей они передают

по своему усмотрению другим, некоторые особенно ценные оставляют за собой в общем владении. Втроем они делают попытку снова подчинить себе княжество Полоцкое. Они заманили полоцкого князя Всеслава к себе. Целовали крест, что не сделают ему никакого зла. А когда полоцкий князь, поверив крестному целованью, явился к ним с двумя своими сыновьями, их всех схватили и бросили в тюрьму.

Но и «триумвират» оказался непрочным. Первую брешь пробил о в нем революционное выступление киевской городской массы в 1068 г.

XII. ВОССТАНИЕ В КИЕВЕ 1068 Г.

1068 год был годом первого большого половецкого нашествия на Русь. Вышедшие навстречу степнякам на реку Альту все трое Ярославичей были разбиты и с остатками своих дружин бежали: Изяслав со Всеволодом в Киев, Святослав к себе в Чернигов. Остаток киевского ополчения, созвав вече на торговой площади в Киеве, обратился к Изяславу с такой речью: «половцы рассыпались по земле; дай, княже, оружие и коней — мы будем еще биться с половцами». Вече хотело создать новую армию из той части населения, которая не имела ни оружия, ни коней, т. е. из массы городского и сельского простого люда. Изяслав отказался исполнить это требование веча, и это послужио поводом к восстанию народной массы в Киеве. Восстали «людие», простая «чадь». Восставшие обвиняли не только князя, но и его воеводу Коснячка, который жил в Киеве в возвышенной его части «на горе». Люди бросились искать этого воеводу, но он во-время успел скрыться. Кто-то среди восставших предложил отправиться в тюрьму и освободить так вероломно заключенного там князя Всеслава. Мнения разделились. Одна часть, настроенная более радикально, отправилась освобождать Изяславова врага Всеслава, другая, склонная к дальнейшим переговорам с князем Изяславом, отправилась к его дворцу «претися (спорить) со князем». Изяслав сидел с дружинниками во дворце у раскрытого окна. Народ стоял внизу и сильно шумел. Дружинники угадывали опасность и один из них, очень близкий князю человек, советовал принять меры к охране в тюрьме Всеслава. Другие советовали еще раз обмануть Всеслава, обманом пригласить его к княжескому окну и здесь пронзить мечом. Князь отказался от этого проекта, да и было уже поздно что-либо предпринимать, так как народ больше не ждал. С шумом он прервал свои переговоры с князем и бросился на помощь тем, кто осаждал тюрьму. Изяслав и Всеволод решили спасаться бегством.

Освобожденный Всеслав стал киевским князем по воле веча. Изяслав бежал в Польшу, где надеялся найти помощь, потому что польский король приходился ему племянником. С польской помощью ему удалось вернуться в Киев. Посаженный народом, князь Всеслав, тайно пользуясь ночной темнотой, бросил выступившее с ним против Изяслава войско и бежал в свой Полоцк. Утром войско узнало, что осталось без вождя и отступило к Киеву. Вече отправило посольство к Святославу и Всеволоду с требованием явиться немедленно в Киев и вступить в переговоры с Изяславом. «Если вы этого не сделаете, уведомляло вече, мы сожжем город, а сами уйдем в греческую землю». От Изяслава городские люди, очевидно, ждали жестокой расправы. Святослав и Всеволод взяли на себя роль посредников. Они обратились

к своему брату с предложением не наводить поляков на Киев, потому что в этом нет никакой нужды: Всеслав бежал, а киевское вече сопротивляться Изяславу не будет. «Если же ты, передали ему братья, хочешь мстить и погубить город, то знай, что нам жаль отцовского стольного города, и мы за него вступимся».

Изяслав сделал вид, что готов исполнить предложение братьев, но в конечном счете обманул их. Он послал вперед своего сына Мстислава, который произвел здесь расправу: 70 человек из тех, кто освобождал из тюрьмы Всеслава, казнил, многих ослепил, часть уничтожил без всякого суда. По трупам вошел он в Киев и продолжал расправу. Между прочим он велел перенести торг, где народ обычно собирался на вече и откуда грозил самому князю Изяславу, в другое место, на гору, где жили бояре и дружинники, всегда готовые выступить против революционной массы в случае новой попытки выступления. Восстание было подавлено, но не сломлена сила сопротивления угнетенной массы. Через три года массовые движения проявились с новой силой.

XIII. ВОЛНЕНИЯ КРЕСТЬЯН И ГОРОЖАН 60—70 ГОДОВ.

В Киеве было неспокойно. Усмиренная жестокими мерами, городская масса притихла, но не сдалась. По городу ходили зловещие слухи и толки. Явился какой-то волхв, стал смущать народ своими предсказаниями: скоро-де Днепр потечет обратно, греческая земля станет на место русской, а русская на место греческой; и другим землям тоже предстоят всякие перемены. Летописец не мог скрыть, что город был полон каких-то тревожных и непонятных ожиданий. Из дальнейшего рассказа того же летописца мы узнаем, что в других местах это смятение принимало более определенные формы. В Ростовской области наступил голод, и на этой почве поднялось крестьянство под предводительством двух волхвов. Восставшие продвигались вверх по Волге и по Шексне. Когда они подошли к Белоозеру, у них оказался уже отряд в 300 человек вооруженных крестьян. Волхвы агитировали, указывали на тех, кто скрывает хлеб и другие продукты питания, убивали их, и имущество их конфисковали. Больше всего страдали женщины, так как в этих краях (Ростов и Белоозеро) общественные пищевые продукты, назначенные для общественных праздников, хранили женщины. Такой обычай жил здесь от глубокой древности. Дальнейшему разрастанию крестьянского движения помешал воевода известного нам князя Святослава, одного из триумвиров, Ян Вышатич, который силой оружия усмирил восставших, арестовал их вождей и разрешил родственникам убитых ими женщин произвести над волхвами акт мести. Усмирить это движение было не легко даже военному специалисту, который был здесь не один, а со своей дружиной. Дружинники даже предостерегали своего вождя, чтобы он был осторожен: «не ходи, говорили они ему, без оружия; осрамят они тебя».

Неспокойно было и в Новгороде, где княжил тогда Глеб. И здесь явился какой-то волхв, обращался к народным массам и имел успех. И этого волхва летописец высмеивает, передавая в то же время интересные и важные подробности. Этот волхв будто бы заявлял, что ему известно будущее и в доказательство своей силы обещал на глазах у народа перейти Волхов. Вероятно, он не только рассказывал эти басни, а вел с народом беседу по-

серьезнее, потому что летописец дальше говорит о том, что в городе начался мятеж, что городские простые люди собрались убить епископа. Епископ, надеясь, на защиту князя, не растерялся, вышел к народу с крестом и заявил: кто верит волхву, пусть идет к волхву, кто ему не верит, пусть идет к епископу. Результат для епископа оказался совсем неожиданный: иначе он бы не сделал своего предложения. Оказалось, что к нему перешел только князь с дружиной, «а людье вси идоша за волхва». Мятеж усилился. Князь Глеб прибег к оружию, и таким путем прекращен был мятеж.

XIV. РАСПАДЕНИЕ „ТРИУМВИРАТА". УСИЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ФЕОДАЛЬНЫХ КНЯЖЕСТВ

Союз трех наиболее сильных княжеств, некоторое время поддерживавший единение и мир в восточноевропейской равнине, стал обнаруживать признаки распада. После событий 1068 г. стало ясно, что Изяслав не имеет поддержки в народе и очень слабую у своих братьев. Сам Изяслав, водворившийся в Киеве при помощи поляков, стал понимать свое положение и заботиться об его упрочении, но все меры, им принятые, не принесли желаемых плодов. Летописцу пришлось вспомнить диавола, который перессорил братьев. Святослав и Всеволод действительно прогнали Изяслава. Святослав занял Киев, оставаясь князем Черниговским. Изяслав отправился в Польшу, но на этот раз польский король не обнаружил готовности защищать своего родственника, а заключил союз с его врагами. Польский король не ошибся в расчетах. Его новые союзники помогли ему в войне с чехами.

В этом самом году, когда сыновья Святослава и Всеволода ходили с войском на помощь полякам, умер Святослав и похоронен был не в Киевэ, а в своей вотчине — Чернигове (1076 г.). Киев перешел в руки Всеволоду, но не надолго.

После долгих странствований по Западной Европе и хлопот перед дворами польским, германским, папским Изяслав нашел, наконец, поддержку в Римском папе, знаменитом Григорие VII. Секрет расположения папы к Изяславу объясняется тем, что Изяслав дал присягу папе в том, что он в случае возвращения ему Киева признает власть папы и Киевскую Русь сделает леном св. Петра. Но действительную помощь Изяславу оказал все же не папа, а польский король, нашедший для себя удобным снова вмешаться в киевские дела.

Против Изяслава выступил Всеволод.

В то время, когда Изяслав искал помощи в Западной Европе, отдельные части Киевского государства успели настолько усилиться, что некоторые из них совершенно открыто проявляли свои стремления к освобождению от власти Киева. На первом месте среди княжеств, весьма определенно обнаруживавших свое враждебное отношение к Киеву, надо поставить княжество Полоцкое. Проявляли те же стремления, хотя и в разной степени и другие князья. Центр недовольных Киевом князей сосредоточился в Тмуторакани. Несколько князей, съехавшихся в Тмуторакани с Романом Святославичем во главе, пригласили к себе на помощь половцев и совместными усилиями нанесли удар киевскому князю Всеволоду (1078).

Разбитый Всеволод вернулся в Киев и встретился здесь с Изяславом не как с врагом, с которым он готовился сражаться, а как с другом, от которого ждал помощи.

Действительно, положение настолько переменилось по сравнению с тем временем, когда Изяслав покидал Киев, что оба брата потеряли всякую охоту конкурировать друг с другом. Перед ними стояла одна цель — оставить Киев за собой и тем самым удержать Киевское государство от окончательного распада.

Один — возвращающийся с польской силой изгнанник, другой — разбитый своими же родственниками в союзе с половцами — братья при встрече расцеловались, и Всеволод стал рассказывать Изяславу печальную повесть последних лет о том, как отдельные феодальные княжества не признают авторитета Киева, действуют по своему усмотрению и согласно своим собственным интересам, не останавливаясь перед заключением союзов с половцами. Изяслав, сам перенесший в своем изгнании много невзгод, понял, что положение Всеволода, с которым они еще недавно делили власть, серьезно пошатнулось. Он даже стал утешать Всеволода, хотя утешение его носило характер, граничащий с безнадежностью: «Аще будеть нама причастье в Русской земли, то обема; аще лишена будете, то оба». Изяслав мог лишь твердо обещать быть с братом неразлучным и в беде и в счастьи.

Дальнейшие события показали, что Изяслав сдержал свое обещание и пал в первом же бою с коалицей враждебных князей (1078). Всеволод хотя и победил, но уже не мог восстановить прежнего значения Киева. Летописец говорит о нем так: «седящю. . . ему в Кыеве, печаль бысть ему от сыновець своих, яко начаша ему стужати, хотя власти (ов сея, ов же другие, сей же, омиряя их, раздаваше власти) им. В сих печали всташа и недузи ему и приспеваше старость к сим; и нача любити смысл уных, совет творя с ними; си же начаша заводити и негодовати дружины своея первые и людем не доходити княже правды, начаша ти унии грабити, людий продавати, сему не ведущу в болезнех своих».[1]

Всеволоду на старости лет пришлось переменить курс своей политики. Он вынужден был разойтись со своими старыми советниками, старшими членами своей дружины. Место их заняли более демократические слои дружины, которым летописец самым явным образом не сочувствует. Эти новые люди, ставшие у власти, внесли несомненно и новые приемы и методы властвования. Согласно утверждению летописца, эта новая власть была не похожа на старую. Тут нам опять приходится еще раз подчеркивать факт, о котором уже шла речь в начале книги (стр. 21), факт противопоставления старого времени новому с явным предпочтением первого. И здесь нам не трудно вскрыть подлинный признак, отличающий эти две эпохи: это перемена форм эксплоатации; новые люди стали «грабить» и «продавать» людей, т. е. обрушились на своих же зависимых от них людей, как на объект своей эксплоатации. Летописец думает, что это по крайней мере отчасти объяснимо старостью и болезненностью Всеволода: будь он силен и молод он бы до этого не допустил. Но дело, конечно, не в старости и болезнях князя, а в том, что

---

[1] Лаврентьевская летопись, изд. 1910 г., стр. 209—210.

времена переменились, и киевский князь для отсрочки своей окончательной гибели должен был идти на компромисс.

С. М. Соловьев совершенно верно подметил факт крупных перемен в общественной и политической жизни Киевского государства в это время; только объяснил его по-своему, со своей «родовой» точки зрения. Он по этому поводу пишет: «первые усобицы на Руси произошли от отсутствия отчинного права в отдельных волостях, от стремления осиротелых князей-изгоев установить это право и от стремления старших не допустить до его установления».[1]

Соловьев совершенно правильно подметил настоящий мотив выступления князей против Киева: борьба велась за созидание и укрепление обособленных от Киева вотчин-княжений, борьба, в которой Киев отстаивал старое свое положение главы государства, старой «матери городов русских». В этой борьбе он оказался побежденным.

Отдельные феодальные княжества настолько усилились, что управлять ими из Киева уже было невозможно. На смену гегемонии Киева приходит сепаратизм вотчин-княжений и, как неизбежное следствие—практика княжеских съездов.

XV. КНЯЖЕСКИЕ СЪЕЗДЫ

Первый княжеский съезд был в 1097 г. в гор. Любече. Давно уже князья чувствовали потребность договориться относительно взаимных своих отношений. Святополк Изяславович Киевский и Владимир Всеволодович Мономах приглашали одного из самых энергичных князей, Олега Святославовича Черниговского, в Киев на совещание: «поиди Кыеву, да поряд положим о Русьстей земли пред епископы и пред игумены и пред мужи отець наших, и пред людьми градьскыми, да быхом оборонили Руськую землю от поганых». На приглашение Олег дерзко отвечал: «несть мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом» и не слушал своих братьев, внимая, как объясняет летописец, лишь своим «злым советникам». Он имел основание думать, что на съезде его будут «судить». Это было в 1096 г.

В Любеч все-таки прибыл и этот гордый князь. Здесь съехались князья с тем, чтобы устроить и укрепить между собой мир. Решили, чтобы каждый из князей держал свою вотчину, т. е. полученную от отца землю, и не покушался бы на чужое. Целовали крест на том, что если кто-нибудь из князей поднимется на другого, то все князья должны встать на зачинщика.

На этом съезде уже совершенно четко был констатирован факт наличия отчин и отчинного права. Было официально произнесено и признано съездом «кождо да держит отчину свою». Съезд признал этот факт основой дальнейших политических между-княжеских отношений. Но лишь только разъехались князья с этого съезда, как между двумя князьями, присутствовавшими на съезде, разыгралась кровавая драма. Давид Игоревич, князь Владимиро-Волынский, при содействии самого Святополка Изяславовича вероломно и коварно поступили с князем Теребовльским Васильком. Пригласили его в гости, сковали его, и Давид велел выколоть

[1] С. М. Соловьев. История России, изд Общ. польза, т. I, стр. 304.

ему глаза. Василько был сильный и храбрый человек, много походов удачных совершил на поляков и стал среди князей вызывать подозрения в своих дальнейших замыслах. Боялись, что он, объединившись с Владимиром Мономахом, может быть опасен другим князьям. Его-то и решили они погубить.

Владимир Мономах собрал новый съезд, который осудил поведение Давида и Святополка и постановил наказать виновных. Владимир с войском отправился на Киев. Святополк хотел бежать, но его не пустило киевское вече. Оно протестовало против осады Киева и связанного с ним кровопролития. В результате нового расследования дела пришли к компромиссному решению — велели одному из соучастников преступления преследовать другого. Святополк должен был итти против Давида. Святополк долго медлил и, наконец, пошел устраивать свои собственные дела, отвоевывая у родственников ослепленного князя волости для себя. Давид с помощью половцев получил возможность еще больше усилиться.

Через три года был созван второй съезд в Уветичах, или в Витичеве (1100 г.), куда вызван был Давид. На этот раз против него стояла северная коалиция князей. Он, лишенный Владимиро-Волынского княжества, должен был повиноваться и довольствоваться назначенной ему новой сравнительно небольшой волостью.

На съездах решались и другие вопросы, касающиеся всех княжений. На съезде 1103 г. у Долобского озера ставился вопрос о совместных действиях против половцев, где Владимиру Мономаху пришлось убеждать Святополка в необходимости похода. Прошли те времена, когда Владимир I посылал своих подручных князей, куда считал необходимым. Дружина Святополка протестовала, указывая на то, что весной нельзя брать крестьянских лошадей, необходимых армии в случае похода, и отрывать крестьян от полевых работ. Мономаху удалось опровергнуть эти соображения и доказать, что лучшая защита крестьянского хозяйства — это разгром половцев, постоянно угрожающих между прочим и крестьянству.

Княжеские съезды оказались не способными примирить противоречивые интересы феодальных владетелей. Среди них продолжало господствовать право сильного. Сильный феодал имел возможность игнорировать и постановления съездов. Феодальная раздробленность сделалась фактом очевидным. Неизбежным ее следствием явились хронические феодальные войны. Закончился «готический» период в истории России.

XVI. ВОССТАНИЕ В КИЕВЕ 1113 Г.

Не только летописец замечал перемену в форме эксплоатации зависимого населения. Крестьянские общины, встретившие наступление феодалов восстаниями, продолжали спорадически выступать с протестом и позднее. Но крестьянские восстания по своей природе, особенно в столь далекое время, не могли быть сколько-нибудь мощными хотя бы в силу одной распыленности крестьянских сил. Гораздо более внушительными рисуются в наших источниках выступления угнетенных городских масс.

В 1113 г. в Киеве вспыхнуло одно из крупных восстаний: поднялись мелкие городские люди, их поддерживала деревня. Воспользовались смертью

князя Святополка Изяславовича. Этот князь умел отталкивать от себя даже своих близких. Высокого роста, худой, с острым взглядом и длинной бородой, он даже на пиру был мрачен: болезнь не позволяла ему нормально есть, а пил он только по необходимости, «для других». Сребролюбив и скуп был необычайно, имел постоянные связи с ростовщиками, поддерживал их, давал им льготы. Однажды, когда поднялась в цене в Киеве соль, Святополк пограбил всю соль в Печерском монастыре, чтобы продавать ее по дорогой цене и нажиться. Когда же игумен стал обличать его корыстолюбие и жестокость, князь заточил своего обличителя. Сын его, Мстислав, был совсем похож на отца.

До него как-то дошел слух, что двое печерских монахов нашли клад в монастыре. Мстислав мучил их без пощады, выпытывал у них, где клад. Даже киевские монахи, обычно почтительные к своим властям, скверно говорили о своем князе Святополке: много насилия видели от него люди, великое было тогда нестроение и грабеж беззаконный.

Как только его не стало, восстал народ киевский и прежде всего бросился на двор киевского тысяцкого Путяты за то, что Путята всегда держал сторону Святополка и его сына; потом разграбили дворы сотских и ростовщиков. Имущие классы испугались. Спешно они отправляют посольство за посольством к Владимиру Мономаху, который не очень хотел вмешиваться в киевские события. Тогда растерявшиеся господствующие классы стали указывать Мономаху на возможность углубления восстания. «Если ты не придешь, велели они передать Владимиру, то знай, что много зла сделается. Пойдут уже не на один Путятин двор или на дворы сотских и ростовщиков, но и на княгиню, бояр и на монастыри, и тогда ты дашь богу ответ, если монастыри будут разграблены».

Владимир явился, вынужденный нарушить правило, принятое на Любечском съезде князей о том, что каждый князь должен держаться своей вотчины. Киев не был вотчиной Мономаха. Владимира выбрало вече, собравшееся на этот раз не на площади, где господствовал восставший народ, а в храме св. Софии, вместившем в себя «степенную» публику, боявшуюся народного гнева. Избранный князь должен был утишить восстание, и он это сделал путем компромисса с восставшими и путем репрессий. Создавшееся положение подсказало ему, что необходимо прежде всего облегчить положение должников, стонавших под гнетом высоких ростовщических процентов, и помочь тем, кто за взятые у господ вперед деньги должны были вечно гнуть свою спину на барской работе, т. е. закупам. Владимир сделал и то и другое, с таким расчетом, чтобы от его «реформы» не очень пострадали ростовщики и землевладельцы. Немедленно по прибытии в Киев он собрал в княжеском загородном дворце своих наиболее видных дружинников; обсудили создавшееся положение и выработали «Устав». По этому уставу тот, кто взял деньги в долг на 50% годовых, может платить эти проценты только два года. Кто уже уплатил эти проценты за три года, делается свободным от всего своего долга.

Как мы уже видели, Владимир Мономах обратил внимание на безвыходное положение закупов, рядовичей вообще и их вдов. Он действительно сделал попытку облегчить их тяжелую участь (стр. 117). Это обстоятельство, повидимому, и дало повод Владимиру Мономаху отметить в своем «Поуче-

нии» «тоже и худого смерда (сюда можно отнести и закупа. *Б. Г.*), и убогые вдовице не дал есмь сильным обидети».[1]

Многие из этих новых правил были неисполнимы, потому что трудно было следить за всеми господами, пользующимися трудом зависимого от них населения. Но тем не менее все эти правила создавали совершенно определенное впечатление, что времена Святополка миновали. Народ утих.

На некоторое время утихли и князья-феодалы. Они поняли, что им грозит много опасностей и прежде всего опасность народных движений, поняли также, что феодальные войны подготовляют почву для этих движений. В лице Владимира Мономаха они нашли князя, который на некоторое время сумел не без их, конечно, содействия реставрировать старые политические отношения. Но, как мы увидим сейчас, воскресить прошлое уже было невозможно.

XVII. ВЛАДИМИР МОНОМАХ (1113—1125)

Задолго до прихода на Киевский стол Владимир Мономах был известен не только Киеву, но и Европе и степям причерноморским (особенно половцам) и Византии. Мы уже видели его популярность в княжеской и дружинной среде, могли заметить также его исключительную активность в княжеских съездах и всех вытекающих из них политических следствиях. Важно отметить также его родственные связи с европейскими государствами и Византией. Его мать была дочерью византийского императора, сестра замужем за знаменитым германским императором Генрихом IV, сам он был женат на дочери английского короля.

Не случайна была молва, что Владимир в союзе с ослепленным Василько могут быть опасными соперниками Святополку. И если бы Святополк только мог, он постарался бы расправиться и с Владимиром так, как он расправился с Васильком. Но Владимир был очень силен и уничтожить его было трудно. Все знали, что Киев — не вотчина Владимира, и что появление его на Киевском столе нарушает постановление Любечского съезда, но никто не решился протестовать. Став киевским князем, Владимир не лишился и своей вотчины, т. е. оставался попрежнему князем переяславским суздальским и ростовским.

Став, при очень сложных политических обстоятельствах, князем киевским, Владимир Мономах сделал попытку восстановить поколебавшееся положение Киева, пользуясь всеми имевшимися в его распоряжении средствами. Малейшую попытку неподчинения себе Владимир пресекал в корне и распоряжался другими князьями как своими подчиненными. Минского князя, который переступил северную границу Киевской земли, Мономах быстро усмирил: напал на Минск и не оставил там «ни челядина, ни скотины». Побежденный минский князь обещал повиноваться Владимиру, но слова не сдержал. Владимир тогда отобрал у него Минск, а его самого перевел к себе в Киев, где он и умер. Так же круто расправился Мономах и с Владимиро-Волынским князем. Даже Новгород Великий, стоявший вдали от княжеских счетов, должен был признать над собой власть Владимира и принять к себе от него посадника.

---

[1] Лаврентьевская летопись, изд. 1910 г., стр. 242.

Половцы, не раз испытавшие на себе оружие дружин Владимировых, прекратили свои нападения.

При Владимире и его сыне Мстиславе Киев стал снова на некоторое время политическим центром большого государства. Во всяком случае отдельные феодальные владетели серьезно считались с ним. Но это политическое положение длилось очень не долго. Новые экономические условия, при которых продолжали в XII в. жить отдельные феодальные княжества, входившие в состав Киевского государства, и их борьба между собой создали новую политическую карту Восточной Европы, где Киеву отведено было уже более скромное место. Это уже период феодальной раздробленности или иначе период уделов.

Новые политические центры успели образоваться во многих местах империи Рюриковичей и тем самым совершенно ясно обозначались самостоятельные княжения: Новгородское, Ростово-Суздальское, Муромо-Рязанское, Смоленское, Киевское, Черниговское, Северское, Переяславское, Волынское Галицкое, Полоцкое и Турово-Пинское. Эти княжения в свою очередь дробились на более мелкие части.

XVIII. РАСПАД КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Крупнейшие города восточной Европы могли стать политическими центрами отдельных феодальных княжеств только благодаря своему богатству. Богатели эти города прежде всего от торговли внутренней и внешней. Два самые большие города, Новгород и Киев, вели значительную торговлю со многими далекими странами. Один из важнейших торговых путей из Византии в Западную Европу шел через Днепр — Волхов — Балтийское море.

В XI в. в Европе началось движение, окончившееся тем, что торговые пути в Западную Европу из Византии и Малой Азии значительно укоротились и пошли мимо Днепра. Это перемещение торговых путей связано с крестовыми походами.

Крестовые походы имели своими следствием успехи торговцев итальянских и южнофранцузских городов. Они получили в свои руки средиземноморские пути, до тех пор находившиеся в руках арабов и византийцев. Восточные товары стали перевозиться в Европу итальянцами по Средиземному морю, а по Рейну эти товары достигали центральной Европы. Выросли и разбогатели итальянские, французские и рейнские города. Последние образовали торговый союз, охвативший своими конторами всю Балтику, на крайнем северо-восточном участке которого оказался Новгород, один из русских городов, для которого передвижка мировых торговых путей была более полезна, чем вредна.

Города по среднему Поднепровью с перемещением торговых путей стали глохнуть. Ярче всего это обстоятельство сказалось на большом торговом городе, Киеве. Лишенный старого своего политического значения, он в то же время терял и свое значение экономическое.

К середине XII в., а особенно ко второй его половине, процесс укрепления и обособления новых политических центров, с одной стороны, и ослабления Киева, с другой, пошел настолько далеко, что Киев окончательно, навсегда перестал быть не только стольным городом большого, хотя и «аля-

новатого» государства, но оказался далеко не первым среди новых политических образований. Князь киевский Андрей Юрьевич (1157—1174) отказался даже жить в Киеве и предпочел ему новый город Ростово-Суздальской земли, Владимир. (В нескольких километрах от Владимира в Боголюбове он построил свой замок, от которого Андрей и получил прозвище Боголюбского.) В 1169 г. Андрей Боголюбский организовал против Киева большой поход. 8 марта 1169 г. Киев был взят и предан разграблению. Победители не щадили никого и ничего. Среди пылающих зданий суздальцы и их союзники убивали и вязали людей, жен уводили в плен, разлучали мужей от жен; дети плакали, видя мучения своих родителей. Поживились сильно: награбили много всякого имущества, ободрали драгоценные оклады с икон, забрали ризы, колокола, книги. Зажгли и Печерский монастырь, но он сгорел не весь. Летописец говорит, что над Киевом нависла общая печаль, стон стоял, скорбь неутешная и слезы непрестанные.

По этому поводу С. М. Соловьев писал: «Андрей не сам привел войска свои к Киеву, не пришел в стольный город отцов и дедов и после, отдал его, опустошенный, младшему брату, а сам остался на севере, в прежнем месте своего пребывания, во Владимире-на-Клязьме. Этот поступок Андрея был событием величайшей важности, событием поворотным, от которого история принимала новый ход, с которого начинается на Руси новый порядок вещей»,[1] подготовленный, однако, как мы видели, всем предшествующим ходом событий. С. М. Соловьев и здесь совершенно правильно констатировал факт, объяснив лишь и его со своей «родовой» точки зрения: до сих пор, по его мнению, Русью владел большой княжеский род, при наличии «общности интересов всех князей». Сейчас Андрей Боголюбский, по мнению того же автора, создал себе (во Владимире) независимое могущественное положение. Мы уже могли видеть, что не княжеский «род» владел государством Киевским, что князья, несмотря на свое родство, давно уже стали стремиться каждый к созданию для себя «независимого» положения, и что многие из них и успели достигнуть своей цели. Андрей Боголюбский — не исключение, а один из наиболее ярких примеров вновь создавшегося положения вещей. Если Андрей чем-либо и отличался от других ему подобных князей, то лишь силой, с которой другие князья вынуждены были считаться. Разгромом Киева войсками феодальных (удельных) князей я и заканчиваю свой краткий обзор политической истории Киевского государства.

---

[1] С. М. Соловьев. История России с древн. времен, изд. Общ. польза, т. I, стр. 490.

СОДЕРЖАНИЕ

